

ВАЛЕНТИНА
ЗАЙЦЕВА

ЧЁРНАЯ ЛЮБОВЬ

18+

Валентина Зайцева

Чёрная любовь

<https://litres.ru/74334684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная девушка из Хабаровска, Анна, спасаясь от пожара, шагает в рваный портал и попадает в Черноморье — мрачный, зачарованный мир, где магия переплелась с древними легендами. Здесь она оказывается пленницей Владыки Тьмы — грозного, холодного и невероятно могущественного демона, чье имя заставляет содрогаться три мира.

Владыка Черномор — живое воплощение тьмы, связанный вечным долгом хранить хрупкое равновесие. Но в глазах дерзкой смертной, не ведающей страха, он видит отражение того, кем был когда-то.

Однако за Анной охотится не только Владыка. Царь Пепла Кощей, жаждущий мести и разрушения, видит в ней ключ к своей свободе. Духи стихий, уставшие от железной хватки Черномора, готовы поднять мятеж. А предательство и кровавая война уже стоят на пороге.

Чтобы спасти любимого, Анне предстоит пройти через боль, потери и смертельный выбор. Она должна стать царицей, но готова ли она отдать всё, чтобы остановить хаос? И сможет ли любовь, рожденная во тьме, пережить свет?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	34
Глава 3	53
Глава 4	80
Глава 5	98
Глава 6	125
Глава 7	150
Глава 8	175
Глава 9	201
Глава 10	216
Глава 11	234
Глава 12	260
Конец ознакомительного фрагмента.	263

Чёрная любовь

Пролог

Десять веков назад

Владыка Черноморья ступил под своды святилища, и ок-
но, сквозь которое сочилась робкая надежда, неумолимо
сузилось, грозя захлопнуться навсегда. Тот, кто стоял сейчас
перед своим величайшим творением, был для этого мира од-
новременно и воплощенным кошмаром, и несбыточной, му-
чительной мечтой. Десять веков назад из Черноморья сбе-
жал Кощей — единственный, кто хранил тайны, способные
пошатнуть основы мироздания. Но сейчас Владыку заботи-
ло иное.

В центре святилища, посреди бассейна, наполненного
жемчужным, опалесцирующим сиянием, возвышалось Серд-
це Мироздания — древний дуб. Это было величественное
древо, чья крона терялась где-то в немыслимой вышине, рас-
творяясь в мерцающей дымке. Он был прекрасен, но это
была пугающая красота застывшего, безмолвного божества.
Его ствол — белесый, словно выточенный из самого чистого
лунного камня, — уходил корнями в гущу светящейся жид-
кости, а ветви, изящные и тонкие, напоминали застывшие в
мольбе руки. На них не было листьев, лишь полупрозрачные,
призрачные цветы, чьи лепестки слабо пульсировали, слов-

но тысячи бьющихся сердец.

Но эту неземную, хрупкую грацию безжалостно душил металл. Ствол и изящные ветви лунного дерева были намертво опоясаны тяжелыми золотыми цепями. Эти оковы не служили украшением — они сковывали саму реальность, удерживая Скверну и первозданный Хаос от поглощения трех миров.

Свет, пульсирующий в цветах Сердца Мироздания, отбрасывал длинные, резкие тени на лицо Владыки. Его строгие, благородные черты всё ещё хранили память о тех временах, когда он был рыцарем в сияющих доспехах, а не ледяной тенью, истощенной бесконечной, безмолвной войной. Виноват ли он? Или виноваты те, кого он обрек на вечное заточение в сталь этих оков? Это давно не имело значения.

Доспехи — асимметричные, похожие на осколки разбитого черного зеркала, — покрывали его плечи. Темная ткань рубахи была распахнута на груди, обнажая старые шрамы, не заживавшие столетиями. В этих чертогах никто не посмел бы бросить ему вызов. Никто не осмелился бы обнажить клинок перед тем, кто собственной волей держит миры на краю бездны.

Владыка медленно откинул капюшон. В его глазах — глубоких, бездонно-синих, словно ледяная океанская пучина, в которой отражался свет заходящего солнца, — не было ничего, кроме холодного презрения и едва уловимой, царапающей тревоги. В этой темной лазури таилась непостижимая,

древняя мощь, способная заморозить саму вечность, и тот самый обжигающий холод, перед которым трепетали три мира. Он смотрел на свой шедевр. На свою идеальную тюрьму.

В святилище стоял непрекращающийся, давящий гул. Тысячи голосов, вплетенных в звон натянутых цепей и пульсацию призрачных цветов, взывали к милосердию. Они кричали, молили, проклинали — и долгие века он оставался глух к их бессильным стенаниям.

Но сегодня всё было иначе. Когда лунный дуб внезапно вздрогнул, а нерушимые цепи отозвались болезненным, надрывным звоном, среди душного многоголосия отчаяния прорвался один голос. Яростный. Чистый. Пронзительный. Голос, который не должен был звучать в его мертвом, идеальном мире.

«Это твой шанс. Уходи. Беги! Свобода!»

Владыка Черноморья, Черномор

Кошмары вернулись. Для иного существа — это лишь дурной сон, но для меня, Владыки Черноморья, сны — это просачивающаяся сквозь трещины реальности истина.

Я мерил шагами залы своей цитадели, возвышающейся над краем света. Мои шаги не нарушали тишины — лишь эхо отражалось от стен из черного обсидиана. Мой плащ, тяжелый и темный, как само безлунное небо над морем, волочился следом, словно тень, живущая собственной жизнью. Капюшон скрывал лицо, но не мог спрятать ледяного огня

моих глаз.

В Черноморье никто не смел приближаться ко мне. Мои слуги — немые духи, заточенные в доспехи, — знали: если я беспокоен, само море начнет штормить, а звезды побледнеют от страха.

Черноморье — мир, который я удерживал в своих руках, — трещал по швам. Моя власть, крепкая, как сталь, давала слабину.

Я — Черномор. Демон, запертый в своем величии. Я был выкован из самой первозданной тьмы, чтобы хранить равновесие, но сейчас я чувствовал лишь усталость. Вечность — это не дар, а тяжелая цепь. Мое «богатство» — это не золото, а судьбы миров, которые я запер в своем морском склепе, чтобы они не уничтожили себя сами.

Я спустился в самое сердце скалы, где море встречается с пустотой. Мои латные перчатки, холодные и острые, как клинок, касались каменных стен. Этот жест приносил странное успокоение. Ощущение металла на коже напоминало мне о том, кто я есть. Я — тот, кто держит хаос в узде. Я — единственный, кто стоит на пороге бездны.

Тяжесть доспехов была для меня не бременем, а единственной реальностью, которую я понимал. Но, дойдя до святилища, я позволил черной магии рассеяться, оставив лишь стальные перчатки. Холод подземных пустот коснулся обнаженной кожи. Это была моя истинная обитель. Гробница моей гордости.

Двери в Святилище, украшенные искусной вязью морских трав и остроконечных звезд, распахнулись передо мной беззвучно. Внутри царил ослепительный, почти болезненный свет. Здесь, в центре зала, посреди бассейна, наполненного жемчужным, опалесцирующим сиянием, возвышалось Сердце Мироздания — древний дуб.

Это было величественное дерево, чья крона терялась где-то в немыслимой вышине, растворяясь в мерцающей дымке. Его белесый ствол, словно выточенный из самого чистого лунного камня, уходил корнями в гущу светящейся жидкости, а изящные ветви напоминали застывшие в мольбе руки. Вместо листьев на них цвели полупрозрачные, призрачные цветы, чьи лепестки слабо пульсировали, словно тысячи бьющихся сердец, удерживая магию Черноморья в строгой узде.

Оно пульсировало, истекая призрачным светом. Тончайшие трещины, словно темная паутина, покрывали его лунную кору и тяжелые золотые цепи, сковывающие ветви. Каждый раз, когда я вливал в него свою силу, чтобы усмирить рвущийся наружу Хаос, я оставлял на нем частицу собственной души. Я был прикован к этому дереву не одними лишь цепями, а невыносимым, вечным долгом.

Я поднял руки, и тьма, послушная моей воле, потекла к дубу, оплетая его стволом и затягивая раны. Древнее дерево вздрогнуло, издав глубокий, звенящий губчатый стон сквозь звон натянутого металла — и затихло. Еще один день. Еще

одна ночь хрупкого покоя для мира, который меня ненавидит.

Я развернулся, чтобы покинуть святилище, но внезапно замер. По спине пробежал холодок, не имеющий отношения к магии. В воздухе что-то изменилось. Появился тонкий, едва уловимый аромат — аромат нектарных цветов небесных садов, который не должен был существовать здесь, в чертогах Демона.

Эта секунда сомнения стоила мне всего.

Я едва не упустил это движение. Краем глаза я заметил, как в углу, у самой границы магического свечения, мелькнула тень. Маленький Звездный Вестник — существо, чья шерсть мерцала остатками магии Сердца, — бросился к дверям, которые я в спешке оставил приоткрытыми. Он был ранен, припадал на лапу, но бежал с отчаянием того, кто увидел свет.

Нечто ускользнуло.

Рык ярости застрял в моем горле. Я бросился в погоню, едва не сбив с ног застывших у стены немых витязей.

— Стой! — мой голос, подобный грохоту обрушивающихся скал, эхом разнесся по коридорам.

Но создание не обернулось. В воздухе, прямо перед ним, дрогнула ткань мироздания — небрежный, рваный разрез, похожий на след когтей в самой реальности. Вестник не раздумывал. Прыжок — и он растворился в черноте портала.

Я рванулся вперед, желая расширить разлом, схватить

беглеца, вернуть его в клетку, но было поздно. Портал схлопнулся, оставив лишь легкое дуновение холодного ветра.

— Нет!

Я ударил кулаком в стену. Камень, столетиями хранивший покой Черноморья, треснул под моими пальцами, покрывшись паутиной глубоких разломов. Я заставил себя остановиться. Глубокий, размеренный вдох. Владыка не должен поддаваться эмоциям.

Может, этот случай — лишь малая погрешность? Или же это предзнаменование конца? Впервые за тысячи лет я почувствовал, как холод — не тот, что я привык носить в себе, а истинный, мертвый холод — коснулся моего существа.

Глава 1

Анна

Утро не задалось. Хуже того — оно было пропитано горечью предательства. Я смотрела на экран телефона, и слова в сообщении расплывались перед глазами. Эти выходные должны были стать спокойными: родители уехали в другой город, оставив меня одну на даче под Хабаровском. Я предвкушала тишину, уют, аромат чая с травами и любимые книги.

Но вместо этого — удар в самое сердце.

Михаил. Мой Миша. Тот, кому я верила безоговорочно. Мы знали друг друга с начальной школы, и я искренне верила, что наша любовь — это навсегда. Но расстояние в сотни километров оказалось непреодолимым. Фотография в социальной сети: он сидит в студенческой компании, а на коленях у него — незнакомая девушка, смеющаяся и уверенная в себе.

Я позвонила ему. Он даже не стал отрицать.

Теперь я осталась одна в пустом доме, чувствуя себя так, будто кто-то вырвал из груди кусок живой души. Хотелось укутаться в плед, сжечь все мосты и забыться в тишине. Но сначала нужно было накормить *его*.

— Баюн! Ты где, вредина? — я толкнула дверь сарая плечом, держа в руках миску.

Наш старый сарайный кот был легендой. Облезлый, с одним ухом и мутным глазом, он казался вечным свидетелем всей моей жизни. Ветеринар лишь качал головой, не понимая, как это существо до сих пор дышит. Баюн ненавидел всех, но позволял мне себя баловать.

Он сидел на куче сена, щурясь на меня своим единственным уцелевшим глазом. Когда я подошла, он издал утробный рык.

— Ешь, «убийца мышей», — прошептала я, ставя перед ним миску.

Я опустилась на ящик рядом. Моя жизнь была далека от идеала. Я не поступила в вуз, о котором мечтала, — отец сказал, что это слишком дорого, да и мои постоянные приступы паники... они пугали всех. Иногда мне казалось, что воздух вокруг становится слишком густым, и я не могу вдохнуть. В такие моменты мир сжимался до размеров крошечной точки, и я терялась в этой темноте.

— Иногда мне хочется просто исчезнуть, — призналась я коту. — Улететь туда, где нет этого бесконечного «нельзя» и «не получится». Хочется магии, понимаешь? Настоящей, которая меняет всё. А у меня... только кукуруза, глухая деревня и старый злой кот.

Баюн не ответил. Лишь хвост его дернулся в раздражении. Я решила заказать пиццу и устроить себе вечер грустного кино. Написала папе сообщение о разрыве, получила лаконичное, но теплое «Мы рядом, всё наладится», и почув-

ствовала крошечное облегчение. Достала из холодильника бутылку лимонада.

Когда курьер привез пищу, случилось невероятное. Стоило мне приоткрыть дверь, как черная тень пулей пронеслась мимо меня в дом. Баюн. Он никогда, *никогда* не заходил внутрь.

— Баюн, стой! Вернись!

Кот, невероятно быстрый для своих лет, носился по гостиной, сшибая всё на своем пути. Моя бутылка, книги, подсвечник — всё летело на пол. А потом я совершила ошибку: зажгла свечу, чтобы осветить комнату, и побежала за ним на второй этаж.

Я гналась за ним по комнатам, как безумная. В какой-то момент я обернулась и замерла. Огонь. Свеча, которую я оставила на журнальном столике, опрокинулась, и теперь языки пламени жадно облизывали шторы.

Дым хлынул мгновенно, густой и черный, словно сама смерть пришла в мой дом.

— Нет, нет, нет! — я заметалась, пытаюсь найти выход, но пламя отрезало путь к лестнице. Это было невозможно! Дом вспыхнул как сухой порошок, огонь вел себя странно, почти разумно, преграждая мне все пути к спасению.

Я забилась в угол своей спальни, задыхаясь от едкого дыма. Сердце колотилось в горле. Это конец. Жизнь, которая так и не началась, заканчивалась в огненном плену.

И тут сквозь стену огня, которая должна была сжечь всё

живое, вышел Баюн. Он не горел. Он даже не щурился от жара. Он подошел к центру комнаты, вальяжно зевнул, и, взмахнув лапой, прочертил в воздухе светящуюся линию.

Прямо перед ним, в самом воздухе, разверзлась рваная, зияющая дыра. За ней не было моей спальни. Там кружилась первобытная, абсолютная тьма.

Я задрожала, вцепившись в волосы. *«Это галлюцинация, — прошептала я сама себе. — Просто приступ паники. Я умираю от дыма, и это мой последний сон».*

Баюн обернулся, посмотрел мне прямо в глаза, дернул хвостом и прыгнул в темноту портала.

Я стояла перед выбором: превратиться в пепел здесь, в Хабаровске, или сделать шаг в неизвестность, которая обещала магию, но могла оказаться еще более страшным адом.

Выбор был невелик: либо превратиться в пепел здесь, либо рискнуть всем.

— Терпеть тебя не могу, Баюн! — в сердцах выкрикнула я.

Я зажмурилась, вытянула руки вперед, словно собиралась прыгнуть с вышки в бассейн, и шагнула в рваную черноту. В глубине души я отчаянно надеялась, что не расшибусь в лепешку, приземлившись на неведомый пол, и что там, по ту сторону, нет еще большего пожара.

Но реальность оказалась куда более жестокой.

Вместо твердой земли под ногами я почувствовала ледяной провал. Пространство, в которое я шагнула, не было

порталом в другую комнату — это был пролом в небесах.

Я летела. Сотни метров пустоты под ногами, свистящий ветер в ушах и стремительно приближающаяся земля. Из огня — да в полымя. Я не сгорю, нет, зато разобьюсь вдребезги о каменистую почву этого проклятого места.

Крик застрял в горле, переходя в сдавленный хрип. Я беспомощно размахивала руками, пытаюсь ухватиться за воздух, но тот лишь равнодушно расступался. В этот момент мой давний недуг, мой вечный страх, накрыл меня с головой. От ужаса перед неизбежным, от осознания того, что я больше не принадлежу своему миру, сознание начало меркнуть.

Земля неслась навстречу, превращаясь в размытое пятно. Последнее, что я успела осознать — это резкий, пронизывающий холод, который ударил в лицо вместо ожидаемого жара огня.

Тьма, густая и абсолютная, поглотила меня раньше, чем я успела коснуться земли.

Владыка Черноморья, Черномор

— Мой повелитель?

Я не сразу отозвался. Последнее время сон стал для меня редкостью, а отдых — непозволительной роскошью. Я откинул голову на спинку трона из темного камня и прикрыл глаза, погружаясь в вязкую тишину. Время в Черноморье течет иначе, и я, кажется, потерял счет мгновениям.

Я медленно перевел взгляд на стоявшего передо мной ры-

царя. Ратмир. Мой верный Золотой Витязь. Его доспехи, отчеканенные из чистого червонного золота, сияли в полумраке зала, словно чешуя древнего змея. Он был старше меня — если возраст вообще применим к тем, кто веками служит Владыке Демонов, — и его лицо, изборожденное морщинами, выражало сейчас тревогу, несвойственную моим слугам.

— Да? — мой голос прозвучал глухо, как эхо в пещере.

— Случилось... непредвиденное, — Ратмир нахмурился, и густые седые усы вздрогнули. Он сжал кулаки, и золото его лат тихо звякнуло.

Я устало потер виски. Головная боль, пульсирующая за закрытыми веками, лишь усилилась.

— Что на этот раз? Какая деревня вздумала нарушить клятву верности? — Я задал этот вопрос почти равнодушно. Я ненавидел подавлять мятежи, но в Черноморье порядок держится на страхе, а страх — на силе. — Если нужно, мы усмирим их.

— Нет, мой Владыка, — Ратмир покачал головой, и в его глазах я увидел тень настоящего страха. — Всё гораздо серьезнее. В Крайнем Пределе, у самой морской черты, с неба упала звезда. Но она не погасла. Она принесла с собой хаос, который я не в силах описать.

Я резко поднялся с трона. В ту же секунду магия откликнулась на мой зов: черный доспех, покрытый тончайшей вязью древних рун, словно живая тень, окутал мое тело. Каждая пластина встала на место с холодным щелчком. Я был во-

площением самой ночи, пугающим и совершенным. Я давно оставил надежду на любовь подданных; мне было достаточно того, чтобы они преклоняли колени, едва заведев мою тень.

— Веди, — отрывисто бросил я, направляясь к выходу.

Ратмир уже отдал распоряжения: в небесах над цитаделью раздавался тяжелый клеткот морских змеев-драконов. До Крайнего Предела было несколько часов пути, но медлить было нельзя.

Я чувствовал, как внутри меня, там, где должна быть душа, шевельнулось странное предчувствие. Я не знал, что именно упало с небес. Звезда? Метеор? Или, быть может, нечто живое?

Но я точно знал одно: само мироздание вздрогнуло от этого падения. И если я не успею укротить этот хаос до рассвета, Черноморье перестанет быть моей тюрьмой — оно станет моей могилой.

Анна

Я застонала. Голова раскалывалась, будто в неё вбили раскаленный гвоздь. Прижала ладонь к виску и с удивлением осознала: я жива. Я чувствовала свои ноги, могла шевелить пальцами... Я не сломала позвоночник. Но как? Память услужливо подбросила картинку: летящая в бездну земля, огненный вихрь в моем доме... А потом — этот разлом в реальности.

Я села, с трудом пытаюсь сфокусировать взгляд. Тошнота

подкатывала к горлу, но не это было самым пугающим.

Я была совершенно нага.

— Что за... — голос сорвался на шепот.

Я сидела на дне дымящегося кратера, все еще не веря, что осталась жива. Воздух здесь был густым, пропитанным запахом озона и древней пыли. Отчаянно пытаюсь встать, я снова рухнула, и моя рука случайно погрузилась в огонь, который всё еще жадно пожирал сухую траву вокруг. Я вскрикнула, ожидая нестерпимой боли, но... ничего. Пламя лизало кожу, как ласковый зверь, не причиняя ни ожога, ни вреда. Я с изумлением коснулась пальцами самого крупного языка пламени — он лишь мягко, почти заботливо окутал мою ладонь.

Только тогда я подняла глаза и замерла.

В самом центре кратера, там, где земля была выжжена дочерна, возвышался исполинский дуб. Его черная, скрученная кора казалась отлитой из застывшей лавы, а узловатые ветви тянулись к небу, как руки утопающего. Но самое страшное было не в самом дереве. Его ствол и нижние ветви были опутаны массивными золатыми цепями. Они не висели просто так — они были вбиты в самую почву, уходя глубоко под землю, словно приковывали это проклятое дерево к недрам мира.

Каждое звено цепи было испещрено рунами, которые пульсировали в такт моему бешено колотящемуся сердцу. Где-то в вышине, среди переплетения ветвей, слабо мерцало

Сердце Мироздания, озаряя кратер призрачным, холодным светом.

— Если ты закончила любоваться достопримечательностями, может, начнем двигаться? — раздался хриплый голос Баюна.

Кот сидел у самого основания дуба, его единственный глаз внимательно следил за тем, как цепи медленно вибрировали, откликаясь на мое появление.

— Или планируешь просидеть здесь, как дура, до тех пор, пока Владыка не почувствует, что его тюрьма... пустила корни в кого-то вроде тебя?

Я вздрогнула и подняла голову. На краю воронки, величественно выгнув спину, сидел Баюн. Его голос, низкий, хриплый и донельзя язвительный, звучал прямо у меня в голове.

— Я... я умерла? — прошептала я.

— Еще нет, — кот вздохнул. — Ты собираешься встать?

Слезы паники подступили к горлу. Я зажмурилась, пытаюсь применить технику дыхания, которой меня учил терапевт, но в этой безумной реальности она казалась смехотворной.

— Мы обсудим твою истерику по дороге, — отрезал Баюн. — Если нас найдет Владыка Черномор или его безмолвные витязи, ты не просто умрешь. То, что он сделает с тобой, будет куда хуже смерти. Поверь мне.

— Владыка Черномор? — переспросила я, поднимаясь на ватных ногах.

— Меньше вопросов, Аня! Живее! — шерсть на загривке Баюна встала дыбом, и он грациозно спрыгнул в лес.

Я посмотрела на себя. Попробовать прикрыться волосами было жалко и бессмысленно. Но тут я заметила прядь, упавшую на плечо. Мои волосы... они всегда были светло-русыми, но сейчас, в лунном свете, казались неестественно белыми, словно заиндевелившими на зимнем солнце.

— Что происходит? — я бросилась вдогонку за котом. — Почему ты говоришь? И что это за место?!

— Ты в Крайнем Пределе, — бросил Баюн, не оборачиваясь. — Место, где небо встречается с бездной. Это не твоя Земля, глупая девчонка.

— Не моя Земля? — я споткнулась, но побежала дальше, перепрыгивая через узловатые корни берез. Лес вокруг казался странно красивым — деревья с черными полосами на белой коре напоминали декорации к сказке, только тени здесь были слишком густыми, а луна — подозрительно огромной.

— Ты сжег мой дом, — я догнала кота, сбив дыхание.

— Я сделал то, что должен был. Нам нужно бежать, пока магия падения не угасла, — он резко остановился и посмотрел на меня своим единственным глазом. — Ты поможешь мне вернуть силы, а я, возможно, найду способ вернуть тебя в твой Хабаровск. Если, конечно, ты не станешь обузой.

— Я не обуза! — вспыхнула я, чувствуя, как холодный ночной воздух обжигает кожу. — Просто объясни, куда мы

идем!

Баюн фыркнул, словно смеясь над моей наивностью.

— К ближайшему селению. Нам нужны припасы. И, раз уж ты так печешься о своей «скромности», нам нужно раздобыть тебе одежду.

— Это не Земля? — ещё раз спросила я, надеясь услышать «нет, это просто странный сон».

— Нет. Мы в месте куда опаснее, хаотичнее и разрушительнее, чем любые ады, о которых слагали легенды твои предки.

Баюн развернулся и скрылся в чаще, а я замерла, обхватив себя руками. Лес вокруг дышал древней, чуждой магией. Я была совсем одна — если не считать язвительного говорящего кота — в мире, где само мое существование было вызовом для того, кто правил здесь, словно железный бог.

Владыка Черномор. Одно имя заставляло всё внутри сжиматься от предчувствия беды. Но выбора не было. Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоить бешено колотящееся сердце, и шагнула в густую, беспокойную тень этого мира.

Вот как этот момент выглядит в нашей адаптации. Мы сохраняем напряжение и подчеркиваем, что для Ани это название — лишь пустой звук, за которым скрывается настоящая бездна.

— Где может быть хуже, чем в аду? — я с трудом поспевала за котом, чья тень казалась длиннее и мрачнее, чем положено обычному зверю. — Наверняка ты сейчас скажешь

название, о котором я даже не слышала, да? У тебя есть имя для этого «супер-ужасного» места, или ты так и будешь играть в загадки?

Баюн остановился. Он замер на месте, выгнув спину дугой, и долго молчал, словно взвешивая, стоит ли вообще открывать рот. Воздух вокруг нас словно стал тяжелее, пропитавшись запахом озона и старой пыли. Когда я уже собралась повторить вопрос, он обернулся, и его единственный глаз блеснул холодным, почти человеческим знанием.

Его голос, сухой и тяжелый, прозвучал как приговор, от которого внутри всё похолодело.

— Добро пожаловать в Черноморье, Анна.

Я застыла. Это слово ударило меня сильнее, чем падение из портала.

— Черноморье? — я переспросила, сбиваясь с шага, а в груди отчаянно заколотилось сердце. — Погоди-погоди... Владыка Черномор? Это же персонаж из поэмы Пушкина! Я что, реально попала в сказку? Но... в поэме не было никакого Черноморья как страны! Там был только сам Черномор — злобный, безногий карлик-колдун с гигантской бородой, который летал на облаках и похищал царских дочерей. Ты шутишь, да? Откуда здесь взяться целому царству?

Баюн резко остановился, развернулся и посмотрел на меня тяжелым, немигающим взглядом единственного живого глаза. Тишина вокруг стала звенящей.

— Глупая девчонка, — проворчал кот, и в его голосе по-

смертным эхом отозвался металлический скрежет. — Вы, смертные, привыкли проглатывать стихи, не разжевывая. Для вас Черномор — всего лишь потешный карлик с длинной бородой, которого Руслан наказал за невест. Болванчик в остроконечном колпаке, летун на посмешище. Вы даже не догадываетесь, что за этим именем скрывается целая бездна, которую ваш великий поэт побоялся описать во всех красках. Он дал вам имя, а не место. Он спрятал правду в шутке.

— Но погоди... — голос сел, сорвавшись на хрип. — В поэме он просто колдун! Уродец, который таскал девиц в свои палаты, пока его не победили! Если есть какое-то Черноморье, то где же сам Черномор? Где этот... «бородатый ужас», который, по легендам, лишился бороды, но обзавёлся целым миром?

Кот резко развернулся. Глаза его вспыхнули, как два угля, и тишина вокруг сделалась вязкой, почти осязаемой.

— Смертная, — выдохнул он с ледяным презрением. — Ты ищешь сказочного уродца с книжных страниц. А настоящий Владыка этого мира не таскает невест в мешке и не теряет бороду в поединке. Он — сама ледяная бездна, перед которой трепещут три мира. И его имя, которое ты так легкомысленно произносишь, заставляет содрогаться саму ткань бытия. И поверь мне, Анна, встретиться с ним лицом к лицу — это совсем не то же самое, что перелистывать школьную хрестоматию.

— Но, ведь это же сказки... нет, не может быть. Я просто

всё ещё сплю!

Баюн издал звук, похожий на скрежет ржавых петель.

— Сказки? О, девочка, вы, люди, всегда были склонны упрощать то, что вас пугает. Ты думаешь, это просто строки на бумаге? Пушкин лишь переложил то, что видел в своих снах. И поверь, то, что он описал — лишь самая безобидная песчинка в этом океане тьмы. Здесь море не плещется у берегов — здесь оно пожирает само время. Здесь витязи, что не знают покоя, стоят вечной стражей, а цепи, что кует Владыка, скрепляют основы этого мира.

Он побрел дальше в темноту чащи, и его тень на белых стволах берез показалась мне неестественно длинной, похожей на извивающуюся бороду или щупальца морского чудища.

— Помнишь, как там было? «Тридцать витязей прекрасных...» — в его голосе прозвучала издевка. — Только здесь они не прекрасны, Аня. Они — пустые латы, наполненные долгом и пустотой. И они уже почуяли, что в их сад, в их неприкосновенное Черноморье, забрела смертная.

Я посмотрела на свои руки, на свои побелевшие волосы, которые теперь мерцали в лунном свете, как призрачный серебряный туман. У меня внутри всё оборвалось. Я была героиней детской сказки, которая внезапно стала историей ужасов.

— Владыка... — прошептала я, и имя это отозвалось в лесу эхом, словно деревья слышали его и поклонились. —

Он настоящий?

— Он — всё, — коротко ответил Баюн, скрываясь за густым ельником. — Он — и море, и буря, и те самые цепи, что держат этот мир от распада. И сейчас он уже знает, что ты здесь.

Владыка Черноморья, Черномор

Я стоял над дымящимся кратером — рваной раной на теле Крайнего Предела. Воздух здесь был наэлектризован, пропитан запахом гари и чего-то еще. Чего-то, что я не чувствовал столетиями.

Это не был метеорит. Обычный камень с небес не оставил бы такого следа в самой структуре мироздания. Я чувствовал это кожей: здесь побывала магия. И магия эта была чужой, дикой, вырвавшейся из самого сердца Хаоса.

Я медленно отбросил со лба прядь волос и натянул капюшон черного плаща, скрывая лицо. Я не хотел, чтобы мои витязи видели выражение моих глаз. Слишком много эмоций — гнева, охлаждающего кровь предчувствия и того странного, почти забытого страха, который я считал давно изжитым.

Она вернулась. Частица Сердца Мироздания, что ускользнула от меня десять веков назад, вновь пронзила завесу реальности.

— Где ближайшее селение? — мой голос прозвучал суше, чем шелест опавших листьев.

— В пределах одного перехода их четыре, Владыка, —

Ратмир нахмурился, глядя в дым. — Но разве возможно, чтобы то, что вызвало этот удар, могло подняться и уйти своим ходом?

— Оно ушло. И мне плевать, на скольких ногах оно передвигалось, — я резко развернулся. Мой плащ, тяжелый и темный, взметнулся, словно крылья огромной ночной птицы, режущие воздух. — Ратмир, седлай драконов. Мы проверим каждое селение.

Добрыня, мой второй витязь, лениво оперся о ствол обугленной березы, сложив руки на нагруднике доспеха. В его глазах читалась привычная дерзость: — Владыка, может, не стоит? Звездопад — явление природы. Мы зря тратим время на поиск тени.

Я не ответил. Лишь развернулся к нему, и в следующее мгновение моя латная перчатка — с острыми, как лезвия, когтями — сомкнулась на его горле. Одним движением я оторвал его от земли и прижал к стволу дерева. Добрыня захрипел, его пальцы впились в мой наруч, пытаюсь ослабить хватку, но моя рука была непоколебима, как гранитная скала.

— Не учи меня паранойе, Витязь, — прошипел я, глядя прямо в его расширенные от ужаса зрачки. — Ты слишком много знаешь о том, что именно вдохновляет меня на страх. Не испытывай мое терпение.

Я разжал пальцы, и Добрыня рухнул на землю, жадно хватая ртом воздух. Он попытался оправдаться, пробормотать

что-то о «недопонимании», но я не удостоил его вниманием.

Пустые слова.

Десять веков назад кто-то исчез в разломе, который я не смог удержать. Теперь этот кто-то — или что-то — вернулся. И я знал: пришельцы из-за пределов Черноморья не ищут мира. Они приходят, чтобы разрушить то, на что я потратил вечность. Они приходят, чтобы обрушить небеса на мой народ.

Если я позволю этому случиться, гибель всего Черноморья станет лишь вопросом времени.

Я должен найти того, кто принес с собой этот хаос. И если для этого мне придется сжечь все селения дотла — так тому и быть.

Анна

Баюн — этот невыносимый, ворчливый комок шерсти — приказал мне не впадать в панику. Легко сказать, когда ты находишься в месте, где сама реальность кажется нарисованной дрожащей рукой безумного художника. Мое сознание цеплялось за остатки здравого смысла, пока в ушах стоял гул, похожий на шелест тысяч крыльев.

— Погоди, — я судорожно выдохнула, впиваясь пальцами в свои плечи. — Черноморье? Ты серьезно? Может, я всё-таки погибла в том пожаре? Это что, какая-то предсмертная галлюцинация? Мой мозг просто решил напоследок прокрутить мне старые мифы?

Я снова в упор посмотрела на кота, отчаянно цепляясь за этот нелепый вопрос, будто сотая попытка переспросить могла вдруг отменить реальность и вернуть меня в душную, но хотя бы понятную больницу или пепелище. Ну не может же быть, чтобы сказки оживали.

— Не будь такой ограниченной, — Баюн ловко перепрыгнул через корягу и потрусил вперед, даже не оглянувшись. Он держался так, будто моя непросвещенность была заразной болезнью, которую он пытался оставить позади.

Я заставила себя сделать глубокий вдох. *Так, Аня, соберись.* Забуди об ужасе. Сосредоточься на том, что это — настоящий мир из легенд. Ты ведь всегда хотела приключений, верно? Вот они, во всей своей пугающей красе.

— Постой! Значит, Владыка Черномор... он настоящий? И это всё — его владения? — Я запнулась, с ужасом осознав кое-что еще. — Послушай, ты ведь не тот самый Кот Ученый из другой поэмы, да? Ну, который... ну ты понял.

— Нет, — отрезал он.

— Ох, прости, — я виновато закусила губу. Кажется, эта тема была для него болезненной. Я решила больше не испытывать судьбу и не злить кота, который и без того был готов выпустить когти при первой возможности. — Значит, ты должен восстановить свою силу, чтобы отправить меня домой?

— Именно.

— И как нам это сделать? — я потерла лицо руками, пы-

таясь отогнать дурные мысли. Сама мысль о том, что я спасаю мир, чтобы помочь ворчливому коту, казалась фарсом.

Он издал сухой, неприятный смешок. Звучало так, будто он проглотил горсть песка и запил это чем-то крепким. — Давай двигаться шаг за шагом, хорошо?

— Хорошо. Но, может, первым шагом станет поиск хоть какой-то одежды? Мне, знаешь ли, не очень комфортно разгуливать в чем мать родила по этому... лесу.

— В Черноморье такие вещи значат меньше, чем ты думаешь. Но если это поможет тебе перестать ныть — так тому и быть.

— Ты всегда такой язвительный? — я вспыхнула. — Я здесь оказалась не по своей воле! Ты сам меня сюда притащил!

— У меня не было выбора, — он наконец обернулся, и его единственный глаз блеснул холодным золотом. — Когда я явился в ваш мир, у меня было два пути: умереть или связать наши жизненные силы. Я выбрал жизнь. Теперь мы связаны, Анна. Если ты заболеешь — я почувствую жар. Если я получу рану — ты поделишь мою боль.

Меня прошиб холодный пот.

— Связали... наши силы? Что ты со мной сделал?!

— Это значит, что теперь мы — одно целое, — он ответил с такой досадой, будто объяснял таблицу умножения бестолковому ребенку. — Пока я не восстановлюсь, мы будем разделять и судьбу, и муки.

— Так вот почему ты такой старый и облезлый, но до сих пор не сдох? — парировала я, чувствуя, как внутри просыпается ответная колючесть. Если он собирается портить мне жизнь, я не останусь в долгу.

— Я не... — он недовольно фыркнул. — Неважно. Мне нужно вернуть силу. Как только это произойдет, ты вернешься домой, а я наконец буду свободен от тебя.

Я промолчала, хотя внутри росло странное, жгучее любопытство. Магия! Она существовала на самом деле. Это было бы невероятно, если бы не было так чертовски страшно. Кто этот «Владыка»? Почему его все так боятся? Может, когда я наконец оденусь, мне удастся найти кого-то более... приятного, чем этот кот?

— Твои извинения приняты, — проворчал Баюн, словно прочитав мои мысли.

— Я и не думала извиняться! — я закатила глаза. — И всё же, ты расскажешь, как мы вернем твою силу?

— Нет. Меньше знаешь — дольше проживешь. Если — нет, *когда* — тебя схватят и начнут пытаться, твоё незнание станет твоим единственным спасением.

Я резко остановилась.

— Пытать? Они собираются меня пытаться?! — воздух в легких внезапно закончился. Я начала судорожно дышать, пытаюсь сбить панику. Вдох. Выдох. Вдох.

— Видишь? Вот именно поэтому я молчу, — кот сел на тропу, раздраженно дергая хвостом.

— Знаешь что, ты, кусок шерсти... — я закрыла лицо руками, чувствуя, как слезы подступают к горлу. — Я просто пытаюсь осознать, что всё это — не сон!

Когда сердцебиение наконец утихло, Баюн небрежно двинулся дальше.

— Догоняй.

Весь остаток пути я шла за ним, проклиная всё на свете. А потом, чтобы окончательно довести его до белого каления, запела ту самую детскую песенку про «девяносто девять бутылок кваса». Где-то на шестьдесят пятой бутылке он не выдержал.

— Замолчи! Умоляю, просто замолчи!

Я усмехнулась. Сработало. И тут впереди, сквозь густую пелену тумана, блеснули огни.

— Мы пришли?

— Похоже на то, — проворчал Баюн.

Когда мы вышли из леса, я затаила дыхание. Передо мной раскинулась деревня, будто сошедшая с картинки в старинной книге, которую кто-то решил помять и скрутить. Дома смотрелись как сказочные избышки, но с легким налетом безумия — никаких ровных углов, всё перекошено, всё «плывет». Стены из дерева, металла, соломы, скрепленные чем-то невидимым. В воздухе висела какая-то странная дымка, приглушающая цвета, словно мир за стеклом.

Баюн повел меня к заднему двору одного из домов. На веревке сушились вещи. О, благословенная одежда!

— Я не хочу воровать... — прошептала я, перелезая через каменную кладку.

— Тогда оставайся голой, — отрезал кот, запрыгивая на бочку.

Я быстро натянула грубые синие штаны и льняную рубаху. Немного велики, но это было лучше, чем чувствовать себя выставленной на всеобщее обозрение.

— Теперь что? — спросила я, и в этот момент дверь дома распахнулась.

— Кто здесь? — на пороге появилась женщина средних лет. Полная, с добрым лицом, она смотрела прямо на меня. — Ох! Кто ты? Почему ты в одежде моего мужа?

— Я... я заблудилась в лесу, — я начала свою легенду, краем глаза заметив, что Баюн просто испарился в воздухе. — Я не знала, что делать... я замерзла...

— Бедняжка, — её глаза потеплели. — Видать, Скверна тебя облапошила. Эти твари вечно крадут невинных девиц и стирают им память. Заходи, дитя, скорее!

Она втянула меня в дом, и внутри оказалось на удивление уютно, хоть и всё было под наклоном. Женщина представилась Василисой. Она налила мне отвар, который странно светился в полумраке.

— Мой муж Еремей на дозоре, — сказала она. — Витязи ищут чужаков. Ты что-нибудь помнишь? Откуда ты?

Я взглянула на её добрые глаза и совершила самую большую ошибку в своей жизни.

— Василиса... правда в том, что я не из этих мест. Я с Земли.

Женщина застыла. Её лицо в одно мгновение исказилось от ужаса. Она с диким криком бросилась к двери, распахивая её настежь.

— Стража! Стража! Сюда! Чужеземка! Она из мира смертных!

Я обхватила голову руками, понимая, что теперь я точно в ловушке. Снаружи уже послышался гул кованых сапог. Мое приключение превращалось в настоящий кошмар.

Глава 2

Анна

Я рванула к задней двери, надеясь, что успею проскочить в лес раньше, чем меня настигнут. Пальцы скребли по забору, но от охватившей меня паники руки скользили, не давая сдвинуть задвижку. Может, попытать счастья с парадным входом? Если повезёт, я окажусь быстрее их.

Я сделала всего четыре шага за порог, как чьи-то руки вцепились мне в плечи. Я вскрикнула, когда меня рывком потащили назад.

— Эй! Эй, пустите! — я брыкалась, но их было двое, а я — одна, да и драться совсем не умела. Не успела я опомниться, как оказалась на улице, под конвоем моих похитителей.

Я взглянула на того, что шёл первым, и отпрянула, едва не сорвавшись на визг. У него были рога. Настоящие, бугорчатые рога.

— Мне что, мерещится? Так, Аня, спокойно, просто дыши, это не может быть правдой... — простила я, вплетая пальцы в волосы и пытаюсь унять бешеный стук сердца. Видимо, Черноморье окажется куда менее уютным местом, чем мне грезилось. — Пожалуйста, отпустите, здесь какая-то ужасная ошибка, и...

— Успокойтесь, барышня, — раздался голос слева. Это был не стражник. Я обернулась: мужчина выглядел вполне

обычным, если не считать того, что вместо ног у него были... оленьи копыта.

Оленьи копыта. На незнакомце был изящный серо-голубой сюртук, длинная тонкая борода, а на кончике носа прилепились крошечные круглые очки.

— Мы не желаем вам зла. Василиса просто испугалась. У нас не было гостей уже... сотни лет.

Адреналин, заставивший меня дрожать, начал медленно отступать, но я была сыта по горло этим безумием. Чувствовала: это только начало.

— Я... я... — у меня закружилась голова, и я замолчала, боясь потерять сознание. *Вдох, выдох. Вдох, выдох.*

— Я городничий этого города. Меня зовут Григорий Велесов, — он протянул мне руку. Его ногти были чёрными и слегка заострёнными. Я осторожно коснулась его ладони, всё ещё подрагивая.

— Аня. Анна Белова.

— Рад знакомству, Анна из мира людей. Прошу, пойдёмте со мной. Я предложу вам гостеприимство, пока мы не разберёмся, что здесь произошло. Скажите, вы как-то связаны с тем огненным шаром в небе?

— Это вышло случайно...

Он улыбнулся.

— Я вам верю. Что ж, вреда вы не причинили. Пойдёмте. Я велю принести вам новую одежду, а вещи Еремея мы вернём. Вы голодны, Анна? — он зашагал по улице к домам,

которые выглядели чуть современнее остальных.

Я поплелась следом, косясь на рогатого стражника.

— Можно просто Аня, — тихо сказала я. — И я... я в порядке, правда. Просто напугана. Вообще ничего не понимаю. — Встретившись взглядом с охранником, я виновато опустила голову: — Извините, что закричала.

Стражник выглядел крайне встревоженным, но промолчал. Ответил Григорий: — Я понимаю, в мире людей вы вряд ли сталкивались с чем-то подобным.

— Совсем не сталкивалась. Там магия — это сказки.

— Раньше она была реальностью, — мрачно вздохнул городничий. Его длинные каштановые волосы были собраны в хвост белой шёлковой лентой. Если бы не оленьи ноги, он мог бы сойти за героя исторической драмы.

— Что случилось? — спросила я.

— Это история для другого вечера. Или, по крайней мере, для бокала вина, — он отмахнулся, улыбнувшись, и подвёл меня к своему дому. Красивое здание с необычными углами. Забор вокруг него я поначалу приняла за кованый, но, приглядевшись, поняла, что он словно... вырос сам по себе. Деревья и лозы переплелись, образовав ограду.

Всё в Черноморье казалось мне странным. Если бы я знала, что в безопасности, если бы не была так напугана и потеряна, я бы оценила красоту этого места. Но сейчас я чувствовала, что вот-вот сорвусь, если раньше меня что-нибудь не прикончит.

Внутри дом оказался ещё причудливее: стены украшали росписи — цветущие луга, волшебные деревья и тот самый городок, где я оказалась. Повсюду были нарисованы существа, каких я и представить не могла: драконы, грифоны, женщины с крыльями бабочек, танцующие с кентаврами.

— Ого... — выдохнула я, глядя на картину, где морское чудовище играло с женщиной на берегу. Тысячи вопросов роились в голове, но я только замороженно смотрела на них.

— Изображение Черноморья в былые времена. До того, как пришёл Владыка... — Григорий запнулся. — Пройдёмте, Анна. Вам нужно многое узнать.

Он провёл меня в гостиную. Обстановка — колониальный уют, каменный кофейный столик, тусклое пламя в камине. Девушка-служанка поставила на стол два бокала.

— Расскажите всё, что случилось. Но сначала, — Григорий протянул мне бокал, — выпейте. Для успокоения нервов.

Вино было необычным на вкус, но я сделала глоток, а потом и второй. В конце концов, после такого дня я заслужила немного вина.

— И часто огонь здесь такого цвета? — спросила я, глядя на бледно-синеватое пламя. Григорий помрачнел: — Вы правы, Аня, огонь не должен быть таким. Черноморье — лишь бледная тень былого величия. Как и все мы.

— О чём вы?

— Знаете ли вы, где оказались? Слышали ли легенду о

властелине бороды, крадущем невест из-под венца?

Я горько усмехнулась, вспоминая старую книгу в отцовской библиотеке: — Вы про сказку Пушкина? Про колдуна Черномора, который похищал красавиц и держал их в золотых клетках? Честно говоря, я думала, это просто миф. Сказка о злом чародее, чья сила была в его бороде... Но, кажется, вы имеете в виду что-то совсем иное.

Григорий Веселов грустно улыбнулся, и этот жест сделал его лицо неожиданно человеческим, несмотря на звериные черты.

— Значит, вы не знаете правды. Вы знаете лишь искажённое эхо, долетевшее до вашего мира сквозь века. Александр Сергеевич был великим провидцем, Анна, но он видел лишь малую часть нашего горя.

— Простите... — я снова пригубила вино, чувствуя, как голова становится тяжелой. — Я думала, это просто строки в учебнике.

— Это не ваша вина, — Григорий отвернулся к огню. — Черноморье не по своей воле оказалось отрезано от других миров. Мы страдаем от проклятия Владыки. Сказка, которую вы читали, — лишь жалкая карикатура на того, кто на самом деле сковал этот мир цепями. Он не просто «крал невест». Он крадёт саму жизнь, саму магию, превращая наш цветущий сад в ледяную темницу. Он — не просто колдун, Анна. Он — само время, которое остановилось в ожидании конца. Уже триста лет, как пути сюда закрыты. Вот почему

Василиса так испугалась, когда вы сказали, что пришли из мира людей.

Я заворуженно смотрела, как в синем пламени камина пляшут тени.

— То есть... Черномор настоящий? И он... он правда настолько ужасен?

Григорий медленно повернулся, и в его глазах я увидела невыносимую печаль.

— Ужас — это лишь одна из его граней. Он — тюремщик, который запер себя в клетке вместе с нами. И поверьте, Анна, та «золотая клетка», о которой писал ваш поэт, была бы для нас спасением по сравнению с тем, что происходит сейчас.

Я сжалась, глядя в бокал. Это было ужасно.

— И всё же, как вы здесь оказались?

Я колебалась: рассказать всё или скрыть часть про Кота? Похоже, в этом мире лучше быть осторожной.

— Мой дом загорелся. Я выбежала наверх, а там... портал. Выбирала между тем, чтобы сгореть, или прыгнуть. Я прыгнула. Потом падала и очнулась в кратере.

— Значит, это вы были тем «метеоритом», — его глаза расширились. — Продолжайте.

— Я очнулась... голой, нашла тропу и пошла. Так дошла до дома Василисы.

Он изучающе посмотрел на меня, словно искал ложь. Я лишь поправила свои длинные выющиеся пряди, которые те-

перь стали пугающе белыми, как первый снег.

— В кратере был огонь, когда вы упали?

— Да.

— И он вас не обжёг? — он прищурился. — Можете сказать правду.

Я вздохнула. Скрывать уже не было смысла.

— Нет. Не обжёг.

— Сделайте одолжение: прикоснитесь к пламени в камине. Хочу убедиться своими глазами.

Я глубоко вздохнула. «Ладно, будь что будет». Я подошла к камину и протянула руку. Огонь ощущался лишь как тёплая ванна. Никакой боли. Григорий что-то пробормотал на странном языке, и это звучало совсем не радостно. Когда я вернулась на место, он смотрел на меня с трепетом и, кажется, со страхом.

— Простите, я... я не знаю, что это значит.

— Это значит, что нам нужно о многом поговорить, — он поставил бокал. — Это излечимо, но потребует долгого пути. Вы согласны рискнуть?

— Отлично. «Квест». Я иду в квест, — усмехнулась я. В конце концов, я всегда мечтала, чтобы моя жизнь стала интереснее.

Григорий посмотрел на меня с глубоким сожалением: — Вы кажетесь доброй душой, Анна. Простите за всё, что произошло, и за то, что ждёт впереди.

— Это не ваша вина, — ответила я, хотя внутри всё ки-

пело от злости на этого кота... который даже не был котом и чьё имя даже не Баюн.

— Боюсь, что часть вины всё же на мне, — прошептал он.

Вдруг комната поплыла. Я потёрла глаза, но стало только хуже. Пламя камина вспыхнуло невыносимо ярко.

— Что вы... вино? — пробормотала я. Ноги стали ватными.

— Простите, Анна. Владыка увидит метеорит так же, как и мы. Я не могу позволить ему думать, что я укрываю беглянку.

Я попыталась подняться, но рухнула на пол. Тело не слушалось.

— Но я... я ничего не сделала... — мой голос слабел.

— Вы совершили грех, сами того не ведая. Вы — стихийная искра, дух. И вы должны отправиться к Сердцу Мироздания.

Последнее, что я помнила — как мои глаза закрываются сами собой, погружая меня в бездонную тьму.

Я очнулась от того, что мир вокруг меня был пропитан болью. Мои запястья горели, словно в них вонзились раскаленные иглы. С трудом разомкнув веки, я поняла: я подвешена. Ржавые железные кандалы впивались в кожу, удерживая меня на позорном столбе посреди поля.

— Помогите! — мой крик сорвался на хрип. — Кто-нибудь, снимите меня!

Вдали, у кромки Пограничных земель, виднелись люди. Ко мне, прихрамывая, спешил Григорий Велесов, а по бокам его выступали двое стражников. Его глаза, обычно добрые, сейчас были полны ледяной решимости.

— Простите, Анна, — проговорил он, не глядя мне в лицо. — Другого пути нет. Владыка Черномор уже здесь.

— Какой Владыка? О чём вы? — я рванулась в цепях, чувствуя, как плечи пронзает острая вспышка боли. — Я не совершила ничего дурного!

— Вы — искра, упавшая с небес, — он отступил на шаг. — Я лишь защищаю свой народ. Владыка не терпит чужаков.

Он ушел, оставив меня одну в поле, под серым, безжизненным небом Черноморья. А потом земля содрогнулась. Воздух наполнился чудовищным скрежетом — будто само небо решило сломаться.

Прямо передо мной рухнуло нечто исполинское. Это был змей-дракон — огромный, покрытый чешуей цвета вороненой стали. В его груди, там, где у зверя должно биться сердце, пульсировал кристалл. Его свет, опаловый и тревожный, осветил поле.

Я закричала, но звук утонул в низком, вибрирующем гуле, от которого дрожала земля. И в этот миг я поняла, что горю. Моё тело объяло ослепительное ярко-лазурное пламя. Я не чувствовала боли, лишь невыносимый жар, который вырывался из каждой поры, отвечая на сине-ледяной огонь в глазах змея-дракона.

Из облака пыли вышел человек. Он казался воплощением самой тьмы: высокий, могучий, облаченный в латы, которые, казалось, выросли из самой ржавчины и терновника. Его лицо скрывал глубокий капюшон, но я видела его руки. Вместо пальцев у него были длинные, хищные лезвия, покрытые въевшейся патиной веков.

Владыка Черномор. Тот, кто превратил пушкинскую сказку в мою личную пытку.

— Пожалуйста... — прошептала я, чувствуя, как по щекам текут слезы, превращаясь в капли черной лавы, шипящие на сухой земле. — Я не хочу умирать. Я просто хотела домой, на свою дачу под Хабаровском...

Он подошел вплотную. От него веяло холодом, который не мог растопить даже мой огонь. Одной из своих жутких лезвийных рук он коснулся моего подбородка, приподнимая голову. Его прикосновение было неожиданно мягким, почти бережным.

— Дыши, искорка, — голос его, низкий и бархатный, прозвучал прямо у меня в сознании. — Страх — плохой советчик.

— Кто ты? — выдохнула я, глядя в пустоту под капюшоном.

— Я — тот, кто держит этот мир на грани забвения, — произнес он. — Я — Владыка Черномор.

Вдруг он резко взмахнул рукой. Его черный плащ, сотканный из тысячи клинков, взметнулся, словно крыло ворона,

закрывая нас от всего мира. Раздался звон — в плащ удари-
лась стрела. Кто-то из стражников Григория решился атако-
вать.

Владыка даже не обернулся. Он лишь слегка повел паль-
цем в воздухе, и из пустоты материализовался призрачный,
кривой клинок. Взмах — и оружие пронзило бегущего вда-
леке человека. Я зажмурилась, чувствуя, как по коже бегут
мурашки.

— Приведите мне этого старосту, — приказал Владыка,
и в его голосе проступил лед, от которого внутри меня всё
сжалось.

Григория подвели к нему, словно на заклатие.

— Мой господин... — пролепетал Велесов, падая на ко-
лени.

Владыка Черномор схватил его за горло, притягивая бли-
же. Его глаза — если их можно было так назвать — вспых-
нули тусклым, мертвенным светом.

— Ты посмел коснуться того, что принадлежит мне? Ты
счел, что имеешь право распоряжаться моей добычей?

— Я... я лишь хотел... — начал Григорий, но его голос
оборвался.

— Она — не твоя пленница, — отрезал Владыка, бросая
Григория Велесова в грязь. — Она — единственное, что свя-
зывает этот мертвый мир с тем, откуда она пришла. И пока
я не вырву эту тайну из её сердца, она будет принадлежать
лишь мне.

Он снова обернулся ко мне. Пламя вокруг меня стало спокойнее, лаская кожу, но страх не отступал. Я поняла: я не просто сбежала из одного мира в другой. Я попала в ловушку к тому, кто сам был заперт здесь тысячи лет.

— Каким образом ты усыпил её? — голос Владыки звучал как скрежет камня о камень.

— В... в вине был настой мандрагоры, я... — Григорий Велесов захрипел, когда пальцы Черномора в железной перчатке сомкнулись на его горле. Городничий пытался ухватиться за них, но был бессилен.

— У нас, в Черноморье, закон гостеприимства священен, Велесов. Это единственное, что отличает нас от диких тварей Скверны. Ты принял её, обещая приют, и предал этот обет. Как я могу доверять тебе, если она не могла?

Владыка сжал ладонь. Раздался сухой, страшный хруст, от которого у меня внутри всё оборвалось. Тело Григория обмякло и упало к подножию столба — его шея была вывернута под немыслимым углом. Я закричала, впиваясь пальцами в цепи, но лишь содрала кожу в кровь.

Черномор неспешно подошел ко мне, на ходу вытирая края своих лезвийных пальцев о подол плаща.

— Где мы остановились, искорка?

— Не убивай меня! — выдохнула я, дрожа всем телом. — Пожалуйста!

Он остановился в шаге от меня. От него исходил запах озона и древнего железа. Его лицо, скрытое под капюшоном,

было неподвижно, но в голосе проскользнула пугающая насмешка: — Ах да. Благодарю, что напомнила.

Он протянул руку и медленно провёл стальными когтями по моим волосам. Одно движение — и прядь, что скользнула по его ладони, вспыхнула ярким пламенем, как будто я была не девушкой, а живым костром.

— Погаси себя, — мягко приказал он.

— Я... что?

— Погаси свой огонь. Пожалуйста.

Я затряслась, не в силах сдержать рыдания.

— Я не знаю, как! Я даже не понимаю, почему горю! И... я снова раздета, это просто... — я осеклась, чувствуя себя нелепой. — И всё равно ты убьешь меня, так какой смысл в этой просьбе?

Владыка тихо рассмеялся — звук был глубоким и неожиданно красивым.

— Успокойся. Убивать тебя я не собираюсь.

— Я не хочу быть привязанной к Сердцу Мироздания... — прошептала я, чувствуя, как внутри разливается холод.

— Значит, Велесов успел просветить тебя, — он хмыкнул. Он откинул капюшон, и у меня перехватило дыхание.

Его лицо словно было высечено из камня — идеальные, резкие черты, холодная, неземная красота. Густые, волнистые пепельно-светлые волосы ниспадали до плеч тяжелыми прядями, серебрясь в полумраке, словно морская пена под луной. Но глаза... они были подобны бездонным чашам,

наполненным синим пламенем. Это не был обычный свет; внутри их золотых радужек, как в жерле ледяного вулкана, неистово плясали искры лазурного огня — яркие, пугающие и абсолютно нечеловеческие. В этом взгляде читалась не просто холодность, а древняя, всепоглощающая тьма, способная заморозить саму душу.

Я замерла, не в силах оторваться. В этом синем пламени, переливающимся оттенками холодного кобальта и электрического сияния, не было ни капли сочувствия — лишь холодный расчет и вечность, застывшая в ожидании.

Он был прекрасен той смертоносной красотой, от которой невозможно отвести взгляд. «Надо же, если суждено погибнуть, то от рук такого демона...» — промелькнула нелепая мысль, и я вспыхнула, почувствовав, как пламя на моих плечах полыхнуло ещё ярче, отражаясь в его синих, как морозная ночь, глазах.

Он усмехнулся, явно читая мои мысли.

— Барышня Анна, я сниму цепи. Но если ты попытаешься бежать — я поймаю тебя раньше, чем ты сделаешь вдох. Понимаешь?

Я кивнула. Бежать мне всё равно было некуда — я сияла в ночи, как маяк. Он прикоснулся к оковам, и железо, подчиняясь его воле, просто... растаяло, превратившись в густую темную ртуть, что послушно обвилась вокруг его пальцев.

На моих глазах жидкий металл начал менять структуру, стремительно остывая и обретая иную форму. Он сплетал

его, как тончайшее серебряное кружево, в центр которого с тихим щелчком лег крупный, идеально отполированный кусок янтаря. Внутри камня, словно в ловушке, застыла капля густого, почти черного байкальского лазурита, в глубине которого искрилось холодное синее пламя.

— Тебе придется носить это, — он подошел ближе.

Его стальные пальцы легко коснулись моей шеи, и от металла, перемешанного с магией, по коже пробежала дрожь. Он застегнул украшение — оно легло на ключицы тяжелым, осязаемым грузом.

— Это печать, Анна. Янтарь — застывший свет, он приручит твой огонь, а лазурит... — он на мгновение прикрыл глаза, и я увидела, как в глубине его собственного взгляда вспыхнуло то же синее сияние, — лазурит не даст твоему дару выжечь тебя изнутри. Это оковы, но они же — твоя защита. С этой печатью ты больше не сожжешь всё вокруг. Ты станешь частью этого мира, нравится тебе это или нет.

Когда замок щелкнул, я ощутила странное онемение. Янтарь на шее вдруг потеплел, обволакивая кожу приятным жаром, а лазурит отозвался ледяным спокойствием, которое разлилось по венам, мгновенно гася яростное пламя, охватившее моё тело.

Владыка внимательно изучал свою работу. Его холодные пальцы на секунду задержались на моих ключицах, и я невольно подалась навстречу его прикосновению.

— Теперь ты связана с Черноморьем, — тихо проговорил

он. — Пока этот камень на тебе, ты принадлежишь не только себе. Ты принадлежишь этому небу, этому морю и... мне.

Он слегка склонил голову, и я увидела в его синих, как лазурит, глазах отражение собственного испуга.

— Хотя такой искусный элементарь, как я, мог бы найти способ обойти ограничивающую природу этого ожерелья, я сомневаюсь, что ты справишься, — он произнес это с пугающей легкостью.

Самовлюбленный и опасный. Просто замечательно.

Витязь в безупречных серебряных латах, бесшумно приблизился и снял с плеч тяжелый плащ из белоснежного меха. Он передал его Владыке, и тот небрежно, но бережно накинул его на мои плечи, скрывая наготу. Его руки задержались у моей спины чуть дольше, чем того требовала вежливость, и на мгновение мне показалось, что он собирается притянуть меня к себе.

И, к моему ужасу, я поймала себя на мысли, что вовсе не против.

— Благодарю... — прошептала я, чувствуя, как мех греет кожу. Эта проблема была решена, но я кожей ощущала: дальше будет только сложнее.

— Прошу, — он указал на своего исполинского Змея. Трехглавый гигант лениво растянулся на земле, напоминая огромного хищного кота, чья шкура отливала вороненой сталью.

— Погоди... Ты хочешь, чтобы я села на *это*?

— А ты предпочтешь прогуляться пешком через Пограничные земли? — он иронично изогнул бровь. — Здесь ты будешь в безопасности.

— Ну да, конечно. Это говорит человек, который только что хладнокровно убил двоих, владеет этим... этим чудовищем и у которого вместо пальцев — ножи.

Он тихо рассмеялся, и одна его рука легла мне на плечо, пальцы легко скользнули к основанию шеи. От этого жеста по телу пробежала волна мурашек.

— Признаю, я могу казаться... пугающим.

— Это мягко сказано, — буркнула я себе под нос. — Куда ты меня везешь?

— Домой.

Простой ответ. Он властно указал на Змея, и мне не осталось ничего, кроме как подчиниться. Я шла вперед, стараясь не думать о том, как тепло его ладони ощущается сквозь ткань плаща, направляя меня.

— Глупый вопрос, но... я твоя пленница?

Он посмотрел на меня с той странной, едва уловимой жалостью, которая ранила сильнее, чем гнев.

— Да.

Внутри всё сжалось. Я оглянулась на бездыханное тело Григория Велесова, лежащее в пыли, и не сдержала болезненного вздоха.

— Я так хотела бы, чтобы ты его не убивал...

— В свои годы я лишил жизни тысячи, и унесу в могилу

еще столько же. Таков закон Черноморья. А теперь... прошу.

Я заколебалась, глядя на седло, возвышавшееся на спине зверя. Центральная голова Змея медленно повернула морду ко мне. Её глаза, горящие тем же синим пламенем, что и взгляд Владыки, изучали меня с нечеловеческим любопытством.

— Эм... Привет. Здравствуй, Змей. Приятно познакомиться? — мой голос дрогнул.

Змей издал низкий, вибрирующий гул, похожий на раскат далекого грома.

— Он говорит, что рад знакомству, — усмехнулся Черномор. — И он теряет терпение. Тебе нужна помощь?

— Н-нет, нет, я... я справлюсь.

Карабкаться по чешуе-лезвиям было настоящим испытанием. Но когда я наконец втиснулась в седло, осознание того, что произойдет дальше, заставило мои щеки вспыхнуть.

Владыка взлетел в седло с грацией хищника. Одно движение — и я оказалась зажата между его коленями, в кольцо его могучих рук. Это было похоже на то, как если бы меня взяла в тиски стальная конструкция. Я застыла, а дыхание сбилось в панике.

— Успокойся, искорка, — его голос, низкий и бархатный, прозвучал совсем рядом, прямо над моим ухом. Он прижал меня крепче к своей груди, и это странным образом действовало успокаивающе, несмотря на весь ужас ситуации. — А то лишишься чувств раньше, чем мы поднимемся в небо.

— Пожалуй, уже... поздно... — начала было я, но мой голос утонул в пронзительном вопле.

Змей с мощным ударом крыльев рванулся вверх, разрезая облака. Я кричала, вцепившись в седло, а позади меня, в свисте ветра, звучал его глубокий, торжествующий смех. Мир внизу стремительно превращался в размытое пятно, и последнее, что я осознала перед тем, как небо поглотило нас целиком — это крепкие объятия моего пленителя.

Глава 3

Владыка Черноморья, Черномор

Я прижимал к себе обмякшее тело Анны, пока мы рассекали ночное небо Черноморья на спине верного Змея. Её дыхание — ровное, теплое, сбившееся от пережитого ужаса — ощущалось сквозь холод моей брони. Она была такой хрупкой, почти эфемерной. Наверное, так было лучше: она не видела той пустоши, в которую превратилось моё некогда великое царство. В былые времена путь мой освещали звёздные реки и магия, бьющая ключом, но теперь внизу растянулась лишь серая, безмолвная тьма.

Что за дивная искра попала в мои руки? Анна уютно устроилась у меня на груди, её щека покоилась на ледяном металле моего доспеха. Она стала для меня чем-то большим, чем просто пленницей — она стала отдушиной в вечности, лишённой красок.

Десять лет я искал ответ: куда утекла энергия нашего мира? И вот теперь судьба сама принесла мне разгадку, приняв облик смертной девушки. Как? Почему именно она? И какая неведомая сила осмелилась вытянуть её из того далёкого мира, чтобы швырнуть в моё забытое богами Черноморье?

Я чувствовал к ней странную жалость. Она была напугана до предела. Когда разрывы между мирами открывались, мне не раз приходилось видеть, как смертные теряют рассудок,

сталкиваясь с величиим или ужасом нашего края. Это было ожидаемо. Но здесь, в Черноморье, не ступала нога человека сотни лет — я лично позаботился о том, чтобы пути сюда были закрыты наглухо.

Но эта девушка... Анна. Какая же она удивительная в своей беззащитности.

Даже под покровом страха в ней скрывался дерзкий огонь — я видел его вспышки в те моменты, когда она пыталась спорить со мной. В её глазах, когда она смотрела на меня, отражалась целая бездна. Как же она была прекрасна: обнажённая, прикованная к столбу, словно жертва древним богам, окутанная пламенем, которое она сама не могла обуздать.

Анна с Земли. Стихийный дух пламени. Гостья, призванная не по своей воле. По закону я должен был отнести её к Сердцу Мироздания и запереть в вечном кристалле вместе с другими... но какая-то неведомая сила удержала мою руку.

Я посмотрел на неё. Даже сквозь холод моего панциря я чувствовал жар, исходящий от её тела. Она была укутана в тяжёлый меховой плащ Ратмира, но под ним — лишь нагота, и я опасался, как бы она не простудилась. Ночи в Черноморье коварны. Я плотнее запахнул свой плащ, укрывая нас обоих, словно коконом, защищая от ледяных порывов ветра.

Я провёл кончиком когтя по её щеке. Невинная. Наивная. Испуганная.

В глубине моей души, давно иссохшей и безмолвной, ше-

вельнулось нечто похожее на предвкушение. Мне всегда нравилось пугать: наблюдать, как в глазах смертных ужас сменяется благоговением. Но в её красных от слез глазах я заметил кое-что ещё — искреннее, жгучее любопытство.

Здесь кроется тайна. Если кто-то из моих подданных или витязей посмел нарушить покой этого мира, чтобы спровоцировать этот прорыв, я вырву эту истину с корнем. Или, что ещё хуже, если сила, дремавшая в Сердце Мироздания, выбрала её своим орудием...

Их цель очевидна — уничтожить меня, разрушить Сердце и выпустить на волю тех, кто должен вечно томиться в оковах. Но я не стану воевать с тенью, чьё лицо мне не ведомо. Я не брошу Анну в кристалл, пока не пойму, кто именно играет на этой шахматной доске.

Я осторожно убрал прядь волос с её лица. Какой причудливый узор: её волосы, ставшие белоснежными, как первый иней, теперь отливали холодным, едва уловимым голубым свечением. Казалось, будто само ледяное пламя, что когда-то её коснулось, навсегда запечатлелось в этих локонах, делая их похожими на струящийся лунный свет, подёрнутый морозной дымкой.

Внезапная мысль о том, что она может стать чем-то большим, чем просто загадкой, больно кольнула меня. *Нет.* Я не позволю себе надеяться. У меня нет сердца, способного на привязанность. Я не знаю, кто такая Анна. Она может быть шпионкой, инструментом моих врагов. Я не могу доверять

ей.

Я поморщился, глядя в ледяную мглу, и позволил холоду ветра выстудить эти неуместные мысли. Анна будет лишь забавной игрушкой, ключом к разгадке тайны, которая мучила меня десятилетие.

Только игрой. И ничем больше.

Анна

Я очнулась от тяжелого, вязкого сна. Тело ныло, словно я пролежала в сугробе всю зиму, но под боком было неожиданно тепло и мягко. Последнее, что я помнила — это полет на спине исполинского Змея, от которого сердце уходило в пятки. Я закричала, потеряла сознание... и вот я здесь.

Я судорожно выдохнула, ощущая на шее холодную тяжесть того самого ожерелья с лазуритом и янтарем. Печать Владыки. Она гудела, как натянутая струна, гася во мне искры первобытного огня.

«Где я? Как легенды ожили в реальности? И кто такой на самом деле этот Черномор? Не может же он быть тем самым, из сказки...»

Я огляделась. Помещение напоминало темницу из старых фильмов про пиратов: сырые стены, узкие окна-бойницы, железные решетки.

— Ну и ну. Поздравляю, Анна, ты всё испортила.

Я подпрыгнула. В углу, на пыльной лавке, вальяжно умылся пушистый кот. Мой знакомый кот-недоразумение.

— Баюн? — прошептала я, чувствуя, как внутри закипает праведный гнев. — Где ты пропадал? Знаешь, как мне было страшно?

Кот, сверкнув единственным зубом, оскалился: — Знаю! Ты привела нас обоих прямоком к гибели! Если нас запрут в Сердце Мироздания, я оттуда не выберусь. Никогда!

Он замер, прислушиваясь к звукам в коридоре, и его шерсть встала дыбом.

— Слушай меня, девчонка. Не смей рассказывать ему правду. Как только за тобой придут — молчи. Если он узнает, зачем ты здесь, нам конец.

Дверь со скрежетом отворилась. Баюн мгновенно растаял в воздухе, оставив лишь легкий дымок. В камеру вошел стражник. Он выглядел как оживший доспех, покрытый причудливой гравировкой, сквозь которую пробивалось тусклое опаловое свечение.

— Владыка желает видеть тебя, — пророкотал он голосом, лишенным всяких чувств.

Я плотнее закуталась в меховой плащ, который был мне великоват, словно королевская мантия.

— А если я откажусь? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Придется тащить силой, — равнодушно ответил доспех.

Я вздохнула. Спорить с грудой металла было бессмысленно. Ступая босыми ногами по холодному камню, я пошла

следом за стражем. Коридоры замка напоминали лабиринт: высокие готические своды, переплетающиеся с узорами из темного дерева и ржавого железа. Люди, мимо которых мы проходили, замирали — все они были похожи на ожившие статуи, прекрасные и пугающие. В их глазах застыла вековая пустота.

Меня вели по бесконечным залам, мимо гобеленов, изображающих битвы, о которых не пишут в учебниках истории. Наконец, мы остановились перед массивными дверями, украшенными литыми головами сказочных зверей.

Страж толкнул дверь и отступил. Я шагнула внутрь, и створки с гулким лязгом захлопнулись за моей спиной.

В глубине огромного зала, залитого мягким светом луны и холодным блеском металла, у окна стояла высокая фигура.

— Проходи, Анна, — раздался глубокий голос Владыки.

Я замерла, чувствуя, как холод лазурита на моей шее отзывается пульсацией. Сердце забилося в ритме предчувствия беды. Я вошла в обитель того, кто был для этого мира и богом, и дьяволом, и моим единственным спасением.

Я перешагнула порог и замерла. Это был не зал, а настоящий чертог из былин — бескрайний, величественный, уходящий сводами в самую высь. В гигантском очаге, высеченном прямо в скале, плясал огонь, но пламя его было странным: не рыжим, а холодным, лазурным.

Стол, тянувшийся через всю залу, казался выкованным из цельного куска темного дерева, украшенного искусной че-

канкой. На нем — серебряные кубки, диковинные плоды и кувшины.

«Снова вино. Видимо, в Черноморье другой напиток не признают», — подумала я, стараясь не выдать дрожь в коленях.

Владыка Черномор стоял у огня, повернувшись ко мне спиной. Тяжелые латы были сняты, и я впервые увидела его по-настоящему — мощная фигура в простой льняной рубахе, расшнурованной на груди. Только руки по-прежнему были облачены в боевые перчатки с острыми, как бритва, когтями. Он поднял кубок, осушил его одним глотком и обернулся. Его глаза, пронзительно-синие, как ледяная бездна, впились в меня.

Он двинулся навстречу. Я отступила, но путь преградил край тяжелого стола. Владыка остановился так близко, что я почувствовала аромат морозного воздуха и древнего металла, исходящий от него.

— Можешь не отвечать, если боишься, — голос его, низкий и рокочущий, как гром над спящим лесом, заставил меня вздрогнуть. — Но я вижу, как лихорадочно работает твой разум. О чем ты хочешь спросить, смертная?

Я выпрямилась, хотя сердце колотилось, как птица в клетке.

— Ты собираешься... заточить меня в Сердце Мироздания? Или... убить? Просто скажи, чего мне ждать.

Он усмехнулся, и этот смех отозвался эхом в моих ребрах.

— Сегодня — нет, Анна.

— А завтра?

— Завтра ещё не наступило, — он протянул руку и тем самым острым когтем аккуратно, почти нежно заправил прядь моих поседевших волос за ухо. — Искренне признаюсь, искорка, я пока не решил, что с тобой делать.

— Если решишь — просто скажи, — выпалила я, чувствуя, как щеки предательски теплеют. — Только не делай это, когда я отвернусь. Не люблю сюрпризов.

Он рассмеялся — громко, искренне, без тени той ледяной отстраненности, что была в нем раньше.

— Постараюсь учесть твои пожелания.

Он указал на стопку одежды на краю стола.

— Слуги принесли тебе наряд. Если, конечно, ты не предпочитаешь гулять в моем плаще, хотя... должен заметить, на тебе он смотрится куда лучше, чем на плечах моего витязя.

Я почувствовала, как заливаюсь краской до самых корней волос.

— Спасибо, мне... мне подойдут обычные вещи, — я поспешила к столу. Там лежала простая сорочка и алое платье, сшитое из тонкого сукна, со шнуровкой на груди.

— Не стесняйся, — в голосе Черномора послышалась легкая насмешка. — Я уже видел тебя без этого одеяния.

— Не смей! — воскликнула я, прижимая платье к груди.

— Какой стыдливый нрав, — он шутливо развел руками и отвернулся к огню. — Достаточно?

Я быстро сбросила плащ и накинула платье. Шнуровка поддавалась с трудом, но через минуту я была готова. Когда я повернулась к нему, он окинул меня долгим, изучающим взглядом.

— Алый цвет тебе к лицу, Анна. Как будто огонь, что был внутри тебя, наконец нашел свое пристанище.

— Раньше мои волосы были темнее, — пробормотала я, оправляя юбку.

— А мне они нравятся такими. Как лунная пыль, — он жестом пригласил меня к столу. — Садись. Ты не ела с тех пор, как оказалась в Черноморье.

Я послушно села, боясь лишний раз пошевелиться. Владыка налил мне вина, и я вспомнила предупреждения кота Баюна. *«Он не причинит тебе вреда сегодня»*, — эхом отзывались его слова.

— Ты правишь здесь один? — спросила я, пытаюсь отвлечься от гнетущей близости его могучей фигуры.

— Царство Черноморское не терпит слабых, — он сделал глоток, не сводя с меня глаз. — Раньше здесь правил великий князь Владимир, тот, о ком слагали песни и кого чтили как защитника людей. Но он пал в битве с самой Скверной. С тех пор здесь лишь я.

Я замерла, сжимая в руках кубок. — Тот самый... Руслан, что когда-то остриг бороду Черномору и заточил его в темницу?

Владыка на мгновение замер. В его глазах вспыхнуло ле-

дяное пламя, а затем он издал короткий, сухой смешок, прозвучавший как треск ломающегося льда.

— Ах, эти сказки... — он плавно провел рукой по своим волосам, которые — я только сейчас заметила — были необычайно длинными, тяжелыми, цвета переплавленного серебра. — Анна, люди склонны превращать великое в нелепое, чтобы им было проще спать по ночам. «Борода», «карлик», «похититель девиц» ... Они никогда не понимали, что Сердце Мироздания, которое я здесь храню, требует от своего стража полного отречения от плоти. Тот образ, что запечатлели ваши поэты — это лишь тень того, кем я был до того, как этот мир начал гаснуть. Люди видели лишь мой гнев, мою магию, мою силу, и превратили это в нелепую историю о бороде и волшебстве. Они называли меня «Черномором», потому что боялись самой тьмы, которая скрывалась за моими глазами.

Он подался вперед, и его лицо в полумраке стало пугающе величественным.

— Раньше здесь были те, кто мог разделить со мной бремя власти. Но они пали в битвах, которые вы, люди, превратили в фарс и байки для детей. Я остался один, потому что цена моей власти — вечное одиночество. В ваших книгах Черномор — злодей, побежденный героем. В реальности же... я единственный, кто всё ещё держит этот мир от окончательного забвения, пока герои ваших сказок давно истлели в земле.

Я замерла, сжимая в руках кубок. В его словах было столько горечи, что страх начал отступать, уступая место сочувствию.

— Значит, это всё — неправда? — тихо спросила я. — Ты не крал княжну?

Черномор медленно отставил кубок. Его когтистые пальцы сжали край стола с такой силой, что по металлу пошли трещины.

— Я никогда не крал того, что не имело своей воли, Анна. Но в этом мире всё принадлежит мне по праву самой судьбы. И если я когда-нибудь захочу удержать кого-то рядом... поверь, мне не понадобится для этого магия бороды или темница.

Его взгляд — этот пронзительный, ледяной огонь — пригвоздил меня к стулу. Я поняла, что в его словах кроется не угроза, а нечто куда более опасное. Признание того, что он устал быть персонажем чужих сказок.

Владыка Черноморья, Черномор

Я наблюдал за ней. Анна была такой непосредственной, такой живой в своей попытке осмыслить происходящее, что на мгновение я забыл о тяжести своей короны.

— Я говорю правду, — я мягко ответил на её расспросы о прошлом. — Я действительно пришел в Черноморье вместе с великим князем, в надежде найти силу, способную его исцелить. Но магия была капризна, а судьба — жестока. Мы

потерпели неудачу.

Анна засыпала меня вопросами: о легендах, о тайнах, которые я хранил столетиями. Её глаза сияли неподдельным интересом. И вместо того чтобы гневаться, я поймал себя на том, что мне приятна эта «осада». Я даже позволил себе дерзость, откинувшись на трон и закинув ногу на подлокотник.

— Что я получу взамен за свои истории? — прошептал я, и в моих глазах, уверен, блеснуло нечто хищное, дразнящее.

Она вспыхнула, смутилась, а потом... бросила в меня виноградину. Я поймал её когтем, не сводя с Анны взгляда, и неспешно отправил в рот. Она была в ужасе от собственной дерзости, но я лишь усмехнулся. Смелая. Какая редкая черта в этом мире теней.

Когда разговор зашел о её сути, я постарался быть честен.

— Магия Черноморья хаотична, Анна. Она выбирает сосуды. Ты — сосуд Живого Пламени, чистая энергия, которая не знает границ. А я — сосуд Пламени Обузданного. Мы лишь проводники, обреченные нести эту мощь, пока не рассыплемся в прах.

— А другие? Почему они в Сердце Мироздания? — её голос дрогнул.

Я почувствовал, как холод сковывает моё лицо. Эта тема была для меня запретной, но перед её пытливым взглядом я отступил.

— Я сделал это не ради власти, — произнес я жестко, чувствуя, как внутри закипает лед. — Я сделал это, чтобы Чер-

номорье не поглотило само себя.

Наступила тишина. Я видел, как она пытается разгадать мои мотивы, как боится, но не уходит.

— Я не причиню тебе вреда, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал ровно. — Ты — мой почетный гость, Анна. Но не проси меня освободить тебя. Твоя связь с этим миром глубока, и вне Черноморья ты просто увянешь.

Я видел, как тяжело ей это слышать. Я понимал её боль, ведь когда-то и я мечтал о свободе от своего дара.

— Как ты стал таким? — спросила она тихо.

— Черноморье выбрало меня. Силу, которая должна была принадлежать моему наставнику, приняло моё сердце. Я — первый и последний в своем роде.

Я был измотан. Этот разговор напомнил мне о вещах, которые я стремился забыть. Анна, заметив мою усталость, внезапно потянулась вперед и накрыла своей ладонью мою когтистую руку, лежащую на столе.

Я замер. Холод металла против тепла её живой кожи... это ощущение ударило меня сильнее, чем любое заклятие. Она посмотрела на меня с такой искренней жалостью, что я едва не отвел взгляд.

— Ты... ты куда лучше, чем о тебе говорят, — прошептала она, краснея.

Я не сдержал тихой усмешки и накрыл её руку своей, не позволяя уйти. В этот миг её хрупкость казалась мне самым ценным сокровищем во всех трех мирах. — Я приму это как

комплимент, Анна.

— Почему ты зовешь меня «искоркой»? — спросила она, когда момент близости начал утихать.

Я поднял свой золотой кубок, и вино в нем вспыхнуло теплым, почти живым светом, отражаясь в моих глазах. В этом полумраке она казалась видением — единственной живой искрой во владениях вечного холода.

— Ты спрашиваешь, почему я ношу это имя? — я слегка приподнял золотой кубок, наблюдая, как блики огня играют в багряном вине. — Ты — живое, согревающее пламя. А я... некогда я подчинил себе буйство всех четырех стихий, соединив ярость пламени, свист ветров, ледяной холод глубин и непоколебимую мощь земли. Но время безжалостно. Оно превратило мою страсть в несокрушимую сталь, а бывшее тепло сковало навеки, оставив лишь лед.

Я сделал глоток, и холодная горечь напитка отозвалась в груди знакомым покалыванием.

— Ты — это я, каким я был до того, как этот мир потребовал от меня стать его тюремщиком. Ты — сосуд Живого Пламени, чистая энергия, которая не знает границ. А я — сосуд Первозданной Стихии. Мой огонь, бушевавший на заре веков, давно скован тяжестью короны и долгом перед Черноморьем. Я стал незыблемым, как горный хребет, и холодным, как лед глубин, потому что только так — объединив в себе ярость всех четырех стихий — можно было удержать хаос, вырывающийся из Сердца Мироздания.

Я посмотрел на свои руки — закованные в сталь когти, что когда-то, возможно, могли созидать, а теперь были созданы лишь для того, чтобы карать.

— Почему я стал таким? — я горько усмехнулся. — Когда князь Владимир пал, Сердце Мироздания начало гаснуть. Мир рушился. И я принял его силу в себя. Она выжгла во мне всё человеческое, превратив мои чувства в пепел, а тело — в живую сталь. Но внутри, под слоями льда и металла, я всё еще чувствую этот жар. Именно поэтому я не смог заточить тебя сразу. Твое пламя... оно напоминает мне о том, кем я был, когда ещё мог чувствовать тепло солнца.

Я протянул руку, и мои когтистые пальцы на мгновение зависли над ее ладонью.

— Анна, ты — не просто случайный гость. Ты — искра, которая вернулась в погасший очаг. Ты — Живое Пламя, которому суждено либо сжечь этот мир дотла, либо вернуть ему утраченную душу.

Я поднял кубок, салютуя ей, и в моих глазах, впервые за века, отразился не холодный блеск лат, а отблеск того самого пламени, которое я так тщательно прятал от всех.

— За тебя, Принцесса в пламени. Будь осторожна... в моих руках даже самое яркое солнце может стать вечным льдом.

Анна

Я не сдержала короткого смешка, и это разрушило минут-

ное оцепенение.

— Принцесса в пламени? Ну уж нет, ты шутишь. Какая из меня принцесса? Звучит, конечно, красиво, но это точно не про меня.

Черномор невозмутимо подцепил серебряной вилкой несколько запечённых картофелин и, изящно отправив их в рот, спокойно возразил: — В нашем мире титулы и ранги даруются по праву силы и числу тех, кто готов тебе подчиняться. Поскольку в настоящий момент ты являешься единственной истинной стихийницей, оставшейся на свободе вне Сердца Мироздания, это автоматически делает тебя равной правителям. А значит — принцессой.

— Какая глупость, — я покачала головой, отламывая кусочек свежего хлеба с сыром. — В этом нет никакой логики.

— И тем не менее, таков закон этого мира, — в его голосе проскользнули ледяные, но вместе с тем забавные нотки.

— Хорошо, а если я принцесса, мне положены какие-то привилегии? — я с любопытством воззрилась на него, не в силах больше противостоять аромату запечённой птицы на столе.

— Ровным счетом никаких, — Черномор едва заметно усмехнулся. — Не будь ты моей пленницей, ты могла бы потребовать себе удельные земли и править ими. Но сейчас твой титул — лишь красивое сочетание слов.

Я вздохнула, принимаясь за еду. Мой взгляд невольно упал на его руки. Я заворожённо наблюдала за тем, как Вла-

дыка потянулся к блюду и точным, выверенным движением наколол спелую ягоду прямо на свой острый, как бритва, стальной коготь. Это выглядело пугающе и завораживающе одновременно.

— Зачем ты носишь эти штуки? — спросила я, не удержавшись. Вопрос прозвучал, пожалуй, излишне прямолинейно, но любопытство перевесило вежливость.

— О чём ты? — Черномор искренне удивился, остановив руку на полпути.

Я пошевелила собственными пальцами, указывая на его перчатки.

— Тебе вовсе не обязательно носить это оружие, чтобы казаться грозным или пугающим. Поверь мне на слово, ты и без них производишь неизгладимое впечатление.

— Хм? Ах, это... — он негромко рассмеялся, опустив взгляд на свои руки. — Признаться, я уже и забыл, что они часть моего облика. Для меня сейчас куда естественнее обладать ими, нежели обходиться без них. Но я могу понять, почему смертным они кажутся... зловещими.

Владыка слегка приподнял ладонь. На моих глазах грозные когти из вороненой стали начали медленно таять, словно жидкое серебро. Они беззвучно растворились, впитавшись обратно в кожу, и уже через секунду передо мной была совершенно обычная, безупречная мужская ладонь с длинными аристократическими пальцами.

— Так тебе спокойнее? — спросил он, слегка повернув

кисть.

— Ого... — я даже зажмурилась от удивления, а когда открыла глаза, поняла, что это было потрясающе красиво. — Как ты это делаешь? Это магия? Или особенность твоей стихии? Впрочем, это ведь одно и то же, верно?

— Верно, — на его губах заиграла мягкая улыбка. Он смотрел на меня так, словно только что продемонстрировал нехитрый фокус ребенку. — Я ведь тоже дух стихии, Анна. Мы с тобой — воплощения изменчивой сути этого мира. Мы можем менять форму. Именно поэтому в час опасности твоё тело обратилось в первородный огонь.

— Значит, мы можем менять облик... — я задумчиво прикоснулась к своим волосам. — Так вот почему они стали белоснежными и теперь отливают этой странной голубизной. — И твои глаза тоже изменились. Всё верно. Мы сами выбираем, как выглядеть. Наша внешность — отражение духа.

— Погоди... — я прикусила язык, но мысль уже сорвалась с губ. — Неужели ты сам сознательно выбираешь выглядеть столь пугающе? Ой, прости, это прозвучало ужасно грубо, я вовсе не хотела сказать, что ты...

Могущественный Дьявол трёх миров внезапно запрокинул голову и расхохотался. Этот смех, раскатистый и глубокий, разрушил остатки висевшего в зале напряжения. Он с силой опустил ладонь на деревянную поверхность стола, ничуть не обиженный моей оговоркой.

— Стало быть, ты находишь меня чудовищным и оттал-

кивающим? О, горе мне, несчастному и отверженному Владыке!

— Нет! Я совсем не это имела в виду! — я покраснела так густо, что, казалось, от моих щек сейчас пойдет пар.

— Значит, всё-таки находишь меня привлекательным? — его губы тронула лукавая, истинно дьявольская усмешка. Он откровенно забавлялся, играя со мной, как кот с мышкой.

Я насупилась и сердито посмотрела на него: — Перестань. Прекрати надо мной подшучивать.

— Пожалуй, не стану. Это слишком редкое развлечение в моих чертогах, — он снова откинулся на спинку своего величественного трона, закинув ногу на подлокотник с абсолютной, царственной грацией. — Если отвечать на твой вопрос серьезно: да, отчасти этот облик — мой выбор. Но лицо, которое я вижу в зеркале — моё собственное. Бессмертным душам трудно забыть, кем они были изначально, хотя за века случалось и такое.

— Но твои латы... они ведь не настоящие доспехи?

— Настоящие. Просто они неотделимы от меня, точно так же, как ледяное пламя теперь является частью твоей природы.

Я покачала головой, всё ещё отказываясь верить в реальность происходящего. Черномор протянул руку, взял со стола горящую свечу и поставил её прямо передо мной. На мой безмолвный вопрос он лишь ободряюще кивнул: — Ты ведь знаешь, что этот огонь не причинит тебе вреда.

— Ну да, теоретически... — я нерешительно протянула руку и опустила кончики пальцев в самое сердце лазурного пламени свечи. В ответ я почувствовала лишь приятное, ласковое тепло. — Да, я понимаю, о чём ты говоришь. Но я совершенно не представляю, как с этим жить дальше.

— Со временем ты ко всему привыкнешь. Нам предстоит долгий путь. Я помню, когда Сердце Мироздания выбрало меня, я был вне себя от ярости и крушил всё вокруг, — он сухо усмехнулся. — Поверь, ты далеко не первая, кто без восторга принимает дар стихии.

Я откинулась на спинку стула и опустила взгляд на свои ладони, пытаясь воскресить в памяти то мгновение, когда они состояли из чистого белого огня.

— А ты... ты научишь меня управлять им? Ну, чтобы я могла ходить по твоём замку и случайно не спалила здесь всё дотла?

Черномор долго и изучающе смотрел на меня, словно взвешивал что-то на невидимых весах.

— Пожалуй, это пойдет на пользу безопасности моего дома. Ты действительно хочешь, чтобы твоим наставником стал я?

В голове тут же всплыли предостережения кота Баюна. *«Тебе нужно вернуть контроль над пламенем, иначе ты никогда не снимешь печать и не найдешь дорогу домой»*. Если обучение у этого холодного, лишённого эмоций существа — мой единственный шанс выжить и обрести силу, то глу-

по отказываться. К тому же... это было началом настоящего, невероятного приключения. Возможности стать кем-то большим, чем просто обычной девчонкой.

И, честно говоря, находиться рядом с Черномором было вовсе не так невыносимо и ужасно, как пугал меня кот.

Я слабо улыбнулась ему: — Думаю, я бы этого хотела. По крайней мере, это развлечет нас до того момента, как ты решишь казнить меня.

Он подхватил мою иронию, и в его глазах снова промелькнула искра: — Да, вынужден согласиться. Это прекрасно скрасит время перед твоей неизбежной гибелью от моих рук.

Я снова тихо рассмеялась, пряча лицо в ладонях. Всё это было настолько нереально, что разум отказывался паниковать.

— С тобой всё в порядке? — поинтересовался Владыка.

— О, я в полном порядке. Просто счастлива до безумия, — ответила я, убирая руки от лица. — Я заперта в сказочном мире с могущественным повелителем демонов, мои волосы светятся в темноте, а сама я могу в любой момент превратиться в факел. Если бы прямо сейчас из-за угла вышли Кощей Бессмертный с Бабой-Ягой и начали спорить о рецепте блинов, я бы даже бровью не повела.

— Рецепте блинов? — переспросил он, удивленно изогнув бровь. Надо же, странные имена его не смутили, а вот кулинарные пристрастия вызвали вопросы.

— Ты что, никогда не пробовал блинов? — с подозрением

спросила я.

— Нет. Не могу припомнить подобного. Боюсь, в мою эпоху у нас были совсем другие трапезы. Возможно, когда-нибудь ты согласишься приготовить их для меня?

— Только если ты будешь очень вежлив, — парировала я.

— Или если я пригрожу тебе пытками, — его губы снова тронула дьявольская улыбка. — Посмотрим, что наступит раньше.

Мне отчаянно захотелось бросить в него ещё одну виноградину, но я решила не искушать судьбу дважды. Мы снова замолчали, но этот клинок тишины больше не был острым — мы просто изучали друг друга.

Словно прочитав мои мысли, Черномор негромко произнес: — Завтра мы обменяемся историями. Ты расскажешь мне, как попала в Черноморье, а я поведаю, почему все обитатели этих земель так отчаянно меня ненавидят. Это справедливый обмен, не находишь?

— Да, — я помедлила секунду. — Спасибо за одежду. И за ужин.

— Не стоит благодарности.

Он поднялся из-за стола, и я заворожённо наблюдала, как жидкая сталь снова струится по его телу, превращаясь в величественные латы и скрывая его руки под когтистыми перчатками. Это движение было пугающе грациозным, исполненным древней магии. Когда он подошел ближе, его закованная в броню ладонь опустилась перед со мной раскрытой

ладонью вверх, безмолвно прося моей руки.

— Позволь мне проводить тебя в твои покои.

— Ты не оставишь меня под замком в подземелье?

— Ты и так под замком, уверяю тебя, — Черномор мягко, едва касаясь, подцепил указательным когтем цепочку янтарно-лазурного ожерелья на моей шее. — А вот держать ли тебя в оковах... это совсем другое дело.

От тихого скрежета металла по камню по моей спине пробежала непрошенная дрожь. Я убеждала себя, что это просто от холода доспехов. Только от холода. И уж точно не от того, что моё лицо снова опалило жаром.

Владыка тонко и загадочно улыбнулся — он определенно видел меня насквозь. Но, сжалившись над моим смущением, он опустил руку.

— Твои покои будут охраняться, и ты будешь под прищотом. Но нет, взаперти я тебя держать не стану. Темница была лишь мерой предосторожности на случай, если бы ты... отнеслась к своей новой судьбе менее благосклонно.

Я сделала небольшой шаг назад, унимая волнение, и обхватила себя руками.

— У меня всё равно нет выбора.

— Ты удивишься, насколько он велик. Идем, искорка. Позволишь мне сопровождать тебя?

— Да... конечно, — выдохнула я.

Он склонил голову и жестом указал на двери, пропуская меня вперед, а затем пошел рядом, размеренно стуча тяже-

лыми сапогами по каменным плитам. Мы шли по длинным переходам, и редкие стражи — те самые странные люди-до-спехи — замирали при нашем приближении, низко склоняя головы. Я невольно прижималась ближе к Черномору, с опаской поглядывая на них.

— Они тревожат тебя? — негромко спросил он, заметив мой страх.

— Они... странные, — я постаралась выразиться как можно мягче, чтобы не задеть его чувства. — Впрочем, здесь всё странное.

— Они не причинят тебе вреда. Все они — создания моей воли и беспрекословно повинуются мне во всём.

В его голосе не было ни гордости, ни радости. Лишь бездонная, ледяная усталость.

— Ты сам сотворил их? Из железа и заклятий? Как тридцать три богатыря из вод морских?

— Я не могу позволить себе роскошь доверять живым обитателям Черноморья, — его лицо исказилось от горькой усмешки. — Они с радостью перерезали бы мне горло, пока я сплю. Но поддерживать порядок в чертогах в одиночку выше моих сил. Да и признаться, я бы не хотел этого.

— Должно быть, это очень одиноко — жить в таком огромном замке совсем одному, — тихо сказала я, мельком взглянув на его суровый профиль. Черномор промолчал, и эта тишина длилась так долго, что мне показалось, он вовсе не ответит.

— Да, — наконец обронил он. — Ты права.

— А как же те двое витязей, что были с тобой?

— Хм? Ах, Добрыня и Ратмир. Есть ещё один, Любомир, но он сейчас далеко. Они охотятся за беглой магией и оберегают границы. Их судьба... сложна и запутана. Я объясню тебе всё, но в другой раз.

Я согласилась. Он и так открыл мне слишком много тайн за один вечер, а мой разум всё ещё пытался переварить реальность существования Черноморья и древних витязей. Всё это походило на прекрасный, но очень опасный сон.

— Скажи, а у вас тут... ну, правда есть Священный круг витязей, как в старых песнях? Где все равны и дают клятвы верности?

— Что? — он негромко хмыкнул. — У меня есть круглый стол в малом зале, если ты об этом. Ах, эти людские предания... Нет, Анна. Они мои верные воины, а я — их суровый Владыка. Легенды всегда приукрашивают действительность.

— Я так и думала, что половина сказок — выдумка. — Лучшие сказки всегда строятся на лжи, — отозвался он.

В этот момент я не выдержала и сладко, протяжно зевнула, тщетно пытаясь прикрыть рот ладонью.

— И как по сигналу, мы пришли, — Черномор остановился перед массивной дубовой дверью. По обе стороны от неё замерли двое железных стражей с длинными копьями. — Мои слуги доставят тебе всё, что ты пожелаешь.

— У вас здесь... есть горячая вода? — с надеждой спро-

сила я. Смыть с себя дорожную пыль и перенесенный ужас казалось пределом мечтаний. — Тебе не придется выходить на мороз, чтобы умыться, если ты об этом. Если пожелаешь принять омовение, слуги принесут кувшины с горячей водой.

Он толкнул тяжелую створку, приглашая меня войти первой. Комната оказалась великолепной, хоть и дышала глубокой древностью. Посреди покоев возвышалась огромная кровать под тяжелым пологом, укрытая пушистыми меховыми одеялами. В небольшом камине у стены уже уютно потрескивали дрова, наполняя комнату живым теплом. Здесь было действительно уютно, вопреки всему моему страху.

— Тебя устраивают эти покои? — Черномор замер на пороге.

— Да. Очень. Спасибо тебе, — искренне ответила я. Это было в тысячу раз лучше сырой темницы. И пусть здесь не было интернета и мобильного телефона, чтобы сообщить родителям, что я жива, жаловаться не приходилось.

— Доброй ночи, моя принцесса, — Черномор плавно поймал мою руку и с безупречной, ледяной учтивостью коснулся губами тыльной стороны моих пальцев.

— И... и тебе доброй ночи, — пробормотала я, поспешно отступая в глубь комнаты.

Он слегка поклонился и закрыл дверь. Замок тихо щелкнул. Только оставшись одна, я поняла, насколько смертельно устала. Это были самые безумные дни в моей жизни.

Сбросив тяжелое алое платье и сорочку, я аккуратно сложила их на резной сундук у изножья кровати. В шкафу отыскалась простая, легкая льняная рубаша. Натянув её через голову, я забралась под тяжелые меховые одеяла. Перина оказалась мягкой, а простыни пахли сушеной лавандой и морозным ветром.

Черноморье. Стихии. Сердце Мироздания. Ожившие железные доспехи и древние витязи...

Засыпая, я перебирала в памяти события вечера, но все мои мысли вопреки воле кружились вокруг одного-единственного образа — Владыки Черномора, бессмертного повелителя застывшего пламени.

Глава 4

Владыка Черноморья, Черномор

— Вы уверены в своем решении, мой Владыка? — Ратмир, как всегда, не мог удержаться от того, чтобы не выразить опасение. Его преданность была почти осязаемой, но в вопросах, касающихся незыблемого порядка, он всегда искал подвоха.

Я плотнее запахнул тяжелый плащ, глядя, как языки пламени в камине моей библиотеки жадно лижут поленья. Мои пальцы, облаченные в сталь, беззвучно сжались.

— Разумеется, я не уверен, — отозвался я, не поворачивая головы. — Но я не вижу лучшего пути. У тебя есть другие предложения?

Ратмир вздохнул, тихий звук его дыхания потонул в гулком пространстве зала.

— Нет. Я не сторонник бессмысленной жестокости, но позволить ей оставаться свободной, вне Сердца Мироздания... это противоречит самой сути вашего правления. Я удивлен, мой господин.

— В тот день из Сердца Мироздания вырвалась не просто сила, Ратмир. Её направляла чья-то воля. Я чувствую это. Тот, кто стоит за спиной этой смертной, до сих пор дергает за невидимые нити. Анна не доверяет мне — и по праву. Мне нужно время, чтобы заслужить её правду. К тому же... — я

на мгновение замолчал, глядя на танец огня, — признаюсь, эта «помеха» стала для меня неожиданно интересной.

— Мой Владыка? — Ратмир явно не ожидал такого признания.

Я усмехнулся — холодно, почти насмешливо.

— Разве мне запрещено наслаждаться чьим-то обществом ради разнообразия? Поверь, старый друг, твоя компания безупречна, но ей недостает одной... искры.

— Сейчас я убедился, что вы окончательно лишились рассудка, — Ратмир отошел к стене, где на резном столике стояли кубки, и наполнил их крепким вином. — Нельзя так привязываться к смертной. Если она лжет — она опасна.

— Я не знаю, скрывает ли она правду из вероломства или ради собственного спасения, — я принял кубок из его рук, ощутив холод металла. — Если верно второе, я не вправе её осуждать.

Анна была в безопасности под моим покровительством — до тех пор, пока тайна того, кто наделил её этой силой, оставалась неразгаданной, я не трону её. Но я знал горькую истину: как бы я ни пытался сгладить углы, финал этой истории был предопределен.

— Она принадлежит Сердцу Мироздания, — негромко произнес Ратмир.

Я отпил вина, чувствуя его терпкую горечь. Я знал это. Знал, что не должен позволять себе тешить себя мыслью о том, что в этой хрупкой искре жизни может таиться надежда

для того, кто века провел в пустоте. Надежда, что однажды я перестану быть одиноким правителем застывшего мира.

Мои витязи были верны мне, я был им благодарен. Но они — лишь порождения моей воли, как и статуи, украшающие эти залы. Они не были живыми. Они не могли по-настоящему разделить со мной бремя вечности. Я закрыл глаза, чувствуя, как внутри ворочается привычный, ледяной холод.

— Тогда позвольте мне предостеречь вас от... запутанных связей с этой девушкой, — добавил Ратмир, положив ладонь мне на плечо.

— Поверь, я знаю, — я растворил стальную перчатку на правой руке, чтобы кончиками пальцев потереть ноющие виски. — Но, чтобы узнать правду, мне нужно её доверие. А холод и отстраненность здесь — плохие союзники.

— Берегите себя, — Ратмир слегка сжал моё плечо. — Когда придет время, и она неизбежно должна будет соединиться с Сердцем, эта боль может разрушить вас самого.

— Иронично, не правда ли? — я усмехнулся, залпом допил вино и с грохотом поставил кубок на каминную полку. — Ты говоришь мне о боли, вспоминая тех, кого я забрал у тебя в ходе Великой битвы?

Ратмир отнял руку. Его лицо осталось бесстрастным, как и подобало верному слуге.

— Мы уже обсуждали это. Я верен вам, мой Владыка.

— Потому что лишен выбора. Потому что ты не можешь ненавидеть меня за то, чего я тебя лишил, — я медленно

направился к своему креслу у огня. — Если бы ты обладал свободой выбора, возможно, наша дружба имела бы совсем иной вкус.

— Это бессмысленный спор. То, что я не способен жаждать мести, не означает, что я не желаю вам избавления от страданий, — Ратмир развернулся и направился к выходу. — Но поступайте, как знаете, мой Владыка.

— Я всегда так поступаю.

Дверь закрылась с глухим щелчком. Я остался один в тишине огромного зала. Лишь треск поленьев в камине нарушал покой, напоминая мне о том, что даже самый сильный Дьявол обречен на вечное одиночество. И, возможно, это было самым жестоким наказанием, которое я сам же себе и уготовил.

Анна

Проснулась я от резкой боли: кто-то больно укусил меня за палец.

— Ай! Да чтоб тебя... — я рывком села на кровати, отмахиваясь от обидчика. Разумеется, это был кот Баюн. Он сидел на подушке, невозмутимо поводя хвостом из стороны в сторону. — Почему ты такой вредный? — прошипела я, баюкая укушенный палец.

— А почему ты такая недалёкая? — отрезал кот, глядя на меня свысока. — И приглуши голос, глупая смертная. Мы не хотим, чтобы стража услышала твои вопли.

Я вздохнула, засунула палец в рот и отвернулась к стене.

— Чего тебе?

— Я придумал, как заставить этого тирана снять с тебя ожерелье.

— О? — я заинтересованно приподняла бровь.

— Ты его соблазнишь.

Я чуть не подпрыгнула на кровати.

— Что?!

— Тише ты! — зашипел кот.

В дверь постучали. Сердце ушло в пятки.

— Барышня, вы в порядке? — глухо донеслось из-за тяжелой створки. Это был один из тех безмолвных стражей, чьи доспехи были выкованы самой магией.

— Д-да, всё хорошо, спасибо! — крикнула я, стараясь придать голосу уверенности. — Просто... ударила ногой об угол.

За дверью воцарилась тишина. Я выдохнула, чувствуя, как дрожат руки. Снова повернулась к коту, обнимая меховое одеяло.

— И даже не думай. Я не буду его соблазнять.

— Он уже делает всю работу за тебя, — Баюн перепрыгнул в ноги кровать и сел, глядя на меня с нескрываемым презрением. — Видимо, у него есть особая тяга к глупышкам.

— Знаешь, — я с трудом сдержалась, чтобы не запустить в него подушкой, — если бы ты был хоть капельку добрее, мне было бы куда проще с тобой общаться.

Я снова легла, глядя в потолок. Сквозь тяжелые шторы пробивался тусклый серый свет. Дом... я вспомнила нашу дачу под Хабаровском, тихие вечера и запах хвои. Всё это казалось таким далеким. Черноморье — это приключение, это магия, но это и смертельная опасность.

— У тебя нет выбора, Аня, — голос кота стал тише, но жестче. — Я — твой единственный путь домой. Если ты не поможешь мне восстановить силы, чтобы я разорвал связь, ты навеки останешься здесь, заточенная в Сердце Мироздания, как и остальные несчастные.

— Черномор сказал, что дороги домой нет.

— И ты поверила ему? Ты действительно наивна.

Кот коротко укусил меня за пятку через одеяло, заставляя вскрикнуть.

— Хватит! — я отпихнула его, но он ловко отпрыгнул.

— Не игнорируй меня. Вставай и приступай к делу. Чем дольше мы тянем, тем скорее Владыка решит, что ты ему наскучила, и закроет тебя в Сердце.

Баюн прыгнул на пол и исчез в клубах черного дыма. Я ненавидела этого кота.

Желудок протестующе заурчал. Делать нечего, пришлось вставать. Я натянула простое платье, накинула меховую накидку и направилась к двери. К моему удивлению, она открылась без усилий. Стражи у двери даже не шелохнулись, только их пустые шлемы повернулись в мою сторону.

— Мне... можно прогуляться? — робко спросила я. —

Только в сопровождении, барышня, — отозвался один из них, хотя его губы не двигались.

— Понятно.

Я шла по длинным коридорам, разглядывая гобелены с изображением сказочных чудовищ. Замок был прекрасен и пугающе огромен. В одном из залов я наткнулась на человека — точнее, на существо, которое выглядело куда человечнее прочих. Это был тот самый «золотой» витязь. Его кожа местами переходила в сияющие золотые пластины, словно он был частью самой архитектуры этого места.

— Доброе утро, барышня, — он отвесил безупречный поклон. Его голос был мягким, глубоким, как гул колокола.

— Привет, — я улыбнулась, чувствуя, что от него не исходит той ледяной угрозы, что от Черномора.

— Я — Анна.

— Витязь Ратмир, Золотой рыцарь, — он склонил голову, целуя мою руку. Его пальцы были жесткими, мозолистыми, но движения — удивительно нежными. — Что привело вас в эту часть замка?

— Блуждаю в поисках... завтрака.

Ратмир тихо рассмеялся, и это был первый по-настоящему теплый звук, который я слышала в Черноморье.

— Позвольте мне проводить вас на кухню. Давно мы не принимали гостей, и я буду счастлив оказаться полезным.

Я шагала рядом с ним, чувствуя себя чуть менее одинокой в этом бесконечном, застывшем во времени дворце.

— Прошу прощения, если мои манеры покажутся вам несколько старомодными.

— У меня всё равно нет манер, так что не переживайте,
— ответила я, пытаюсь не отставать от его широкого шага.

Ратмир мягко усмехнулся, заведя руки за спину.

— Переход из земного мира в Черноморье всегда дается нелегко. Слишком много времени утекло с тех пор. Какой сейчас год на Земле?

— Две тысячи двадцать шестой, — ответила я, чувствуя, как внутри всё сжалось.

— Вот как... — он глухо кашлянул. — Поразительно. Мне казалось, прошло куда меньше времени. Время здесь течет причудливо, не так, как в прочих мирах. Но боюсь, в этот раз дело не только в чарах.

— Мирах? Во множественном числе? — я нахмурилась.
— Черномор как-то упоминал, что наш мир когда-то был вратами.

— Именно так. Черноморье существует в пространстве между множеством миров. Земля — лишь один из них. Сам я родом из иного места.

— Правда? Это потрясающе! Откуда же вы?

Меня вдруг осенило: магия перестает казаться такой уж пугающей, когда рядом с тобой не чудовище, желающее тебя сжечь, а... просто собеседник.

— Мир под названием Дивье Царство. Земля фей, — он ответил так просто, будто говорил о соседнем городе. — Я

путешествовал оттуда на Землю, чтобы сражаться плечом к плечу с великим князем. А когда мы вместе с остальными прибыли сюда, я остался верным соратником Владыки Черномора.

— Фей... — я запнулась. — Как в сказках? Как те самые феи?

Он мягко улыбнулся: — Можно сказать и так. До того, как Сердце Мироздания поглотило всё вокруг, мой народ процветал здесь... — он запнулся, и его лицо мгновенно омрачилось.

— Это случилось из-за Сердца? — тихо спросила я.

— Да. До него, — он покачал головой. — Простите, мне не следовало обременять вас нашими печальми. Вы не должны быть жертвой истории этого места.

— Думаю, я уже ею стала, — ответила я, плотнее кутаясь в меховую накидку. Она была удивительно уютной и теплой, но осенний холод замка всё равно пробирал до костей. Или это была не осень? Я окончательно перестала понимать, какое время года сейчас за стенами этого проклятого места.

— Да, пожалуй, вы правы, — он выглядел таким искренне опечаленным, что мне захотелось подойти и ободрить его.

К счастью, разговор прервался самым неожиданным образом. Мы свернули в глубину замка и наткнулись на двери, из-за которых внезапно донесся пронзительный женский визг: — Пошел вон! Вон, я сказала!

В следующее мгновение из проема вылетела чугунная

сковорода и с грохотом врезалась в стену. Я подпрыгнула на месте, едва не взлетев к потолку, и инстинктивно отпрянула назад. Мимо нас пронеслось нечто: фигура в доспехах, но какая-то... рассыпающаяся. Вместо привычного металлического лязга в воздухе повис сухой, неприятный шорох, словно пересыпали горсть серой золы. У этого стража не доставало целых сегментов брони, а левая рука — сотканная из клубящегося пепла — парила в воздухе отдельно от тела, нервно подрагивая. Казалось, он едва удерживает свою форму, то и дело оседая облачками черной сажи.

Я в ужасе спряталась за спину Ратмира, пока этот «пепельный недотепа» в панике улепетывал по коридору, оставляя за собой тонкий серый шлейф. Из кухни вслед ему показалась женщина. Точнее, это была ожившая коллекция кухонной утвари в фартуке. Она напоминала мою тетю Люсю — такая же округлая, дородная и сейчас абсолютно разъяренная. Она сжимала скалку, от которой исходил едва заметный жар.

— И не смей возвращаться, сгусток золы недоделанный! — проорала она вслед удирающему призраку, чьи доспехи продолжали осыпаться прахом прямо на каменный пол. — Клянусь, мое терпение — не бесконечное пламя!

Ратмир вздохнул, стараясь сохранить невозмутимость: — Доброго утра, Елена. Я привел нашу гостью.

— Ой! — существо в фартуке тут же сменило гнев на милость, издав тонкий писк. — Ратмир! А это... о, госпо-

ди, какая ты бледная, бедняжка. Заходи, заходи скорее! Ты, должно быть, ужасно голодна. Завтрак пропустила? Конечно, пропустила. Владыка, небось, всю ночь мучил тебя своими молчаливыми допросами? Он-то почти не говорит, но если уж начнет... Входи, входи, я живо соображу тебе что-нибудь поесть!

— Я... — я даже не успела открыть рот, как Елена ухватила меня за руку и поволокла в кухонный чад. Обернувшись к Ратмиру, я беззвучно взмолилась: *«Помоги мне!»*

Но высокий витязь лишь усмехнулся, отвесил шутливый поклон и развернулся, чтобы уйти.

— Приятного аппетита, барышня Анна.

Ну вот почему мне кажется, что меня только что «посвятили» в студенты? О, Ратмир, я вам это припомню! Как только выберусь из этой кухни — непременно припомню.

Владыка Черноморья, Черномор

— Вам стоит поторопиться, если Вы желаете спасти нашу гостью, — голос Ратмира звучал ровно и безупречно, как того требовал этикет.

Я поднял взгляд от свитков и книг, в которых тщетно пытался отыскать источник силы Анны, и вопросительно приподнял бровь. Ратмир, мой Золотой витязь, стоял в дверях, сохраняя неизменную почтительность. Он знал границы, но его глаза, казалось, видели гораздо больше, чем подобало слуге.

— О? — я откинулся на спинку кресла.

— Она заперта на кухне с Еленой, — Ратмир не позволил себе ни тени улыбки, но в его тоне проскользнула едва уловимая нотка иронии. — Она жаловалась на голод, мой Владыка. А Елена уже много месяцев просит аудиенции. Вы избегаете её, но она всё ещё помнит вкус Ваших любимых пирогов с брусникой.

Я тяжело вздохнул.

— Ратмир, ты становишься невыносимым в своем стремлении устроить мой досуг. Ты мог бы послать слугу, а не бросать смертную в пасть львице, лишь бы выманить меня из покоев.

Я поднялся, поправляя тяжелые полы камзола.

— Ты прекрасно знаешь, почему я избегаю Елену, — бросил я, проходя мимо него.

— Разумеется, мой Владыка, — Ратмир поклонился, пропуская меня вперед. — Но если эта юная особа обречена на столь трагическую судьбу, разве не справедливо позволить ей насладиться хоть каплей Вашего внимания? Я не видел, чтобы Вы улыбались... с тех самых пор, как пало Дивье Царство.

Я на мгновение замер. Этот витязь знал слишком много.

— Тебе не стоит брать на себя роль моей совести, Ратмир. Это опасное занятие.

— Кто-то должен это делать, — невозмутимо отозвался он, следуя за мной на почтительном расстоянии. — Но со-

ветую поспешить, прежде чем она взорвется от количества съеденного. Вы ведь знаете, как Елена умеет проявлять свою заботу.

— Да, — тихо ответил я. — К сожалению, знаю.

Когда я вошел на кухню, Елена, увидев меня, тут же опустилась в глубоком реверансе, её доспехи-фартук издали мягкий, сухой шорох, напоминающий звук пересыпаемого песка.

— О, мой Владыка! Вы почтили нас своим присутствием!

— она всплеснула руками.

Я перевел взгляд на Анну. Она сидела на высоком табурете, не пытаясь ни вскочить, ни поклониться. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, и в этом взгляде не было той заученной покорности, к которой я привык за столетия.

— Нам пора, — добавил я, обращаясь к ней. — Твое обучение начинается сейчас.

Анна поспешно прыгнула с табурета, прихватив с собой один из пирогов.

— Возьми второй для Владыки! — крикнула вслед Елена.

— Он вечно забывает о еде, всё летает в своих думах!

Я лишь едва заметно усмехнулся. Анна, покраснев, послушно прихватила второй сверток. На лестнице она обернулась ко мне, небрежно сунув пирог в руку.

— Будешь? — спросила она так просто, словно я был обычным прохожим, а не повелителем Черноморья.

— Нет, — я позволил себе настоящую улыбку. — Но спа-

сибо, Анна.

Я повел её во внутренний двор — небольшое пространство, засыпанное чистым песком. Там, под открытым небом, я протянул ей кольчугу из тончайшего золота.

— Это не загорится, — сказал я, отвернувшись, чтобы дать ей возможность облачиться. — Твой дар... он непоко-
рен. Но ты должна стать его хозяйкой.

Когда она предстала передо мной, я почувствовал, как внутри полыхнуло что-то давно забытое.

— Слушай меня, Анна, — я коснулся кончиком пальца её подбородка, заставляя смотреть прямо в глаза. — Я — Черномор. Я не знаю жалости, и в моем мире не бывает поблажек. Но если ты хочешь выжить, ты должна научиться подчинять хаос.

Я призвал свой клинок. Он соткался из самого пламени, дрожа и искрясь.

— Ты спрашивала о моем прошлом? Этот меч — наследие древних правителей.

Я бросил к её ногам легкий тренировочный меч.

— Подними его.

— Но я не умею...

— Это больше не имеет значения, — я щелкнул пальцами, и мой огненный клинок со свистом рассек воздух, застыв в нескольких сантиметрах от её плеча. — Защищайся, Анна. Иначе я сам покажу, как дорого стоит промедление.

Она стояла передо мной — хрупкая, смертная, но с огнем

в глазах, который я был намерен разжечь до небес.

Анна

— Дисциплина. В самых разных смыслах, — пророкотал Владыка.

— Я не умею драться, — снова пробормотала я, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

— Это мы сейчас исправим.

Он едва заметно повел кистью, и меч вспорхнул в воздух, направленный прямо мне в грудь.

— Защищайся.

— Что?

Клинок рванулся вперёд. Я вскрикнула, бросилась наутёк, споткнулась и растянулась на песке, точно мешок с картошкой на нашей даче под Хабаровском. Перевернувшись на спину, я зажмурилась, ожидая удара, но вместо него почувствовала лишь леденящий холод стали в нескольких сантиметрах от своего лица. В панике, не в силах сдержать напор стихии, я вспыхнула, как сухая трава.

Черномор рассмеялся. Этот звук был похож на треск ледника.

— Не смешно! — огрызнулась я, пытаюсь выглядеть грозно.

— О, поверь, это невероятно забавно.

Я села, глядя на свои горящие руки, и тяжело вздохнула: — Я как рыба-ёж. Вспыхиваю, когда пугаюсь, чтобы защи-

тяться.

Владыка подошёл ближе. В его движениях не было прежней ледяной отстранённости — скорее, снисходительное любопытство. Он протянул мне руку, и я, помедлив, схватилась за его ладонь. Когти не вонзились в кожу — он помог мне подняться с поразительной грацией.

— Я хотел понять, основана ли твоя сила на страхе. Похоже, так и есть.

— Мог бы просто напугать меня, — проворчала я.

Он обошел меня кругом, словно хищник, изучающий диковинную добычу. Его пальцы коснулись моих волос, которые сейчас полыхали лазурными искрами. Металл его доспехов, коснувшись моего пламени, начал тихо вибрировать, излучая странный, завораживающий свет.

— Тебе больно? — я с тревогой взглянула на его руку.

— Чтобы причинить мне вред, тебе нужно пылать куда сильнее, — его голос, казалось, вибрировал у самого моего уха. — Не знаю, облегчение это для тебя или разочарование?

— Я не хочу причинять тебе боль.

Он подошел ещё ближе. Я чувствовала исходящий от него жар и мощь, от которых перехватывало дыхание. Его руки опустились мне на плечи, пальцы сжали кожу, и я видела, как пламя на моих руках разгорается ярче от этого простого прикосновения. Может, это была не нервозность? Может, всё было куда сложнее? Я не знала, как совладать с тем, что творилось внутри, когда он был так близко.

— Почему ты заточил других стихийных духов? — спросила я, пытаясь вернуть себе самообладание.

— Я отвечу на это, когда твоё обучение будет завершено.

Он отступил, и тут его доспехи начали меняться. Они потекли по его телу, сгущаясь в причудливые, гротескные формы, напоминающие чешую дракона. Теперь передо мной стоял не просто мужчина — передо мной был сам Мрачный Принц, грозное и прекрасное воплощение тьмы.

— Подними меч, — велел он.

Я сжала рукоять. Тяжелый, холодный, чужеродный предмет.

— Как это поможет мне усмирить моё пламя?

— Скорее всего, никак, — его смех отозвался в глубине металлической маски. — Но зато это будет чертовски весело.

Следующий час превратился в пытку. Он сбивал меня с ног, наказывал за неверную стойку, заставлял чувствовать себя маленькой и беспомощной, как деревце в бурю. Но каждый раз, когда я падала в песок, он протягивал мне руку.

— Представь, что ты — дерево, — наставлял он, толкая меня в плечо. — Стой твердо. Будь сильнее ветра.

Я злилась, я огрызалась, и, кажется, ему это... нравилось? Он словно упивался моим смущением, моей яростью, моей неспособностью скрыть чувства. В конце концов, я заставила себя сосредоточиться. Вместо того чтобы бороться с пламенем, я позволила ему течь сквозь меня, как горному ручью. Я перестала бояться. И... вспышка погасла. Я снова стала

обычной девушкой.

— Смотри! — я рассмеялась, вытирая пот со лба.

— Вижу.

Порыв чувств оказался сильнее разума. Я сделала шаг вперёд и обняла его — широкого, как скала, закованного в сталь. Он замер, словно пораженный молнией, а затем его рука — обычная, человеческая рука без единого когтя — осторожно легла мне на макушку.

— Ты справилась, Искорка.

Когда тренировка закончилась, он вернул мне ожерелье. Щелчок замка прозвучал как приговор. Он притянул меня за цепочку, сокращая дистанцию до опасного предела. Его глаза, казалось, выжигали на мне клеймо. Он был так близко, что я почти почувствовала дыхание на своих губах. Я хотела этого поцелуя больше, чем возвращения домой.

Но он лишь улыбнулся — едва заметно, печально — и отстранился.

— Собери вещи. Я должен тебе обед и длинную историю.

Он ушёл, а я осталась стоять посреди двора, прижимая ладони к пылающим щекам. Кто же ты, Владыка Черномор? И почему мне кажется, что я уже давным-давно попала в твои сети?

Глава 5

Анна

Черномор привел меня в огромный зал, где в самом центре стоял массивный металлический стол. Он был круглым, с изящными стульями по краям. Каждый — из разного металла: железо, золото, серебро, медь, олово... Всего семь мест. Сразу видно: для него и его витязей. Я невольно выдохнула. Кажется, это максимум, на что я могу рассчитывать в качестве «гостыи» за круглым столом.

В центре столешницы, около трёх метров в диаметре, была выгравирована карта Черноморья. Остров, омываемый седыми волнами, а в самой его середине — пик высокой горы, уходящей в тяжёлые, застывшие облака. Я невольно вспомнила старые легенды о легендарном острове Буяне — интересно, не этот ли суровый край вдохновил слагателей былин?

Хотя, глядя на то, как рядом со мной замер Владыка, сходство казалось пугающим, почти зловещим. Его глаза — пронзительно-синие, холодные, как зимнее небо над морем, — казались бездонными, а острые клинки, заменявшие ему пальцы, лишь подчеркивали его внеземную, пугающую сущность. Это был не сказочный остров из детских книжек, а самая настоящая обитель тайны, скрытая от людских глаз за пеленой вечного тумана.

— Расскажи свою историю, Анна.

Я моргнула, застигнутая врасплох. Черномор уже наливал в стаканы что-то крепкое, янтарное. Обычно я не любительница пить в одиночку, но после наших «тренировок» всё тело ныло, так что я с благодарностью приняла протянутый напиток.

Сделав глоток, я закашлялась.

— Ого, ну и крепкий он! — второй глоток пошел легче, обжигая приятно и густо. Он усмехнулся, явно находя мою реакцию забавной.

— Ну же.

— Почему тебе это интересно? Я самая обычная. — Я уставилась на карту. На ней были расставлены маленькие фигурки, совсем как в исторических фильмах про древние битвы. Они были покрыты слоем пыли — кажется, к ним не прикасались столетиями. — Я думала, это ты расскажешь мне свою историю.

— Обязательно. Но твоя, подозреваю, куда короче, поэтому начнём с неё.

Я закатила глаза, но еще раз приложила к стакану. Логично.

— Там особо нечего рассказывать. Я выросла в Хабаровске, ухаживала за живностью, огород, школа... Хотела поступить на исторический факультет или ветеринара в Москве — животные для меня всё. Но судьба распорядилась иначе.

— Почему? — он подошел к столу и встал у железного

стула, не сводя глаз с карты.

— У меня... ну, ты видел. Панические атаки. — Я пожалала плечами. — С самого детства. Дышать становится нечем, а потом — темнота. Родители решили, что отправлять меня в большой город опасно. Да и денег не было. Так я и осталась там.

— Тебе явно не по душе их решение.

— Что было, то прошло. — Я допила остатки. Напиток теперь казался даже вкусным. — Просто иногда жаль... что я не уехала вместе с друзьями. Не хотела всю жизнь провести, запертая в стенах квартиры, а летом на даче. Может, если бы я уехала, мой парень не стал бы мне изменять.

Черномор вскинул голову. В его синих глазах промелькнуло что-то живое.

— Сочувствую. Предательство — горькая чаша. — Его лицо помрачнело. — Я знаю, о чём говорю. Поверь мне.

— Это звучит как начало длинной и мрачной саги.

Он покачал головой: — Другой разговор, для другого времени. Скоро ты и так всё узнаешь. Продолжай: как ты попала в Черноморье?

Я не хотела лгать Владыке, но и доверять ему — с чего бы? Пока я не пойму, что он задумал, раскрывать карты не стоит. Кто знает, не швырнет ли он меня в Сердце Мироздания, узнав, что это вредный Кот Баюн притащил меня сюда?

— У меня был ужасный день. Узнала об измене Миши, мы расстались. Зажгла свечу, поставила фильм... — вот и ложь.

Я усталилась в пустое дно стакана, надеясь, что оно скроет мою неуверенность. — Свеча упала, дом загорелся. В панике я побежала на второй этаж, а там — не знаю, как описать... портал? Дыра в пространстве? Я прыгнула, решив, что это лучше, чем сгореть заживо. Очнулась в лесу, в кратере у дуба с золотыми цепями, голая и напуганная. А потом вышла к деревне. Остальное ты знаешь.

— Понимаю, — он явно не поверил, но и докапываться не стал.

Он смотрел на карту с такой тоской, какой я от него не ожидала. Я хотела рассмотреть её получше — там, возле центральной горы, была пометка: «*Руины стольного града*». Но сейчас был явно не тот момент.

— Скажи мне, Аня, — тихо произнес Владыка Черномор, не сводя с меня глаз. — Что бы ты пожертвовала ради спасения собственного мира, даже если бы пришлось защищать его от него же самого?

Я попыталась отшутиться, чтобы скрыть подступившую робость: — Я... честно говоря, понятия не имею. Мне как-то не доводилось спасать миры.

Шутка прозвучала жалко и плоско, повиснув в прохладном воздухе тяжелым грузом.

— К несчастью, мне довелось. И в конце концов я пожертвовал всем — и всеми, — чтобы уберечь Черноморье от его собственной гордыни и неминуемой гибели. — Он на мгновение прикрыл глаза. — Но я забегаю вперед. Когда-то на-

селение нашего мира достигало миллиона душ, а может, и больше. Теперь же нас едва ли наберется двадцать тысяч. Все остальные запечатаны в Сердце Мироздания. И они должны оставаться там, иначе Черноморье вновь погрузится в пучину войны и хаоса.

Наклонившись к столу, он поднял небольшую фигурку, выкованную из темного железа. Легким движением он бросил её мне. Поймав вещицу на лету, я принялась её рассматривать. Это было изображение какого-то демонического существа — странного, угловато-тощего, с широкой костлявой грудной клеткой и одним обломанным, изломанным рогом, в то время как второй затейливо закручивался назад, подобно рогу горного козла. Его оскаленная морда застыла в свирепом, безмолвном реве.

— Мы, стихийные духи, питаемся самой магией Черноморья — и столь же непредсказуемы, — продолжил он глухим, отстраненным голосом. — Остров сам выбирает, кого «одарить» своей силой. Она не достается тем, кто заслужил её или выстрадал. Нет, порой мне кажется, что у этого проклятого клочка земли поистине большое чувство юмора в том, кого он выбирает, а кого обходит стороной.

В его словах сквозила такая горечь, что я невольно умолкла, просто слушая его.

— Когда демон Кощей, самозванный Царь Пепла, решил развязать войну против всего Черноморья, я поднялся первым, встав у него на пути. Я не позволил бы чудовищу бес-

чинствовать — ведь он жаждал обратить всю жизнь в прах, превратить цветущий мир в свой личный, персональный ад.

— И ты убил этого демона? — вырвалось у меня.

— Нет. Убить другого стихийного духа по законам Черноморья запрещено — если только нет единогласного решения остальных. — Он издал мрачный, полный горькой иронии смешок. — Они даже в этом не смогли прийти к согласию. Война с демоном, завершившаяся его заточением, оставалась единственным выходом. Но я по глупости обратился за помощью к другим духам. И какое-то время... они действительно помогали.

— Какое-то время? — нахмурилась я.

— В том-то и загвоздка. Именно поэтому мне пришлось поступить так, как я поступил. Этим ублюдкам нельзя верить. — На его лице промелькнула тень ненависти. — Они увидели во мне угрозу, испугавшись моей силы и того, что моя магия служила противоядием против их магии. Сплощенные страхом, они дождались, пока я одолею демона, чтобы ударить мне в спину. Решив, что мне не место среди них, они возжелали моей головы на пике. В этом они проявили удивительное единодушие.

Я с трудом сглотнула вязкую слюну. — Но ты победил.

— О да, — он коротко и невесело хмыкнул. — Их союзы никогда не длились достаточно долго, чтобы довести дело до конца. Они быстро переключились на взаимную грызню. Сумей они тогда объединиться против меня единым фрон-

том, меня бы здесь сегодня не было. А от всего Черноморья осталась бы лишь горстка пепла.

— Но ведь ты мог уничтожить их всех. Закон законом, но сейчас-то правишь здесь ты.

— Да. Но если мы сами перестаем следовать своим правилам, что остается от нас в конце? — он осушил остатки вина в своем бокале. — Пустота.

Он отвернулся и направился к камину, где тускло догорали угли, отрешенно вглядываясь в огонь. Если этот мир всегда оставался таким седым и пасмурным, неудивительно, что они жгли столько дров.

— А сколько еще духов было... то есть, осталось?

— Двадцать, может, тридцать. Точно не скажу. Нас нельзя было собирать в одном месте — неизбежно вспыхивала драка. — Он с презрением сплюнул в огонь. — Фракции менялись так же хаотично, как и сама магия, питавшая их. Предательства случались куда чаще, чем искреннее товарищество.

Он надолго замолк, очевидно решая, стоит ли задавать следующий вопрос. — Скажи, Аня... ты бы предпочла жить в мире, где царит застой, или в мире, окровавленном вечной войной?

— Я не знаю.

И это была чистая правда. Я действительно не знала ответов. Я бросила взгляд в узкое окно, за которым тянулось унылое, затянутое свинцовыми тучами небо. — Здесь вообще когда-нибудь бывает солнце?

— Нет. И времена года не сменяют друг друга.

Поморщившись, я тяжело вздохнула. — Тогда я точно не знаю.

— Спасибо за честность, Аня. — Он закрыл глаза, тяжело оперевшись лбом о собственное запястье. — Слишком многие пытались усыпить мою бдительность. Мне лгали, клялись в верности, обещали принять этот холодный, стерильный порядок, лишь бы не угодить в Сердце Мироздания. И каждый раз меня предавали.

«Проблемы с доверием. Записано». Это многое объясняло.

Я вздохнула: — Обещаю, я никогда не буду тебе лгать. Хотя... — я запнулась, — не могу обещать, что расскажу абсолютно всё, например, о мерзком коте и его коварных планах.

Он устало улыбнулся уголками губ: — Это самый ценный дар, который ты могла мне преподнести, искорка. Спасибо.

— Разве тебе не бывает одиноко? Совсем одному в этих пустых залах?

— Безумно.

Владыка резко наклонил голову вправо, и суставы на его шее громко хрустнули. Он повторил движение в другую сторону, вызвав ещё один громкий щелчок.

— Зато у тебя есть верные псы.

Он вдруг расхохотался — темно, невесело, словно я только что отпустила потрясающую шутку, сама того не понимая. — Полагаю, общество моих гончих я нахожу куда более

приятным.

О! Точно! Елена упоминала про его собак. Мое настроение мгновенно подпрыгнуло.

— Мы можем пойти на них посмотреть?

Он повернулся ко мне, одарив несколько озадаченным взглядом. Я виновато и счастливо улыбнулась: — Я просто очень люблю животных.

— Да. Верно. Ты уже упоминала об этом, — он пожал плечами. — Что ж. Пожалуй, мне не помешает развеяться. Да и тебе полезно будет отвлечься от мыслей.

Я радостно подпрыгнула на месте, воодушевленная этой идеей. Общение с животными было именно тем, что могло скрасить этот паршивый день. В конце концов, после всего пережитого мне требовалась хоть какая-то отдушина. Осушив остатки бокала, я поморщилась от крепости напитка, но тут же широко улыбнулась владыке: — Идем!

Он хмыкнул, явно позабавленный моим энтузиазмом, развернулся и махнул рукой, жестом приглашая следовать за ним по мрачному коридору.

— Ты и впрямь странная, искорка.

— Говорит человек, у которого вместо пальцев — смертоносные клинки, — поддразнила я, быстро семеня рядом с ним.

В глубине его глаз все еще таилась непроглядная тьма, но улыбка, пусть и слабая, казалась по-настоящему искренней. Какой же он несчастный, одинокий и наводящий ужас

мужчина. Теперь я начинала понимать истинные причины, толкнувшие его на заточение стихийных духов. И, возможно, он был не так уж неправ в своих рассуждениях. Быть может, Кот Баюн жестоко заблуждался, и Черноморье действительно нуждалось именно в таком жестком порядке?

А может, я совершала самую ужасную ошибку в своей жизни.

Владыка Черноморья, Черномор

Я прошел через кухню, не встретив Елену — и слава небесам. У меня не было ни сил, ни желания выслушивать её сентенции, сколь бы справедливыми они ни были. Сегодня мои мысли были заняты лишь ею — Анной. Аней.

Я вел её по замку, указывая на то, что могло быть ей любопытно. Она слушала, впитывая каждую деталь. Мы вышли из главного корпуса во двор, отделенный от полей высокими каменными валами. Стоило нам показаться, как гончие в вольере взорвались радостным лаем.

— Они что, настоящие? Не... железные? — в её голосе звучало такое неподдельное любопытство, что я невольно смягчился.

— Мне незачем питать магией железные изваяния.

— Просто я удивлена, — она пожала плечами, глядя на два мясных пирожка, которые стащила из кухни.

— Псы не предадут своих хозяев, — отрезал я.

На её лицо упала тень.

— Ох.

Проклятье. Владыка Черноморья, а не способен поддерживать простейший диалог.

— Прости, Аня. Я не привык к гостям.

— Все нормально. Я бы не винила тебя, особенно если ты провел здесь вечность, раз за разом оказываясь преданным другими духами стихий. — Она нахмурилась. — Ужасно, когда доверие разбивают вдребезги.

— Ты еще не знаешь и половины. Но оставим эти мрачные темы.

Я открыл дверь в псарню. Анна просияла, стоило ей увидеть четырех огромных псов, прыгающих от восторга при виде меня. И её, разумеется. В конце концов, в руках у неё были пирожки.

— Ого, какие огромные! — рассмеялась она, заходя внутрь. Вольер был просторным, с выходами в те места, где пробивался скудный свет Черноморья.

— Волкодавы? Мاستифы?

— Они — уроженцы этих земель. У них нет названия в людских наречиях. — Я щелкнул пальцами, призывая одну из собак к порядку.

— Тише, Заря.

Я потрепал её за уши, чувствуя густую, теплую шерсть. Анна уже отщипнула кусочек теста и протянула псу, который сел перед ней, преданно заглядывая в глаза.

— Ты всегда держишь их здесь? — спросила она.

— Нет. Зачастую они вольны бродить по цитадели. Но я давно усвоил: если псу позволить однажды занять место на твоём ложе, он не покинет его, пока не придет время уходить навсегда. — Я печально улыбнулся. — Моя жизнь длится дольше их, и я боюсь снова испытать подобную горечь утраты.

— Терять любимых существ тяжело, — тихо сказала она, скармливая кусочек второму псу. — Но та любовь, что они дарят, окупает любую боль.

— Быть может, ты права.

— Я бы не отказалась делить постель с этим большим увальнем, — рассмеялась она, трепля пса по холке. — Наверное, ты занимаешь всё место, да? Да, ты такой, верно?

Я не сдержал усмешки. Её тон — этот нежный, воркующий голос — казался мне чем-то невероятным. В нём было столько жизни, столько тепла, которое я привык выжигать в себе столетиями.

— Ты умеешь находить к ним подход.

— Просто у меня в руках жирное мясо, — отшутилась она, но глаза её светились восторгом.

— Как бы то ни было, ты вольна навещать их, когда пожелаешь. Можешь даже забирать их в свои покои, если холод наших стен станет невыносим.

Почему я даровал ей такую свободу? Надежда — коварная вещь. Она, подобно яду, медленно отравляла мой рассудок.

Когда пирожки исчезли, один из псов ткнулся мордой ей в

лицо, и Анна рассмеялась. На её лице не было страха, лишь чистый восторг. Я смотрел на них, и внутри, под моей ледяной броней, что-то дрогнуло. Так мало существ из плоти и крови называли мой дом своим убежищем. Мои же творения — бездушные пепельные стражи, рожденные из остатков угасшего пламени — внушали псам лишь первобытный ужас. В их присутствии гончие всегда сжимались, чуя запах сажи и остывшей золы, лишенной жизни. Лишь Анна, сама того не ведая, разрушила эту невидимую стену страха, став для них единственным островком тепла в этом призрачном мире.

— Спасибо, — она снова улыбнулась мне. — За то, что не запер в темнице, не пытаешь и не бросил в Сердце Мироздания.

— Не благодари. Ты просто еще не успела познать всей тяжести моей жестокости. — Я осекся, видя, как в её глазах вновь мелькнула тень нервозности. — На данный момент у меня нет причин причинять тебе вред. Я не верю, что ты попала сюда по своей воле. Но я знаю: ты скрываешь от меня куда больше, чем говоришь.

— Я... э-э... — она замялась.

— Молчи, — я поднял руку с острыми, как лезвия, когтями. — Не лги мне. Ты защищаешь себя, и я не могу тебя за это винить.

Она посмотрела на меня долго, пристально, и вдруг произнесла: — Ты совсем не похож на того злодея, которым те-

бя все выставляют.

Удар в самое сердце. То, что осталось от него под слоями вечного льда, треснуло. Я был глупцом. Старым, нелепым глупцом, ищущим искупления в глазах смертной девушки.

Я открыл засов, выпуская гончих во двор. Самый крупный пес, Вихрь, начал танцевать вокруг Анны, выпрашивая ласки. Глядя на эту картину, я почувствовал странный, почти болезненный укол ревности. Или это был страх?

— Мне нужно идти, — сказал я, стараясь сохранить равновесие. — У меня есть дела. Придешь к нам к ужину?

— К вам? — она с любопытством подняла взгляд.

— К моим витязям. Тем, что сейчас в цитадели.

— О, — она улыбнулась. — Конечно! Могу я провести этот день с этим большим щенком?

— Его зовут Вихрь. И он вовсе не щенок.

— Нет, все псы — щенки, — отрезала она с такой уверенностью, что я не решился спорить.

Ради богов, мне нужно было уйти, пока я не совершил непоправимого. Пока не захотел бросить её на плечо и унести в свои покои, чтобы скрыть от всего мира.

— Доброго дня, Аня.

Не дожидаясь ответа, я развернулся и зашагал прочь. Внутри меня бушевал хаос. Что мне делать теперь? Как совладать с тем, что, кажется, начало оживать в моей груди спустя тысячи лет одиночества? Моё «Черноморье» всегда было холодным, но сейчас оно казалось мне слишком тесным.

Анна

Кто-то осторожно тронул меня за плечо. Я с трудом разлипла глаза. Оказывается, ожидая ужина, я устроилась на диване у камина и, сама того не заметив, провалилась в крепкий сон. Рядом, свернувшись калачиком, безмятежно похрапывал Вихрь, раскинув лапы в разные стороны.

Надо мной возвышался доспех — безмолвный страж, поклонившийся в знак приветствия: — Владыка приглашает Вас к столу.

Неужели так поздно? Я протерла глаза, поправила накидку и, тихонько потрепав Вихря за бархатные уши, прошептала: — Вставай, дружок. Время ужинать.

Пес вскочил мгновенно, радостно встряхнулся и, цокая когтями по полу, помчался в сторону большого зала. Я поспешила следом и замерла в дверях: помимо Черномора, чья фигура в полумраке казалась изваянием из обсидиана, за столом сидели ещё трое. Я узнала Ратмира, сурового витязя в золоте. Рядом с ним — тот самый незнакомец в серебряных доспехах, который одолжил мне свою накидку. Третий был мне совсем не знаком.

Витязь в серебре, чьи глаза сияли, словно расплавленное олово, тут же вскочил. Его лицо с ямочками на щеках было удивительно открытым и светлым. Он склонился в поклоне: — Приветствую Вас, прекрасная гостья!

— Я не «прекрасная гостья», просто Аня, — я смущенно

протянула ему руку, вспоминая, что здесь принято целовать пальцы. Он сделал это с такой изящной легкостью, что я почувствовала себя героиней старинной былины. — И спасибо за накидку в тот вечер.

— Суший пустяк, — улыбнулся он. — Я — Добрыня, Витязь Серебряного доспеха.

— Аня, — представилась я. — Та самая «пламенная девица», если верить слухам.

Черномор лишь хмыкнул, глядя в свой кубок, а Добрыня, смеясь, указал на третьего рыцаря: — А это наш Витязь Медного доспеха — Еремей. С Ратмиром Вы уже знакомы.

— Привет всем, — выдавила я, чувствуя себя не в своей тарелке.

Добрыня усадил меня на свободное место между собой и Черномором. Владыка даже не поднял глаз, лишь молча указал когтистой рукой на стул. Атмосфера была тяжелой, пропитанной невидимым электричеством.

— Не сердитесь на его дурное расположение духа, — шепнул мне Добрыня, наклонившись так близко, что я почувствовала аромат морозной хвои.

— Я всё слышу, Витязь, — голос Черномора прозвучал как удар грома.

— А я и не скрываю, — невозмутимо ответил Добрыня, придвигая ко мне блюдо с яствами. — Ваша хмурость — не повод морить даму голодом.

Я лишь прикусила губу, чувствуя, как Черномор сжал ку-

лак, отчего металл его перчатки тихо скрипнул. Еремей, рыцарь с широкими, как у древнего богатыря, плечами и суровым взглядом, решил разрядить обстановку: — Расскажите нам, Аня, о своем мире. Говорят, люди там научились покорять небеса?

— О... да, это сложно объяснить, — я взяла вилку, размышляя, как описать самолет. — Представьте огромную железную птицу, которая не машет крыльями, но летит быстрее ветра. Она перевозит сотни людей из одного края земли в другой за считанные часы.

Рыцари замерли, глядя на меня с таким изумлением, будто я только что сотворила чудо. Я начала рассказывать — про электричество, про интернет, про далекие города. Даже Еремей, до этого смотревший на меня с подозрением, подался вперед. И лишь Черномор оставался молчаливым и холодным, как статуя на перекрестке времен.

Когда я закончила, я потянулась за булочкой и тайком под столом скормила кусочек Вихрю.

— Вы его избалуете, — заметил Ратмир, хотя в его голосе не было осуждения.

— На то они и питомцы, чтобы их баловать, — улыбнулась я. — Хотя, глядя на этот железный ошейник, я сама чувствую себя не то зверьком, не то пленницей.

— Ты не зверь, — вдруг сказал Черномор, и его голос был тихим, как гул далекой бури. — Ты — искра, которую этот мир не в силах удержать.

Добрыня, игнорируя напряжение, разлил вино: — В любом случае, завтра на рассвете я собираюсь на охоту в лесную чащу. Поедете со мной? Вихрь будет в восторге.

— Ей нельзя, — отрезал Черномор, вскакивая со стула.

— А кто спрашивает? — Добрыня вызывающе посмотрел на Владыку.

Черномор не ответил. Он просто развернулся и стремительно вышел из зала. Я, чувствуя, как внутри всё сжимается от вины, поспешила за ним. Он стоял на балконе, вцепившись в каменные перила. Ветер трепал полы его плаща, делая его похожим на грозовую тучу.

— Ты злишься из-за поездки? — тихо спросила я.

— Остерегайся Добрыни, Аня. У него серебряные слова и фальшивое сердце.

— Почему ты тогда держишь его подле себя?

Он резко развернулся, сокращая расстояние до минимума. Его когти впились в металлическое кольцо моего ожерелья, притягивая меня к себе. От него веяло сандалом, специями и холодом вечности.

— Ты должна бояться меня, — прошептал он, глядя мне прямо в глаза своими синими, как лед, зрачками. — Почему ты не ненавидишь меня?

— Может, потому что я сама решаю, кого мне ненавидеть? — я не отвела взгляд.

Он замер, прижав меня к себе. Его рука легла мне на поясницу, и я ощутила твердость его доспехов — нежных, но

пугающих.

— Кто послал тебя сюда, Искорка? Назови имя того, кто держит поводок.

— Я не знаю, — прошептала я, чувствуя, как его когти нежно касаются моей щеки.

Он склонился еще ниже, его дыхание опалило мне губы. Я хотела, чтобы он поцеловал меня. Но вместо этого он внезапно отстранился, словно опомнившись.

— Уходи, — приказал он.

Следующий час я провела, бездумно меряя шагами залы цитадели. Я пыталась изучать этот мрачный чертог, но в мыслях царил полный беспорядок. Одной своей частью мне хотелось ворваться к Владыке Черномору и потребовать объяснений за его ледяную жестокость, другой — подойти и... обнять его. Или хотя бы позволить ему притянуть меня к себе, как он сделал это на балконе.

Но третья часть, самая разумная, шептала: беги. Найди способ выбраться отсюда, пока этот «сказочный» кошмар не поглотил тебя окончательно.

Что мне нужно? Завоевать доверие Черномора, чтобы он навсегда снял с меня это проклятое ожерелье. Но если я добьюсь его расположения, смогу ли я предать его? И был ли у меня выбор? Если я не справлюсь, он наверняка запрет меня в Сердце Мироздания, рядом с остальными узниками. Владыка ждал, пока я открою ему секреты, которые доверил мне

Кот Баюн, и едва ли он проявит милосердие, когда получит желаемое.

Ноги гудели от усталости, и, сдавшись, я опустилась в глубокое кресло в библиотеке. Завернувшись в меховую накидку, я сердито устала на остывший камин.

— Холод здесь повсюду, — пробормотала я, ежась. — Неужели нельзя разжечь огонь?

— А разве ты не можешь сама его разжечь?

Я вздрогнула и вскинула голову. Рядом стоял Добрыня. Серебряный витязь улыбался — так легко и открыто, что на миг показалось, будто в этот сумрачный зал пробился солнечный луч. Он был безупречен, точно герой старинной баллады, воплощение чистоты и благородства.

— Нет, — я коснулась ожерелья. — Если я попытаюсь, то, скорее всего, сожгу здесь всё дотла, а не разожгу очаг.

Добрыня тихо рассмеялся, и в этом звуке было столько искреннего тепла.

— Я имел в виду обычное огниво, чудачка.

— Аaaa... — я почувствовала, как к щекам приливает краска. — Да, это было бы логичнее.

Он покачал головой, всё ещё усмехаясь, опустился на колени у камина и ловко высек искру. Скоро поленья затрещали, наполняя библиотеку уютным теплом.

— Холод въедается в стены этого замка. А вам, как существу из плоти и крови, он чувствуется куда острее, чем нам.

— Спасибо, — я благодарно улыбнулась.

— Позвольте составить вам компанию?

— Конечно.

Он сел в кресло напротив и внимательно посмотрел на меня.

— Мне больно видеть, как вы томитесь здесь, с ним.

— Вы ненавидите его, — заметила я, не спрашивая.

— Я презираю его.

— Тогда... почему служите ему?

Он поморщился, словно от зубной боли.

— Я вынужден. И поверьте, причины куда глубже, чем просто рыцарская честь.

— Какие, например?

Добрыня вздохнул.

— Стены здесь имеют уши, как говорят в вашем мире. Расскажу завтра. Владыка Черномор знает правду, но мои слова могут прийти ему не по душе.

Это звучало как начало очень опасной истории.

— А он правда так плох, как о нем говорят?

— Он верит, что служит великой цели. И ради этой призрачной справедливости готов крушить всё на своем пути. Каждый раз, когда я вижу, как под его сапогом гибнет прекрасный цветок, я плачу, — он задумчиво посмотрел на огонь, и в его глазах отразились пляшущие искры.

Я отвела взгляд, чтобы он не заметил моего смущения.

— Я просто хочу домой. Кажется, я здесь лишняя.

— Здесь давно никто не чувствует себя на своем месте, —

ответил он горько. — Черноморье должно быть хаотичным, диким, живым сплетением магии. А сейчас мы лишь тени в этом застывшем подобии жизни.

Я смотрела на него, пытаясь понять его истинные намерения. Мне не хватало того, на кого можно опереться. Пусть хоть один человек — или витязь — в этом царстве будет на моей стороне?

— Не печальтесь обо мне, — он снова улыбнулся, на этот раз мягко. — Я сам выбрал свою судьбу много лет назад. Но если эта судьба позволит мне чаще видеться с вами, значит, она была не такой уж напрасной.

Я не знала, как реагировать на такие слова. Смущение мешалось с любопытством.

— Ох, бросьте. Уверена, в этом замке полно прекрасных дам, которые ждут внимания такого рыцаря.

Добрыня рассмеялся: — Боюсь, мои вкусы несколько... необычны.

— Вы, мужчины, все одинаковые, — поддразнила я его, чувствуя, как напряжение отступает. — Любите загадки и красивые слова.

— Что поделать, мы — сущие демоны, — он подмигнул мне, и в его серебряных глазах вспыхнул озорной огонек. — Жду не дожусь нашей поездки на рассвете.

— Я тоже хочу увидеть Черноморье настоящим.

— Увы, увидеть его прежним уже нельзя. С тех пор как было создано Сердце Мироздания, всё изменилось.

Он встал, поцеловал мои пальцы на прощание и добавил с лукавой усмешкой: — Отдыхайте, Аня. И если ночью будет холодно... просто разожгите камин.

Когда он ушел, в тишине библиотеки я осталась наедине со своими мыслями. Мне стало легче — разговор с Добрыней заглушил тревогу, но оставил один-единственный вопрос, который жег сердце: что мне делать дальше? И почему, несмотря на все его слова, я всё равно думала лишь о том, как Черномор притянул меня к себе на балконе?

Среди ночи меня разбудил тихий стук в дверь. Я не понимала, какой сейчас час — камин давно прогорел, оставив лишь тлеющие угли. Спросонья я с трудом соображала, кто я и где нахожусь, но ответила:

— Войдите.

— К Вам тут... э-э... настойчиво просят, барышня, — донесся голос стража из-за двери. — Боюсь, он разнесет тут всю отделку. Позвольте впустить?

Я потеряла глаза, прогоняя остатки сна. Если это Владыка Черномор или Добрыня — быть беде. Но дверь скрипнула, и внутрь, радостно цокая когтями, ввалился Вихрь. Он прыгнул на кровать, виляя хвостом, как будто встретил лучшего друга после разлуки в целую вечность.

— О, это ты, мой хороший! — я рассмеялась, обнимая его за теплую шею. — Ладно, оставайся, ты хотя бы греешь.

Страж закрыл дверь, и я, зарывшись в одеяло, мгновенно

провалилась в сон. Вихрь устроился рядом, довольно вздыхая. В ту ночь я спала крепче, чем когда-либо в этом странном мире. И, кажется, присутствие собаки отвадило Кота Баюна — его ехидных лекций сегодня не было. Да и какая разница? Миссия оставалась прежней: заставить Черномора снять ожерелье, чтобы потом... попробовать уничтожить Сердце Мироздания? Я еще не была уверена в правильности этого пути. А что, если Черноморье нуждается в таком порядке, чтобы не рухнуть в бездну?

Утром я привела себя в порядок, стараясь не думать о мрачных тайнах. Нужно было спросить о бане — в конце концов, даже в сказках добрые молодцы прежде чем в бой идти, сначала «в баньке парились». Вихрь не отходил от меня ни на шаг, провожая до самого зала, где был накрыт завтрак.

Я собиралась перекусить — конечно, щедро поделившись с псом — и идти к конюшням, где меня ждал Добрыня. Но стоило мне повернуть за колонну, как я наткнулась на высокую фигуру.

— Доброе утро, — раздался холодный, как лед Байкала, голос.

Я вскрикнула и отшатнулась. Владыка Черномор двигался совершенно бесшумно, словно тень.

— Проклятье! Не пугай меня так! — мое сердце колотилось, как заведенное.

Владыка смотрел на меня с невозмутимым спокойствием.

— Ты не способна вспыхнуть пламенем при испуге, я проверял. Хотя, признаться, твои обмороки за завтраком были бы крайне утомительны для моих витязей.

— Это не шутки, — я попыталась выровнять дыхание, отходя подальше. — У меня бывают приступы тревоги. Я не выбирала это.

Черномор склонил голову, его пронзительные синие глаза чуть сузились.

— Ты говорила об этом. Что именно лишает тебя самообладания?

— Моменты, когда мир кажется слишком тесным, когда нечем дышать. С детства люди смеялись надо мной, когда я не справлялась.

Его лицо неожиданно дрогнуло, черты смягчились.

— Прости. Я не хотел тебя задеть. Ты никогда не пыталась обуздать эти чувства?

— О, я пыталась. Но это не так просто, как взмахнуть волшебной палочкой. Мои родители не одобряли... помощи со стороны, так что я привыкла справляться в одиночку.

Черномор сделал шаг навстречу, нарушая мое личное пространство, и когтем, острым как лезвие, бережно приподнял мой подбородок.

— Ты тоскуешь по своему дому?

— Немного, — прошептала я, чувствуя, как тону в этом бездонном синем взгляде.

— Это видно по твоему взору, — он положил руку мне

на плечо. Прикосновение было тяжелым, но удивительно бережным. — Прости мою вчерашнюю холодность. Мне нелегко дается общение с теми, кто... изменчив.

— Всё хорошо, — я слабо улыбнулась. — Должно быть, за тысячи лет одиночества внутри скапливается немало горечи.

Он усмехнулся — скупое, почти незаметно.

— Возможно. Быть может, когда-нибудь Черноморье станет для тебя домом. Здесь, по крайней мере, не нужно притворяться тем, кем ты не являешься.

— Ты быстро устанешь от моих бесконечных вопросов, — я отвела глаза, чувствуя, как горят щеки.

— Здесь было слишком тихо слишком долго, — ответил он, медленно убирая руку. — Аня... будь осторожна с Добрыней. Он учтив, но веры ему нет.

— В этом замке хоть кому-то можно верить? Кроме Вихря?

— Пожалуй, больше никому, — он склонился к собаке и потрепал её за ушами.

— Ты сам-то мне не лжешь? — спросила я, осмелев.

Он усмехнулся, садясь в массивное кресло у камина: — Если бы я лгал, разве я признался бы в этом? Я говорю лишь то, что знаю, пусть порой и слишком прямолинейно.

— Спасибо хотя бы за это.

— Конечно. Не хватало еще, чтобы Владыка, держащий тебя в плену, кормил тебя сказками, — он насмешливо прищурился.

— Ты опять издеваешься!

— Ничуть, — отрезал он, но в уголках его губ дрогнула улыбка.

— Можно попросить об одолжении? Я хотела бы... помыться.

— После тренировки. Я посмотрю, что можно сделать.

— Только, пожалуйста, без лишних «занятий» на мечях, я не хочу опять падать с ног.

— Обещаний не дам, — он едва сдерживал смех. — Но учту твоё пожелание.

— Вредный ты, — я покачала головой, чувствуя, как на душе становится удивительно легко. — Пошли, Вихрь! Может, в лесах Черноморья водятся белки, которые умеют летать? Пойдем, проверим!

Я выбежала из зала, слыша за спиной его тихий, почти человеческий смех. Владыка Черноморья был загадкой, которую мне только предстояло разгадать. Но сейчас меня ждал Добрыня, и я надеялась, что эта поездка принесет мне хотя бы крупицу ответов.

Глава 6

Анна

Я улыбалась, входя в конюшню. Это было нелепо: меня, обычную девушку, затащило в мир, полный монстров, где на каждом шагу поджидает опасность. Но странное дело — страха не было. Всё это казалось длинным, путаным сном. Разве могут вокруг меня быть эти призрачные доспехи? Разве могут здесь жить мужчины, сражавшиеся ещё в те времена, когда Русь только начинала свой путь? Нет, это просто морок.

Я, должно быть, лежу где-то в больничной палате, прикованная к кровати с ожогами, а всё остальное — плод моего воображения. Ну конечно, как иначе объяснить мою неожиданную способность «вспыхивать» пламенем?

Но даже если это сон, у меня был выбор: биться в истерику или принять это приключение. Я всегда мечтала о чём-то большем, чем серые будни в Хабаровске. Даже если это «большее» — сушая бездна, это всё равно лучше, чем прозябать в тишине.

В конюшне пахло не привычным конским духом, а сухой гарью и озоном, как после сильной грозы. Большинство скакунов выглядели вполне обычно, но в самом дальнем стойле таилось нечто... неживое.

Конь Владыки был соткан из плотного, спрессованного

пепла и черной сажки, словно сама смерть решила придать ему форму. Его грива напоминала тлеющие угли, в которых пульсировал багровый жар, а глаза светились тем же мертво-опаловым светом, что и весь этот проклятый мир. От него исходил неуловимый жар, от которого воздух вокруг дрожал, как над пламенем костра. Заметив меня, он глухо фыркнул — из ноздрей вырвалось облачко серого дыма, а копыто, при ударе о землю, оставило на дереве выжженный след, будто касание раскаленного камня.

— Не обращай внимания, — раздался голос Добрыни. Он стоял у соседнего стойла, поглаживая по шее статного белого жеребца. — Он так же угрюм, как и его хозяин.

«Прямо как Владыка», — подумала я, но промолчала. Добрыня и так слишком пристально следит за моими мыслями о Черноморе.

— Может, ему просто не хватает ласки? — обронила я, стараясь говорить легко.

— Попробуйте подарить ему ласку, — усмехнулся Добрыня. — И посмотрите, как быстро лишитесь руки. А вот для вас уже готова Нина.

Кобылица была чудесной — вороная, с белыми пятнами, словно россыпь звезд на ночном небе. Она потянулась ко мне, обнюхивая ладони в поисках гостинца.

— Ну привет, красавица, — я нежно коснулась её бархатной морды. — Вот вернемся, и я обязательно раздобуду тебе морковки, обещаю.

— Вы всех своих любимых так балуете, как эту лошадь?
— поддразнил меня Добрыня, выводя своего коня в проход. Четыре гончие уже кружились во дворе, предчувствуя прогулку.

— Животные заслуживают добра, — ответила я, выходя следом.

Мы выехали за ворота. Поле за валами было иссушенным, трава цвета пожухлой соломы шелестела под копытами. Вечное межсезонье. Ни весны, ни лета, ни снежной зимы — лишь застывшее безвременье. Я поравнялась с Добрыней, наблюдая, как Вихрь и остальные собаки с лаем уносятся к лесу.

— Бывают ли ещё на земле такие места? — тихо спросил витязь, заметив, как я смотрю на цитадель, громоздившуюся на утесе, словно неприступный остров Буян из забытых сказок.

— Только в руинах, — ответила я. — Или в музеях. Это красиво, но... слишком давит.

— Был бы здесь свет, всё, казалось бы, иным, — вздохнул он. — Но мы обречены на этот сумрак. Что ж, лучше влечить такое существование, чем видеть, как мир захлебывается в крови из-за хаоса.

Его сарказм был почти осязаем.

— Добрыня, а разве решать судьбу целого мира — это моя задача? Почему вы все так верите в меня?

Он придержал коня, его взгляд стал серьезным.

— Вы не понимаете, Аня. Вы — ключ. Но прежде чем говорить об этом, я должен рассказать, почему я связан клятвой с Черномором.

Мы въехали в чашу, где деревья стояли, словно стражи, поросшие седым мхом. Посреди леса встретился пруд, обложенный камнями — подобие древнего капища.

— Я был верным витязем истинного князя этого края, — начал Добрыня, глядя в пустоту. — Когда он пал в битве, мы принесли его сюда, надеясь на магию Черноморья. Но она выбрала не его. Она выбрала Черномора.

— Но он же Владыка... разве не он должен был править?

— Он узурпатор. А князь Владимир перед смертью передал ему меч и корону. С тех пор я искал способ вернуть справедливость. Я собирал верных людей, чтобы сразить его.

— Вы пытались его убить? — я похолодела. Вот почему он так ненавидит Черномора. — И что... получилось?

— Он перебил нас всех. Одного за другим. Его клинок не знает промаха.

— Тогда как же вы... вы же стоите передо мной?

Добрыня с горькой усмешкой расстегнул ворот рубахи. На его груди, прямо под кожей, пульсировал неровный, опаловый кристалл, светящийся изнутри.

— Он вернул нас к жизни. Но не как свободных воинов, а как марионеток. Мы — его рабы. Уже несколько десятков веков.

Я вздрогнула от этой мысли. Пленники вечности.

— И поэтому вы хотите, чтобы я...

— Вы единственная, кто может противостоять его воле. Вы не связаны чарами этого мира. Помогите нам, Аня.

— Вы хотите, чтобы я его предала? — я сжала поводья.

— Но он... он со мной другой. Он смотрит на меня не как на рабыню.

— Он играет с вами! — Добрыня развернул коня, преграждая мне путь. — Кто ещё просил вас подобраться к нему? Кто ещё хочет его падения?

Я замерла, вглядываясь в его серебряные глаза, в которых не было ни капли тепла.

— Никто, — прошептала я. — Только вы. Только вы всё время говорите мне о предательстве.

Мир вокруг вдруг стал казаться мне еще более чужим, а этот лесной сумрак — вязким и душным. Кто из них настоящий демон? Тот, кто держит меня в плену, или тот, кто толкает в объятия врага ради призрачной свободы?

— То существо, что привело меня сюда... — я замолчала, гадая, не совершаю ли я роковую ошибку. По идее, я должна была быть верной союзницей Добрыни и Кота Баюна. Я должна была желать свержения тирана, верно?

Но Черномор... в нём не было той беспримесной злобы, которую приписывают исчадиям ада. Да, он был суров, порой пугающе холоден, но не «злой» в привычном понимании. Однако, как простить ему то, что он сделал с Добрыней

и другими витязями? Эти вопросы терзали меня, как Скверна, похищающая воспоминания.

— Существо из иного мира, — продолжила я, глядя в сторону, — хочет от меня того же, что и вы. Чтобы я нашла способ его остановить.

— Значит, это ваш путь, Аня. Понимаю, вам может казаться низким пользоваться своим обаянием, чтобы...

— Еще раз скажете что-то подобное, — я вскинула голову, — и я клянусь, что этот лес услышит мой крик.

Добрыня осекся, смущенно прикрыв глаза.

— Простите. Я лишь хотел сказать, что цель оправдывает средства.

— Я подумаю, — отрезала я. — Этого достаточно?

— Больше, чем я смел ожидать.

Я пришпорила Нину, и кобылица рванула вперед. Мне нужно было почувствовать ветер в волосах, ощутить свободу галопа, чтобы заглушить шум в голове. Вихрь, почуяв мой азарт, помчался рядом, подпрыгивая в высокой траве. На мгновение я забыла о долге, о Сердце Мироздания, о тенях прошлого. Я просто летела сквозь этот застывший серый мир, будто героиня старинных былин.

Когда мы замедлили бег у самой кромки леса, я была почти готова разрыдаться. От приключения остался лишь привкус горечи.

— Вы великолепны в седле, — раздался голос Добрыни, поравнявшегося со мной. — У вас хватка настоящего воина.

Я на мгновение замолчала, глядя на широкую гриву Нины. Вспомнилось родное небо — не это серое, безжизненное, а настоящее, высокое.

— Родители часто возили меня на аэродром, где рядом была конюшня, — добавила я тише, словно признаваясь в чем-то сокровенном. — Они знали: когда меня накрывали приступы паники или тревога становилась невыносимой, только верховая езда возвращала меня в этот мир. Лошади... они чувствуют ритм твоего сердца. В седле я училась дышать заново, когда казалось, что мир вокруг схлопывается. Так что для меня конь — это не развлечение, а способ не сойти с ума.

Я едва заметно улыбнулась своим воспоминаниям.

— Поэтому, если уж скакать, то нормально. Держаться за луку седла, чувствуя мощь и тепло животного под собой, а не балансировать, рискуя вылететь на первом же повороте.

— Ваша правда. Если останетесь, нам придется заказать вам походный костюм с шароварами.

— Вот это дело, — согласилась я. — Иначе я сотру себе всё до костей.

Добрыня рассмеялся, и в этом смехе было столько мальчишеского озорства, что на миг он перестал казаться мне узником вечности. Мы углубились в чащу. Лес выглядел блеклым: пожухлая листва, приглушенные тона, тишина, в которой не слышно было даже пения птиц. Черноморье умирало, лишённое красок жизни.

— Раньше здесь резвились девы-феи, — с грустью произнес Добрыня. — Здесь жили духи вод, лесные витязи... все они либо исчезли, либо стали пленниками того проклятого Кристалла.

— Но неужели мир действительно был на грани гибели? — спросила я, касаясь рукой коры древнего дуба, похожего на те, что описывал великий поэт в своих сказках.

— Мы воевали, да. Были распри, был хаос. Но мир жил! Он дышал, он сменял времена года. А теперь... теперь это лишь кладбище амбиций Черномора.

Его слова звучали убедительно. Но в глубине души я видела и другого Черномора — того, кто смотрел на меня с такой странной, почти человеческой тоской.

Вдруг тишину разорвал истошный лай Вихря. Совсем не радостный — испуганный, яростный. Я ударила Нину пятками и, перемахнув через поваленный ствол, вылетела на небольшую поляну. Вихрь, вздыбив шерсть, скалил зубы на огромного медведя, вышедшего из чащи. Зверь был настроен решительно.

Не раздумывая, я направила Нину прямо между ними. Кобылица, почувствовав мою волю, встала на дыбы, преграждая путь хищнику. Я вскинула руки, крича, отпугивая дикого зверя. Медведь, не ожидавший такой дерзости, предпочел ретироваться в гущу леса.

Я тяжело выдохнула, похлопывая Нину по шее.

— Молодец, девочка. Получишь двойную порцию угоще-

ния.

Вихрь подбежал ко мне, виляя хвостом и тычась мокрым носом в ладонь.

— Глупый ты, — прошептала я, ероша его шерсть. — Искать приключения на свою голову...

— Вы только что прогнали медведя? — Добрыня подъехал к поляне, глядя на меня с нескрываемым изумлением. — Вы... Вы точно не из тех дев, что прячутся за спинами рыцарей.

— У нас в России медведи тоже не редкость, — усмехнулась я, поправляя сбившуюся юбку. — Главное — показать, кто здесь главный.

Когда мы двинулись обратно, я погрузилась в тяжелые раздумья. Две чаши весов — верность Черномору и призыв Добрыни — колебались. Я видела увядание этого мира, видела печаль рыцарей, закованных в броню своей судьбы. Но я видела и Владыку, который, возможно, искал в этом мире лишь того, что было недоступно ему веками — покоя и... кого-то, кто не боится смотреть ему в глаза.

И всё же, этот путь казался мне всё более зыбким. Либо я предам того, кто доверился мне, либо стану соучастницей медленной гибели Черноморья. Как же трудно быть просто смертной, когда на кону судьба трёх миров.

Владыка Черноморья, Черномор

Я мерил шагами кабинет, едва сдерживая ярость, что кло-

котала во мне, подобно остывающим лавам. Мир Черноморья — это бесконечное ожидание. Я привык застывать в неподвижности, глядя в пустоту часами, но сегодня внутри всё кипело. Стук в дверь пришел как нельзя кстати — любой повод отвлечься был дорог.

— Входи, — бросил я, не оборачиваясь.

В кабинет шагнул Ратмир — мой витязь, закованный в медные латы. Его лицо было бледным, а взгляд — дерзким.

— К чему этот визит, витязь? — я выгнул бровь, не скрывая насмешки.

— Речь о нашей... гостье, — Ратмир не умел ходить вокруг да около.

Я подошел ближе, словно хищник, почуявший добычу. Металлические пальцы моих рук сцепились за спиной. Ратмир решил сыграть в защитника? Что ж, тем интереснее.

— Ваши действия, Владыка, в отношении девицы сбивают с толку, — продолжал он, глядя в окно. — Вы всегда был непреклонны: всякая блуждающая магия должна быть заключена в Сердце Мироздания. Почему она до сих пор не в оковах?

Я подошел к столу, разливая вино в два кубка. Стук хрусталя о дерево прозвучал в тишине как звон меча. — Кто-то управляет ею, Ратмир. Мне нужно выманить кукловода.

— Но, если бы вы заперли её, вы бы лишили врага оружия, — настаивал он.

Я протянул ему кубок, глядя сквозь него.

— И тогда они бы просто выбрали иной путь. Спустя день или тысячу лет, но они бы вернулись. Нет, я хочу знать имя того, кто осмелился нарушить мой покой.

— Значит, она лишь приманка? — в его голосе прозвучало недоверие.

— Я никогда не говорил, что у меня нет и других причин, — я пожал плечами, делая глоток. Вино было терпким, как вкус поражения моих врагов. — Она забавна. Оживляет эту серую скуку, в которую превратилось моё существование.

— Добрыня, кажется, разделяет ваш интерес, — Ратмир прищурился.

Я едва удержал лицо, не позволив тени раздражения исказить черты.

— Да, видимо, так.

— Вы знаете, что он ненавидит вас.

— Он напоминает мне об этом каждый день, — я небрежно отмахнулся.

— И теперь он возит её по полям, покуда она строит козни у вас за спиной.

Я подошел к окну. Вдали, на краю леса, мелькнули два силуэта — всадники возвращались. Она скакала с грацией вольной птицы, и её волосы цвета белого пепла, развевающиеся на ветру, казались единственным живым мазком на холсте этого мира. На фоне бесконечной, безликой серости Черноморья она выделялась так ярко, словно само небо решило пролить на мою суровую землю капельку чистого, нетро-

нутого серебра. Она притягивала взгляд, заставляя даже застывшее сердце Черноморья биться чуть иначе.

— У Добрыни нет силы даровать дар пламени, — я холодно улыбнулся. — Пусть скачет. Его слова — лишь шум ветра в сухой листве. Мне важно, чтобы Аня сама захотела довериться мне. Чтобы она сама принесла мне истину о своем появлении.

— Вам нужно лишь доверие? — в голосе Ратмира проскользнула издевка.

Я резко развернулся, и в моих глазах вспыхнул синий свет — отголосок моей истинной сути.

— Береги язык, витязь. Или я вырву его, чтобы ты не забывал, перед кем стоишь.

Ратмир попятился, опуская взгляд.

— Простите, Владыка. Просто... это не похоже на вас. Вы всегда были безжалостны к угрозам.

— А что, по-твоему, подобает Владыке? — я шагнул к нему, заслоня собой свет. Мой рост, моя мощь — всё это подавляло его. — Может, содрать с неё кожу? Пытать, пока она не взмолится о смерти?

— Я... нет... — пролепетал он.

— Тогда что? — я стиснул его плечо, чувствуя, как медь под пальцами гнется, словно воск. — У тебя есть совет? Говори, о мудрейший!

— Вы... вы проявляете слабость, — выдохнул он.

Я рассмеялся — сухим, безжизненным смехом.

— Слабость? О, Ратмир, ты полон надежд, что я сдамся. Но я не акула в воде, ищущий крови. Я — море, которое поглощает всё. Она пробудила во мне неподдельный интерес. Она — искра тепла в этом вечном ледяном забвении. Она не предатель, как вы все. Она — гостья. И я буду играть в эту игру, пока она не наскучит мне.

Я оттолкнул его, и он рухнул на пол, прижимая поврежденную руку к груди.

— Вон. И никогда больше не смей сомневаться в моих решениях.

Когда он, спотыкаясь, выбежал из кабинета, я снова подошел к окну. Сердце внутри пульсировало мерно, без лишних чувств, но вид Ани, соскочившей с лошади, заставил меня едва заметно улыбнуться.

Она хотела учиться искусству боя. Пусть так. Это будет отличным развлечением — обучать её, глядя, как в её глазах разгорается пламя, которого не знало Черноморье.

Она не заслуживает той же доли, что предатели. Не сейчас. Пока что она будет моей.

Анна

Я чувствовала, как ноют мышцы, когда спешивалась и помогала завести Нину в стойло. Волшебные доспехи, служившие прислугой, уже хлопотали вокруг кобылицы, счищая дорожную пыль, а я, верная слову, достала из широкого рукава припрятанные морковь и яблоко. Обещания нужно выпол-

нять — даже в этом странном, застывшем мире.

Добрыня всё ещё был здесь. Он ждал меня, стоя в тени колонн, и я невольно подумала: мама была бы от него в полном восторге. Высокий, статный, с этой его располагающей улыбкой... Настоящий витязь из сказок, которые мне читали в детстве.

Я протянула вторую морковку, и Нина радостно захрустела.

— Всегда мечтала о своей лошади, — пробормотала я, поглаживая бархатную шею кобылы.

— И у вас никогда не было своей? — Добрыня тихо рассмеялся, и в его голосе послышалось искреннее удивление.

— Нет. Папа был аллергиком, так что довольствовались козами. А вы пробовали когда-нибудь ездить на козе? — я не сдержала смешка.

Он тоже рассмеялся, и этот момент был почти... обычным.

— А ваши родители... они были добрыми людьми?

— Самыми лучшими, — я почувствовала, как к горлу подступил ком. — Я ужасно скучаю. Иногда мне кажется, что я просто уснула на даче под Хабаровском, и мне всё это снится. Но я стараюсь держаться. Я не ребенок.

— Я никогда не считал вас ребенком, — мягко сказал он. Он шагнул ко мне и заключил в объятия — по-братски, утешающе. Я на мгновение замерла, но потом расслабилась, положив голову ему на плечо. В его словах было столько пони-

мания, что сердце дрогнуло.

— Спасибо, — я тихо отстранилась. Стало чуточку легче.

— Пойдемте, поведаем другим о вашей отваге, — сияя серебром глаз, предложил Добрыня.

— Да ладно, какая там отвага, — отмахнулась я, направляясь к замку. — Медведь был просто напуган, не более того.

Вихрь, до этого бегавший вокруг, теперь шел впереди, гордо задрав хвост — будто он в одиночку прогнал всё лесное войско.

— Этот пёс души в вас не чает, — вполголоса заметил Добрыня. — И, смею заметить, не он один в этих стенах обратил на вас внимание.

— Ой, вы неисправимы, — поддразнила я его, не желая продолжать двусмысленный разговор.

— О, вы вернулись? — низкий, бархатный голос заставил меня вздрогнуть.

Черномор стоял у подножия лестницы. Вихрь тут же подлетел к нему, и Владыка, к моему изумлению, потрепал его по холке своей закованной в латы рукой.

— Я уж думал, ты решила остаться в лесу до заката и пропустить наш урок.

Добрыня низко поклонился: — Я вернул её в целости и сохранности, мой Владыка.

Я вдруг осознала, что не имею ни малейшего понятия, как принято приветствовать правителя в таких местах. Реверанс? Поклон? В итоге я просто виновато улыбнулась. —

Благодарю за прогулку, Добрыня.

Витязь коротко усмехнулся и, бросив на Черномора выразительный взгляд, удалился. Мы остались вдвоем.

— Ты хочешь отдохнуть перед началом? — Владыка подошел ближе. Его рост всегда сбивал меня с толку; я невольно запрокинула голову, встречаясь с его ледяным взглядом.

— Я надеялась на баню, если честно.

— Успеешь. Сначала тренировка, — его лицо было бесстрастным, как маска, но в глазах мелькнула тень, которую я не смогла прочесть.

Он развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. Я поплелась следом, а Вихрь, почуяв неладное, прижался к моей ноге.

— У тебя всё в порядке? — рискнула спросить я.

— Твоя забота мне ни к чему, — сухо ответил он. — Ты моя гостья, а я — твой... наставник. Моё состояние — последнее, что должно тебя волновать.

— Вообще-то, от твоего настроения напрямую зависит, буду я сегодня хромать или нет, — я попыталась превратить это в шутку, но голос дрогнул. — Думаю, это вполне в моих интересах.

— Довод логичен, — он даже не посмотрел на меня. — Но я не в духе для шуток, Аня.

Мы вышли на знакомый внутренний двор. Серые камни, холодное небо... я чувствовала себя словно в ловушке. Но когда он указал на место, где мы должны были начать, я по-

няля: выбора нет.

— Если хочешь... можем перенести? — я хотела быть великодушной, но, кажется, это было ошибкой.

— Нет, — отрезал он. — В дисциплине — наша сила.

Я сделала глубокий вдох, стараясь успокоить бешено колотившееся сердце. Зачем я пытаюсь заигрывать с тем, кто держит меня в плену? Это безумие. Я ведь должна думать, как отсюда сбежать, а не ловить каждое его слово.

Я нервно усмехнулась.

— Что тебя рассмешило? — он прищурился.

— Ничего. Просто... мысли вслух, — пробормотала я, стараясь скрыть улыбку.

Глупая. Я ведь знала, что всё закончится синяками, но всё равно... почему-то мне не хотелось, чтобы этот день заканчивался именно так.

— Выбирай клинок, начнем, — произнес он. Его доспехи, словно ожившее темное пламя, обволокли фигуру, принимая форму, столь же пугающую, сколь и совершенную. Рядом из пустоты соткался меч, чье лезвие переливалось холодным лунным светом.

— А как же ожерелье? — спросила я, с опаской глядя на оружие.

— Сегодня — только упражнения. Пока ты не обуздаешь свою суть, сила твоя подобна неуправляемой стихии.

Предчувствие было паршивым. Это обещало быть не

столько тренировкой, сколько изощренной пыткой. Я перехватила тренировочный меч, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— Начали, — коротко бросил Владыка.

Ожидания оправдались с лихвой. Это было больно, грубо и совершенно безнадежно. Владыка Черномор не делал мне скидок. Каждый удар его клинка отдавался в моих руках такой вибрацией, будто я пыталась остановить саму судьбу.

— Ой! — я отступила, потирая онемевшее запястье. — Нельзя же так, я ведь только учусь!

— В бою враг не станет ждать, пока ты оправишься, — он снова атаковал. Я едва успела нырнуть под его выпад, чувствуя, как шелестит воздух над моей головой.

— Или это подготовка к тому моменту, когда ты решишь вонзить мне нож в спину?

Вот оно что. Так вот почему он сегодня такой... невыносимый.

— Черномор, стой! — я увернулась от очередного замаха, едва не потеряв равновесие. — Давай поговорим?

— На поле боя болтовня ведет лишь к одному — к смерти, — его голос был холоден, как лед Байкала. Он сделал резкий шаг вперед, подставив плечо, и сбил меня с ног. Я рухнула на утрамбованную землю, а секунду спустя острие его меча замерло в пяти сантиметрах от моего горла.

— Ты скакала с Добрыней, не так ли? — он чуть склонил голову, его глаза цвета синего моря пылали гневом. — Он

наверняка успел изложить свою версию «предательства» и того, почему он теперь — мой верный пес на поводке.

— Он лишь рассказал свою правду! — я с трудом поднялась на ноги, отряхивая юбку.

— У правды нет версий. Витязи предали меня, желая заполучить корону, которую Дивье Царство даровало мне. Я покарал их. Я счел их братьями, а они ответили черной неблагодарностью. Разве Добрыня не поведал тебе об этом?

— Поведал, — я снова уклонилась, но он ловко подтолкнул меня, заставляя споткнуться. — Я думала, у тебя есть иное объяснение... более милосердное.

— Милосердие — это роскошь для тех, кто не держит на плечах небо, — он нанес ещё один удар, мощный и быстрый. — Как скоро ты сама вонзишь мне нож в спину, девочка? Ты сговорила с теми, кто тебя призвал, теперь — с моим заклятым врагом.

— Я ни с кем не сговаривалась! — я уже едва дышала, мечась по двору, как пойманная птица. Он был огромен, яро-стен и неумолим. — Хватит! Я не твоя кукла для битья!

Он не слушал. Его атаки стали только тяжелее. Я видела, как сверкнул в воздухе меч, готовый опустить на меня всю мощь своей силы. Это было чересчур.

— Довольно! — я отшвырнула тренировочный меч. Тот с лязгом ударился о стену.

Я подошла к нему вплотную. Он был без шлема, и я видела каждую черточку его лица — лица существа, которое

забыло, что значит быть живым. Не раздумывая, я занесла руку и влепила ему звонкую пощечину.

Звук удара, казалось, застыл в морозном воздухе Черноморья. Его голова дернулась, но он не шелохнулся. Я затаила дыхание, ожидая, что сейчас он испепелит меня одним взглядом, но он лишь медленно повернул голову обратно. В его синих глазах не было ярости — только пустота, в которой вдруг, на миг, промелькнуло изумление.

— Две вещи, — сказала я, чувствуя, как дрожат пальцы. — Первое: не вымещай на мне свои обиды на других. И второе — никогда, слышишь, никогда не называй меня «девочкой».

Я развернулась и зашагала прочь, чувствуя на спине его тяжелый, немигающий взгляд.

— Вихрь, пошли, — бросила я псу, который приподнял голову от земли. — Пора перекусить.

Мне отчаянно требовалось что-то крепче простого чая и, хотя бы капля тишины, чтобы переварить всё, что я только что натворила.

Владыка Черноморья, Черномор

Я стоял посреди тренировочного двора, окруженный безмолвием каменных стен, и... впервые за долгие века не знал, что делать. Мои руки, привыкшие сокрушать крепости и повелевать самой сутью Скверны, застыли в нерешительности.

Она ударила меня. Оскорбила, отчитала, как нашкодив-

шего отрока, посмела поднять руку на Владыку Черноморья. По всем законам моего естества, я должен был вспыхнуть праведным гневом. Я должен был превратить её в горстку праха или, по меньшей мере, заставить склониться в мольбе о прощении, как поступал с любым другим, кто осмеливался перечить моей воле. Если бы это была любая другая душа, я бы не моргнул и глазом, лишая её дыхания.

Но яд ярости, который должен был отравить мою кровь, так и не подействовал.

Вместо него по моим венам разливалось нечто иное — странное, почти пугающее тепло, от которого внутри всё переворачивалось. Я сжимал и разжимал кулаки, пытаюсь осознать, что за безумие овладело моим сознанием.

Это было желание. Ошеломляющее, неистовое желание, какого я не ведал за все свои долгие годы бессмертия. Она была такой хрупкой, такой далекой от мира, где холодное небо касается моря на Крайнем Пределе, и всё же в ней было столько огня, что даже моё застывшее сердце, скованное Сердцем Мироздания, дрогнуло, словно лёд под первыми лучами вешнего солнца.

Я был суров, я был непоколебим, но... она была права. Каждое её слово — справедливое, острое, как игла — пронзило мою защиту. Я вёл себя недостойно, перенося свою горечь на ту, кто меньше всего заслуживала моих оков.

Я знал, что должен сделать. И от этой мысли меня бросило в дрожь, ведь для меня признание своей неправоты было

сродни падению с небес. Но я должен был принести извинения.

Это было унижительно. Это было невыносимо. И это было именно то, чего я жаждал больше всего на свете.

Анна

— Бедная девочка! Присаживайся, скорее, ну что же этот грубиян с тобой сделал? — Елена, чьи руки были такими же прочными и холодными, как и её броня, тут же засуетилась вокруг меня.

Я, прихрамывая, вошла на кухню. Падение на утрамбованную землю в пылу тренировки отозвалось острой болью в бедре, а общая усталость давила на плечи, словно тяжелая шуба.

— Просто тренировка, Елена. Всё хорошо.

Она не слушала, уже доставая припасы. Я не любила, когда вокруг меня бегают, но знала: забота для Елены — единственный способ почувствовать себя живой в этом застывшем мире. Вихрь, почуяв еду, тут же занял наблюдательный пост у её ног, восторженно стуча хвостом.

— Баловень ты эдакий, — Елена потрепала пса за ухом и протянула ему кусочек сыра. — Ну, Аня, садись. Сейчас я тебя накормлю, а заодно поднесу рюмочку настойки, чтобы хвори ушли в небытие.

Я с благодарным стоном опустилась на табурет.

— Да уж, тренировка вышла... суровой.

— Видно, он сражается с тобой так же, как и с другими витезьями, — Елена нахмурилась, разливая янтарную жидкость в старинный бокал. — И невдомёк ему, что ты в четыре раза меньше его и в десять — хрупче.

— У меня на родине клинки в руки вообще не берут, — усмехнулась я, принимая бокал. Напиток согрел горло, разливаясь приятным теплом. — Но он прав: если уж я здесь, то должна уметь защищаться. Просто... это больно.

— Он всё так же не спит по ночам? — вдруг спросила Елена, помешивая варево в котле.

— Кажется, упоминал об этом.

— А как же. Совесть у него потяжелее железных доспехов, только он никогда в этом не признается, — она вздохнула. — Вечный пленник своего же выбора.

Я смотрела в тарелку, чувствуя, как внутри растёт странная тоска. Елена была права: никто здесь не был полностью прав или виноват. Это всегда было переплетение света и тени, как узоры на старинных стенах Черноморья.

Внезапно дверь скрипнула, и в кухню вошёл стражник в тяжелой кирасе.

— Барышня Аня? Владыка требует вашего присутствия.

Сердце пропустило удар. Я ведь только что ударила его... Неужели это расплата?

— Елена, пригляди за Вихрем, хорошо? — попросила я, пытаюсь унять дрожь в коленях.

— Ступай, дитя. Береги себя.

Я шла за стражником, чувствуя, как в груди разрастается тревога. Мы спускались всё ниже, пока воздух не стал влажным и горячим. В конце коридора страж открыл передо мной тяжелую металлическую дверь, и я замерла на пороге.

Это было не подземелье и не пыточная. Передо мной раскинулся настоящий термальный бассейн. Пар, поднимающийся над зеркальной гладью бирюзовой воды, создавал причудливые узоры, а по краям высились причудливые колонны, увитые барельефами: драконы, львы и диковинные звери охотились друг за другом в бесконечном круге. Стены украшали полустертые фрески с легендами Черноморья, а чаши, в которых горел живой огонь, наполняли помещение мягким, чарующим светом.

— Это... для меня? — прошептала я.

— Да, барышня. Я буду снаружи, если понадобится.

Стражник ушел, оставив меня в тишине. Гнев на Владыку всё ещё тлел во мне, но стоило мне снять платье и опустить ноги в обжигающе горячую воду, как всё напряжение дня начало таять. Я погрузилась в воду по плечи, наслаждаясь тишиной.

Я мыла голову, когда дверь тихо открылась. Я вздрогнула, поспешно скрываясь под густым паром. На пороге стоял Черномор. Его взгляд был нечитаемым.

— Не возражаешь, если я присоединюсь? — спросил он, и прежде, чем я успела произнести хоть слово, он скинул свою верхнюю одежду.

Я застыла, не в силах оторвать взгляд. В этот миг в голове не осталось ни страха, ни гнева, ни мыслей о предательстве. Только одно осознание, от которого перехватило дыхание:

«О, Аня, кажется, ты влипла в историю, из которой не будет возврата».

Глава 7

Владыка Черноморья, Черномор

Я вошел в купальню, ожидая увидеть Аню, забившейся в самый дальний угол, охваченную смятением и страхом. Но она была здесь — в горячих источниках, скрытая облаками пара лишь до подбородка. Её незащищённость, смешанная с тем вызовом, что она бросила мне на тренировочном дворе, заставляла моё сердце — холодный, застывший механизм — биться в ином ритме.

Я не знал, как она воспримет моё присутствие. Но я знал одно: она была моей тайной, моим личным лучиком света в этом бесконечном ледяном забвении.

— Почему ты здесь? — её голос, тихий и дрожащий, разрезал влажный воздух.

— По той же причине, что и ты, — я позволил себе легкую усмешку. — И напомним: я уже видел тебя, когда ты ступила на мою землю. Не стоит притворяться, будто между нами есть тайны.

Она сникла, опустив голову. В этот момент я понял: пора отбросить маски. Я прикрыл глаза, глубоко вздохнул, собирая воедино то, что осталось от моего достоинства.

— Прости меня за моё поведение, — произнес я, глядя прямо на неё. — Я столетиями не знал, что значит общаться с кем-то, кто не подчиняется моим законам. Моя ярость...

она не должна была коснуться тебя.

Аня долго молчала, а затем едва заметно кивнула.

— Просто... постарайся больше так не делать. Это нечестно по отношению ко мне.

— Если ты хочешь равенства, ты его получишь, — я медленно обходил бассейн. Наблюдая, как расширяются её глаза, я чувствовал странное удовлетворение.

Я вошел в воду, сохраняя дистанцию. Здесь, в термальных водах, окутанных магией наших предков, я наконец почувствовал, как расслабляются мышцы, скованные веками напряжения.

— Ты не сердишься за тот удар? — спросила она, когда я устроился на каменном выступе.

— Гнев — удел слабых, Аня. Я же искал в тебе лишь способ сбросить бремя собственных ошибок. Витязи, стража, вечные заговоры... я выместил на тебе то, что не мог высказать другим.

Она осторожно взглянула на меня, и в её взгляде читалось детское любопытство, смешанное с острой болью этого мира.

— Почему ты просто не отпустишь их? Тех, кто предал тебя?

— И остаться в абсолютном одиночестве? — я горько усмехнулся. — Предатели — это единственные, кто напоминает мне, что я ещё жив. К тому же, в искусстве боя им нет равных.

— Но жить в постоянном страхе, что тебе вонзят нож в

спину... разве это жизнь? — она окунулась в воду, откидывая мокрые волосы. Это зрелище, столь естественное и чистое, было для меня опаснее любого меча.

— Это судьба, — отрезал я. — Но, быть может, не единственная.

Мы говорили долго — о её жизни в мире, где люди строят стальные крылья, и о моих скульптурах, в которые я вдыхал жизнь, пытаясь заполнить пустоту Черноморья. Она была удивительна. В её словах не было лести — только честная, почти болезненная искренность, которая обезоруживала меня сильнее, чем вся магия Черноморья.

Когда я приблизился к ней, чтобы не кричать через всю купальню, она не отпрянула. Я замер, глядя на неё, словно на редкий цветок, распустившийся посреди вечной зимы.

— Ты думаешь, я чудовище? — спросил я, осторожно коснувшись пальцем её щеки.

— Я думаю, ты глубоко несчастен, — ответила она, и эта правда, такая простая и беспощадная, ударила меня сильнее, чем любая сталь.

Я не стал целовать её. Я не хотел пугать ту, что начинала верить в меня. Я лишь коснулся губами её щеки, ощущая жар, исходящий от её кожи. Это был не порыв страсти, а обещание — беречь её, даже если весь мир Черноморья восстанет против этого.

— Отдыхай, Аня, — тихо сказал я, поднимаясь из воды. — Завтра мы начнем с чистого листа.

Я ушел, чувствуя на спине её долгий, задумчивый взгляд. Я обещал ей свободу, если она присягнет мне на верность. Но в глубине души я понимал: я не хочу её рабства. Я хочу, чтобы она сама выбрала остаться.

История всегда повторяется — так твердили века. Я был готов бросить вызов самой судьбе. И если для этого нужно было стать для неё чем-то большим, чем просто Владыкой — я был к этому готов.

Анна

Я вошла в парадный зал, чувствуя себя странно: на мне было платье глубокого, почти винного оттенка — как лепестки мака, что расцветают лишь перед закатом. Мои пепельные волосы, заплетенные в сложную косу, казались почти серебряными в неверном свете факелов. Внутри меня бушевал ураган: страх перед будущим, тоска по дому, где навсегда осталась моя дача под Хабаровском, и это невыносимое, пугающее притяжение к человеку, чьи руки были созданы для разрушения, а не для ласки.

— А вот и наша лесная охотница, — раздался голос Добрыни. Он сиял, как всегда, излучая ту самую «рыцарскую» правильность, которая в моем мире казалась такой надежной, а здесь — пугающе чужой.

Я села за стол, чувствуя на себе взгляд Владыки Черномора. Он сидел во главе стола, подперев виском закованную в металл ладонь, и его лазурные глаза буравили меня насквозь.

— Охотница? — я едва заметно усмехнулась. — Скорее, просто спугнула косолапого. Медведь был мал, глуп и, честно говоря, больше боялся меня, чем я его.

— Ты дрожала при встрече со мной, смертная, но не дрогнула перед зверем? — голос Черномора прозвучал тихо, но в нем слышался рокот надвигающейся бури.

— Драконы-змеи, на которых вы летаете, куда страшнее любого зверя, Владыка, — ответила я, глядя прямо в его бездонные, холодные глаза.

Мы пили медовуху. Она согревала, но не унимала дрожь. Вечер тянулся бесконечно. Добрыня и Черномор то и дело обменивались колкостями, и в какой-то момент мне показалось, что я — лишь разменная монета в их великой игре, которую никто из них не хочет проигрывать.

— Ты сегодня прекрасна, Аня, — тихо сказал Черномор, когда пир начал стихать. — Это платье... оно идет тебе.

— Спасибо, — я отвела взгляд, чувствуя, как краснеют щеки. — Хотя я и не понимаю, зачем Владыке Черноморья выбирать наряды для своей пленницы.

— Чтобы ты не забывала, чьим светом ты озаряешь эти залы, — ответил он с той самой пугающей прямоотой, от которой сердце пускалось вскачь.

Когда я встала, чтобы уйти, мир слегка качнулся — хмель взял своё. Черномор тут же оказался рядом. Его рука, закованная в холодную сталь, легла на мой локоть.

— Позволь, я провожу тебя. В Черноморье стены имеют

привычку меняться местами, особенно для тех, чья голова полна вин и сомнений.

Я не стала спорить. Мы шли по бесконечным коридорам, и я сбивчиво, сама, не зная зачем, рассказывала ему о мире, где люди летают к Луне и строят замки из стекла и стали. Он слушал, не перебивая, лишь изредка его пальцы сжимали мою руку чуть крепче, чем требовалось.

— Ты называешь меня «горячим», — произнес он, оставившись перед дверью моих покоев. — В твоих устах это звучит как оскорбление?

Я рассмеялась — искренне, с горчинкой, чувствуя, как алкоголь развязывает язык.

— Нет, Владыка. Это — моё восхищение. Ты — как гроза, запертая в доспех. Разрушительная, пугающая, но... невыносимо прекрасная.

Его лицо на мгновение дрогнуло, словно на ледяной глади озера пролегла трещина. Он вдруг подхватил меня, закинув на плечо, и я вскрикнула, ударив кулаками по его нагруднику, который казался твёрже самой вечности.

— Пусти! Ты ведешь себя как разбойник!

— Я и есть «плохой герой» этой сказки, Аня, — отозвался он, внося меня в комнату.

Он опустил меня на постель, и на секунду я оказалась в ловушке его тени. Кончик его острого, холодного когтя коснулся моего носа, заставляя замереть. В этом жесте было столько власти и... невыразимого, почти болезненного обо-

жания, что мне не хватило дыхания.

— Ты должна спать, — сказал он, и голос его стал мягче, словно шелест осенней листвы. — И не смей думать о побеге. Мои стены — твоя защита, даже если ты сама этого не признаешь.

— А если я скажу, что не хочу, чтобы ты уходил? — прошептала я, сама, испугавшись своих слов.

Он замер. Его губы, холодные, как зимний рассвет, коснулись моей щеки, а затем — на краткий, мучительный миг — моих губ. Это был поцелуй, который не обещал спасения, но дарил надежду на то, что даже у такого, как он, внутри может биться сердце.

— Спи, Аня, — прошептал он, отстраняясь. — Эта ночь принадлежит тебе. А завтра... завтра судьба снова поставит нас по разные стороны черты.

Он ушел, и за дверью щелкнул замок. Я лежала в темноте, слушая, как гулко отдаются его шаги в пустых коридорах цитадели. Я знала, что должна была разрушить Сердце Мироздания, что должна была предать его, чтобы вернуться в свой мир. Но, глядя на пустую дверь, я понимала: моё сердце уже давно не со мной. Оно осталось здесь, в оковах того, кто считал себя лишённым чувств, но умел целовать так, будто это было единственным смыслом его вечной жизни.

Меня разбудил укус — резкий, требовательный, прямо в нос. Я вскрикнула, отдергивая руку, и увидела Баюна. Кот

сидел на подушке, сверкая глазами, и его вид выражал такое вселенское недовольство, что я невольно съежилась.

— Ты совсем страх потерял? — прошептала я, потирая нос. К счастью, следов не осталось. — Чего тебе нужно среди ночи?

— Напомнить, зачем ты здесь, — прошипел он, дергая хвостом. — Ты не на курорте, девица. Ты призвана разрушить то, что держит этот мир в тисках, а не напиваться с врагами и заигрывать с демонами.

— Я держала ситуацию под контролем! — огрызнулась я. — И вообще, ты сам просил меня войти к нему в доверие. Я лишь выполняю твой наказ.

Баюн издал звук, похожий на ворчание старого колодца.

— Смешно и жалко на тебя смотреть, Аня. Ты путаешь игру с реальностью.

Я отвернулась, закутавшись в одеяло. Мне было холодно, несмотря на теплую постель, и на душе скребли кошки — в прямом и переносном смысле.

— Он поцеловал меня, Баюн. Разве это не признак того, что мой план работает?

— Это признак его отчаяния, а не твоей силы, — отрезал кот. Он подошел ближе, вонзив когти в одеяло. — Слушай правду, если хочешь знать. Владыка Черномор не просто «хранит порядок». Он питается самой сутью душ, заточенных в Сердце Мироздания. Каждый его «доспех», каждый верный слуга — это частица живого существа, превра-

ценная в металл, чтобы служить его извращенным амбициям. Он разрушает этот мир, фрагмент за фрагментом, ради своего величия!

Я села в кровати, чувствуя, как внутри всё обрывается.

— Он... он ворует души?

— Он крадет саму жизнь, — Баюн был холоден и беспощаден. — А я — лишь тень того, кем был когда-то. Если ты не уничтожишь Сердце, рано или поздно Черноморье поглотит всё. И ты станешь лишь очередной статуей в его коллекции.

Он исчез, растворившись в клубах черного дыма, оставив меня в пустой комнате с леденящей душу тишиной. Я не могла оставаться в четырех стенах. Одевшись, я вышла в коридор — стражники-доспехи молча пропустили меня. Я шла босиком по холодному камню, и этот холод, странным образом, возвращал мне ясность мыслей.

Я вышла на балкон, где небо касалось моря. Там уже кто-то был. Добрыня стоял у перил, глядя на темные воды Пограничных земель.

— Не спится? — тихо спросил он, обернувшись.

— Тяжелые мысли, — ответила я, подходя ближе.

— Я понимаю, — он улыбнулся, и эта улыбка была такой человеческой, такой... знакомой. — Я знаю, что ты должна чувствовать. Ты — единственная надежда этого мира, Аня. Но помни: даже самый красивый цветок может скрывать в себе яд.

— Он не такой, как ты говоришь, — выпалила я, хотя сама не была уверена в своих словах. — Он... он одинок.

Добрыня вздохнул, и я увидела на его лице тень глубокой печали.

— Тираны всегда одиноки, Аня. Это их цена за право властвовать. Я дам тебе совет: если ты найдешь способ уничтожить Сердце Мироздания, я лично обеспечу тебе коридор к свободе. Но ты должна быть готова к тому, что Черномор не отпустит тебя просто так.

— Я попробую, — прошептала я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — Но я не хочу, чтобы кто-то ещё страдал.

— В этой игре жертвы неизбежны, — Добрыня тепло сжал мою ладонь. — Ты — искра, Аня. Искре нужно лишь дождаться момента, чтобы стать пламенем, способным сжечь железные оковы Черномора.

Я вернулась в свои покои, когда небо начало светлеть. В моей голове был план, но сердце... сердце кричало об обратном. Я была пешкой, зажатой между двумя титанами, и каждый мой шаг приближал меня либо к дому, либо к вечному забвению в холодном металле Черноморья.

«Разрушить Сердце Мироздания? Предать его?»

Смотря на рассвет, я впервые поняла: сказка закончится не так, как пишут в книгах. И мне предстояло выбрать, чью сторону принять, прежде чем судьба сделает этот выбор за меня.

— Мы полетим на *этом*? — я задрала голову, глядя на исполинского змея, примостившегося у ворот замка.

Дракон-змей, похожий на оживший кошмар, лениво моргнул белесыми глазами и издал утробный, скрежещущий звук. Словно перемалывали камни в жерновах.

— Это... я ценю величие, честное слово, — я нервно усмехнулась, отступая на шаг. — Но, может, лошади? У нас на даче под Хабаровском соседский конь был, спокойный такой...

— До города скакать полдня, и столько же обратно, — Владыка Черномор насмешливо прищурился. — А на нём — меньше часа. Неужто ты так боишься, Аня?

— Я боюсь высоты, Владыка! И того, что этот... «монстр» решит закусить мной на лету!

Он лишь усмехнулся — той самой полуулыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивалось. Его рука в перчатке с острыми, как кинжалы, когтями легла мне на плечо.

— Иди, Искорка. Я не дам тебе упасть.

— А имя у него есть? — я не спускала глаз с чудовища.

— Нет.

— Это просто преступление! — я сложила руки на груди. — Ему нужно имя.

— Тогда назови сама. Только не вздумай выбрать что-то нелепое.

Я присмотрелась к «чешуе», напоминавшей листы кора-

бельной обшивки.

— Крошка. Назову его Крошка.

Черномор закатил глаза, но всё же посадил меня в седло.

Когда он сел позади и притянул меня к себе, обхватив рукой, мир вокруг перестал существовать. Его доспехи были холодными, но дыхание, опалявшее мою шею, — пугающе горячим.

— Не бойся, — шепнул он. — Душа человеческая стоит ровно столько, сколько страхов она сумела перебороть.

Дракон-змея рванул в небо, и я закричала, вцепившись в Владыку так, словно он был моим единственным якорем в этом безумии. Воздух засвистел в ушах, мир внизу превратился в лоскутное одеяло. Паника подкатила к горлу, ледяными пальцами сдавливая сердце.

И тогда он поцеловал меня.

Это был не мягкий жест, а властный, требовательный приказ сознанию — вернуться. Его губы, жесткие и едва заметно колючие от щетины, привели меня в чувство быстрее любой магии. Когда я пришла в себя, он уже отстранился, изучая меня своими синими глазами.

— Добро пожаловать назад, Искорка.

Мы летели над Черноморьем. Сверху оно казалось до жути знакомым — будто декорации к сказкам, которые я читала в детстве, но вывернутые наизнанку. Водопады, стекающие по черным скалам, леса, затянутые предзимней хмарью... всё было здесь, как в пушкинских строках: и «брег

песчаный и пустой», и «витязи чередой из вод выходящие ясные», только здесь витязи были не из сказки, а из стали.

Когда мы приземлились в городе, жители в ужасе разбежались, закрывая ставни.

— Ты не лгал, — тихо сказала я, спрыгивая с дракона. — Тебя здесь боятся сильнее, чем смерти.

— Если нельзя добиться уважения, я возьму страхом, — холодно ответил он, накидывая капюшон.

— А потом удивляешься, почему тебя никто не любит, — пробормотала я.

В городе было мертвенно тихо. Здания кривились, словно строили их пьяные мастера, и ни в одном окне не теплился уютный огонек.

— Добрыня рассказывал, как ты создаешь свою армию. Как ты... используешь Сердце Мироздания.

Черномор остановился, и под его капюшоном блеснули глаза.

— Это утечка магии. Магия — как хаос, она постоянно трескается, стремясь уничтожить всё вокруг. Я лишь собираю осколки, чтобы они не разорвали мир на части. Эти «воины» не страдают, Аня. Они обрели покой в служении.

— Они не обрели покой! — я чувствовала, как во мне закипает огонь. — Ты просто крадешь у них право быть собой. У Елены, у стражников, даже у этой бедной твари, на которой мы летели! Ты строишь замок из чужих судеб, Владыка. И даже если ты считаешь себя героем, в глазах тех, кого

ты «спасаешь», ты — лишь черный чародей, похитивший их жизнь.

Он молчал, глядя на меня. В этот момент он казался мне не всемогущим демоном, а бесконечно усталым человеком, запертым в железной клетке собственных решений.

— Решай сама, — глухо сказал он. — Злодей я или спаситель. Только помни: в этом мире правда — самая хрупкая вещь. И иногда её приходится заковывать в железо, чтобы она не рассыпалась в прах.

Я смотрела, как он идет впереди, его черный плащ волочится по пыльной мостовой, как хвост тени. И внутри меня боролись жалость и ярость. Я знала: эта сказка не закончится пиром. Она закончится либо разрушением, либо забвением, где мы оба станем лишь строчками в книге, которую никто никогда не прочтет.

В лавке антиквара пахло сыростью, старой бумагой и чем-то неуловимо домашним — так пахло в дальнем углу нашей дачи под Хабаровском, где дед хранил всякий «полезный» хлам. Черномор остался у входа, скрестив руки на груди, и сам его вид действовал на торговца как ведро ледяной воды. Старик за прилавком, весь в пыли и морщинах, глядел на нас с таким выражением, будто мы пришли не за покупками, а за его душой.

Я отошла вглубь лавки, радуясь хоть минуте тишины. Но стоило мне задержаться у стеллажа с горой старых ящи-

ков, как тишину нарушил сухой шепот: — Эй, девица! Сюда глянь!

Я обернулась. Никого.

— Да выше, выше, бестолковая!

На полке, среди пыльных фолиантов, лежала тыква — металлическая, чеканная, с вырезанной на ней зубастой ухмылкой. И сейчас в её провалах вместо глаз теплились два янтарных огонька. Она моргнула. По-настоящему.

— Сними меня отсюда, — прошипела тыква. — Мое тело в другом ряду, а этот старый пенёк за прилавком живо заметит, если я сама поползу. Ты ведь из «наших», верно? Элементаль? Значит, хочешь, чтобы магия снова стала свободной. Меня Кузьма зовут.

Я опешила, но, поддавшись импульсу, сняла диковинную голову с полки.

— Кузьма? Ты кто такой? Какая еще свобода?

— Революция, Аня! — огоньки в глазах тыквы вспыхнули ярче. — Время сбросить иго Владыки Черномора. Он питается нами, он превращает живое в бездушных марионеток. А ты — наш шанс. Если ты здесь, значит, он отвлекся. Помоги мне, и мы перевернем этот мир!

Я нашла его «тело» в углу — неуклюжую конструкцию из палок, сена и кусков старого стола, которая больше напоминала пугало, сбежавшее с пиратского корабля. Мысли путались. Я ведь только вчера хотела разрушить Сердце Мироздания, а теперь стою с ожившей тыквой под мышкой и по-

могая собирать «революционера».

— Ты совсем с ума сошла, Аня, — прошептала я сама себе.

— Аня! Ты там жива? — раздался голос Черномора от входа. Звучал он нетерпеливо.

— Да-да, сейчас! Просто... споткнулась о старую мебель, — крикнула я, торопливо прилаживая голову Кузьме.

Вышло криво — шея-черенок оказалась вставлена задом наперед, но пугало, похоже, это ничуть не смутило. Оно неуклюже замахало руками-ветками, пытаясь обрести равновесие.

— Слушай, Кузьма, это безумие, — прошептала я, подталкивая его к задней двери. — У тебя армия из соломы против... против *него*. Это не план, это самоубийство.

— Зато какое веселое! — прокрипел он, хлопая меня по плечу набитой сеном перчаткой. — Мы будем ждать, Аня. И помни: искра уже вспыхнула.

Когда я вышла из лавки, сердце колотилось в горле. Черномор стоял, постукивая когтями по наручу — этот звук был похож на скрежет точила.

— Нашла что-то интересное? — спросил он, прищурившись.

— Так, ерунду всякую, — я постаралась придать лицу максимально невинный вид, хотя чувствовала, как горит кожа.

Мы шли по улочкам, и город казался мне теперь совсем

другим. Раньше я видела только мрачную архитектуру и страх жителей, а теперь... теперь я видела подполье. Скрытую жизнь.

— Почему ты это делаешь? — спросила я, глядя на его мощную фигуру, на этот черный плащ, за которым всегда тянулся шлейф холода. — Почему ты помогаешь этим людям, если знаешь, как сильно они тебя ненавидят? Почему не бросишь всё это, не уйдешь?

Он молчал долго, глядя куда-то вдаль, за шпили кривых домов. Его лицо, скрытое капюшоном, казалось застывшей маской из сказки, где нет места ни любви, ни прощению.

— У каждого своя роль, Аня, — наконец ответил он. — Иногда герой и злодей — это один и тот же человек, который просто не смог вовремя остановиться.

Я смотрела на него и понимала: Добрыня ждет от меня предательства, Баюн — разрушения, а эта безумная тыква — восстания. И только Черномор... он просто ждал, что я останусь рядом, даже когда узнаю правду.

Я была девчонкой из провинции, которая хотела просто вернуться домой. А вместо этого оказалась в эпицентре сказки, где каждый — и я в том числе — лжет другому ради «великой цели». И эта роль спасительницы, которую мне навязывали все вокруг, начинала давить на плечи тяжелее, чем любые доспехи.

Мы летели над Черноморьем. Ветер свистел в ушах, вы-

рывающая из груди дыхание, но, прижавшись к спине Владыки, я уже не чувствовала того первобытного страха. Внизу расстился мир, который когда-то, должно быть, был прекрасен: водопады, низвергающиеся в пучину моря, горные пики, уходящие в рваные облака, и лесные чащи, скрывающие в себе остатки былого величия. Но всё здесь казалось присыпанным пеплом, лишенным красок, словно время решило замереть в бесконечной, тоскливой осени.

— Куда мы держим путь? — крикнула я, перекрывая гул крыльев нашего дракона-змея, которого я про себя всё так же называла Крошкой.

— Я хочу показать тебе то, что скрыто от глаз простых смертных, — отозвался Черномор. Его голос, низкий и рокочущий, казался частью самого неба.

Мы снизились у подножия исполинской горы, в самом сердце которой, точно в расщелине, застыл руинами древний замок. Он выглядел так, будто кто-то сбросил его с небес в порыве гнева. Мы приземлились с тяжелым гулом, от которого содрогнулась земля.

Замок был мертв. Сквозняки гуляли в пустых глазницах окон, а остатки некогда роскошных гобеленов напоминали саваны на плечах призраков. Мы шли по гулким коридорам, и каждый мой шаг отдавался эхом, словно наслышанный дом вспоминал шаги своих былых хозяев.

В центральной зале, под сводами, которые помнили величие, стоял круглый стол — точь-в-точь такой же, как в поко-

ях Черномора, но здесь он казался алтарем, заброшенным и забытым. Вокруг него замерли статуи. Золотой рыцарь, серебряный витязь, медный воин... Они застыли в вечном карауле, мастерски высеченные из металла, хранящие имена великих героев, чья слава давно обратилась в пыль.

А в самом центре, в изголовье, возвышалась фигура князя, чья корона, украшенная драгоценными сплавами, сияла холодным блеском.

— Это князь Владимир? Он погребен здесь? — прошептала я, подходя к подножию статуи. Лицо князя казалось строгим, суровым, словно высеченным из самой вечности, но в изгибе губ читалась едва уловимая печаль, знакомая каждому, кто нес на плечах тяжесть короны.

— Да, — коротко бросил Черномор, глядя на свое собственное изваяние неподалеку. В его взгляде, устремленном на «железного витязя», я видела не гордость, а тяжелую, липкую ненависть к самому себе, к этой бронзовой оболочке, в которую он заточил свою душу.

— Витязь Добрыня говорил, что ты наследник Владимира... крови и силы, — осторожно начала я, чувствуя, как холод этого места, пропитанного магией веков, проникает под кожу, словно иней.

Владыка сухо рассмеялся, и этот звук, лишенный веселья, эхом разлетелся по залу, тревожа пыль, осевшую на мечах былых героев.

— Наследник? Быть может. Мать никогда не открывала

мне всей правды, да и имело ли это значение для тех, кто ушел за черту? Он оставил этот мир мне, наказав нести бремя, которое не под силу было даже самому сильному богатырю.

— Ты ненавидишь эту роль, — я подошла ближе, едва касаясь его руки — закованного в сталь предплечья, холодно-го, бездушного металла. — Ты ненавидишь то, что стал для них темным властелином, хотя, быть может, в сердце своем хотел лишь одного — чтобы в Черноморье снова запели птицы, а не звенели цепи.

Он замер, и на мгновение в его глазах, похожих на два угля, затухающих в золе, мелькнуло что-то живое — искра человеческой боли, которую он старательно скрывал за маской ледяного безразличия.

— Посмотри на этот мир, Аня. Он замер в ожидании конца, как заколдованное царство в вечном сне. Я заковал его в сталь, чтобы он не рассыпался в прах от их алчности, раздоров и смут. Я выбрал порядок, который они называют неволей, а я — единственным способом сберечь остатки бытия.

— Отбрось это, — тихо сказала я.

— Что именно? — он опустил взгляд на меня, и в этом жесте было столько тоски, что у меня перехватило дыхание.

— Доспехи. Эти цепи, этот холодный блеск. Это всё... хотя бы на миг. Стань тем, кем ты был до того, как Черноморье стало твоей темницей.

Я не дождалась ответа. Я просто шагнула вперед и обняла

его, прижимаясь щекой к холодной нагрудной пластине, где под слоями стали, казалось, все еще теплилось нечто живое. На секунду мне почудилось, что он оттолкнет меня, но вместо этого его рука, тяжелая и надежная, легла мне на плечо, и он прижал меня к себе с такой силой, будто я была единственным якорем, удерживающим его от падения в бездну забвения.

— Я понимаю, — прошептала я, закрыв глаза. — И мне жаль. Прости, что я — лишь гостя в этом мире, которая вынуждена нести разрушение.

Он молчал, склонив голову к моим волосам. В этой тишине заброшенного замка, среди теней великих князей и славных витязей, я поняла: мой выбор станет самым тяжелым в моей жизни. Я должна была предать того, кто в своей чудовищной, искаженной логике пытался защитить этот мир от хаоса Скверны. И я не знала, смогу ли я когда-нибудь простить себя, если в итоге выберу дом, оставив его здесь — одиноким стражем среди безмолвных статуй.

Он наклонился, и его губы — осторожно, почти невесомо, как касание зимнего ветра — коснулись моих. В этом поцелуе не было страсти, была лишь бесконечная, горькая нежность. В нем было «спасибо».

Владыка Черноморья, Черномор

Я вошел в свой кабинет, и мысли, словно стая воронов, кружились в голове, не давая покоя. Аня... Что мне делать

с этой девушкой? На губах всё ещё ощущался сладкий привкус корицы и лесного дыма — аромат летнего вечера у костра, который она принесла с собой из того далекого мира. Аромат жизни, которой у меня никогда не было.

Я желал её. Это было первобытное, жгучее чувство, но в глубине души, там, где скрывалось нечто большее, чем простой голод, теплилось иное желание. Я вспомнил, как она обняла меня в руинах, как прижалась ко мне, едва поняв истинный смысл моего правления. Я держал Черноморье в узде не ради своего величия, а ради тех, кого покойный князь Владимир заклил оберегать от хаоса. Это был мой долг, моя вечная цепь.

Мне нужно было ей довериться. Мне необходимо было поверить в неё, чего я не делал уже долгие столетия.

Я наливал себе вина, когда за спиной послышались шаги. Оборачиваться не было нужды — я узнал этот легкий, уверенный стук сапог.

— Чего тебе, Добрыня?

— Как прогулка? Аня осталась довольна?

— Сносно, — я отвернулся к огню, глядя, как пляшут языки пламени. Я не хотел смотреть на него. Витязь любил играть на моих нервах, используя слова как отравленные стрелы.

— Я хочу взять её на обучение сегодня после полудня, — произнес Добрыня, подходя к шкафу с напитками. — Думаю, ей будет полезно слышать не только ваш голос, Влади-

ка.

Я с трудом сдержал усмешку, обернувшись к нему.

— Ты лишь пытаешься вбить клин между нами, Добрыня.

— Я хочу дать ей выбор. Вы слишком долго держите её при себе, — он наполнил бокал. — Думаю, пришло время дать девице право решать, с кем ей быть, не так ли?

— Совет на будущее: не называй её так, — отрезал я. — Хотя... нет, продолжай. Мне было бы крайне любопытно посмотреть, как она поставит тебя на место.

Добрыня усмехнулся: — Мы с ней быстро нашли общий язык. Мы могли бы стать куда ближе, если бы вы не уводили её всякий раз, как только она начинает улыбаться.

— Какую игру ты затеял? — я подошел ближе, чувствуя, как внутри закипает тьма. — Почему ты хочешь навязать ей этот притворный выбор? Оставь её в покое.

— Я скажу вам почему, Владыка — Добрыня осушил бокал и налил еще. — Я презираю то, как вы с ней обращаетесь. Каждый день рядом с вами — это шаг к бездне. Почему вы подвергаете её таким жестоким испытаниям? Я вижу синяки на её руках. Что она вам сделала? Вы находите в этом извращенное удовольствие, Владыка?

— Придержи язык, Добрыня, — мой голос стал тише, но в нем прорезались нотки, от которых обычно дрожали стены.

— Почему вы хотите её сломать? Хотите подготовить её, чтобы потом с легким сердцем заточить в Сердце Мироздания, как и всех остальных?

— Она сама просила меня обучить её, — процедил я сквозь зубы. И я не добавил самого главного: я был одержим жадной проводить с ней каждую секунду, впитывая её свет, пока сам медленно тонул в своем мраке.

Добрыня подошел вплотную, глядя мне прямо в глаза: — Вы забавляетесь ею. Ищете способа заманить её в свои покои. Позор вам, Владыка. Вы не достойны носить имя, оставленное князем Владимиром.

Я не выдержал. Мои когти впились в его горло, прижимая к стене.

— Следи за тем, что говоришь, — прорычал я. — Аня стоит на перепутье, и она сама решит, кому доверить свою судьбу.

— Тогда давайте устроим честное состязание? — Добрыня ослабилась сквозь боль. — Или вы настолько увлечены тем, чтобы наслаждаться её мучениями, что не рискнете?

Я ударил его, и витязь, потеряв равновесие, рухнул на пол. Я сжал кулаки, чувствуя, как сталь моих доспехов отзывается на мою ярость.

— Довольно! — воскликнул я.

— Тогда отрицайте сколько угодно! — хрипло отозвался он, поднимаясь. — Отрицайте, что её боль доставляет вам удовольствие.

— Её страдания не приносят мне ничего, кроме горечи, — я стоял, не в силах скрыть дрожь в руках.

— Тогда почему вы так ищете её общества, если... о. —

Добрыня прищурился, и в его глазах вспыхнуло издевательское понимание. — Это не просто похоть. Боже, Черномор, только не говорите мне, что вы полюбили её.

— Не будь глупцом, — я отвернулся, чувствуя, как внутри все холодеет.

— Что ж, я не знаю, кого мне жаль больше, — бросил он, направляясь к выходу. — Её, чья судьба — вечное заточение, или вас, когда вы, наконец, потеряете ту, что смогла растопить ваше ледяное сердце.

Когда дверь за ним закрылась, я швырнул бокал в стену. Хрусталь разлетелся на тысячи острых осколков, отражающих мои пустые глаза.

Проклятый рыцарь. Проклятая гордыня. Пусть всё это исчезнет в бездне, где ему самое место.

Глава 8

Анна

Я почти радовалась этим тренировкам — в них было хоть какое-то подобие движения, пускай даже ценой неминуемых синяков.

Входя в круглый двор, я уже издалека почувствовала неладное: Владыка Черномор был в одном из своих «тех самых» состояний. А для меня это означало лишь одно: быть беде.

Он взял со стойки тяжелый меч и небрежно бросил его к моим ногам.

— Начнем с повторения вчерашних уроков, — бросил он, даже не глядя на меня.

— Скорее, с пересчета вчерашних ушибов, — проворчала я, поднимая сталь. — Ты в порядке?

Он проигнорировал мой вопрос, словно я была лишь досадным шумом ветра. Его фигура начала меняться — вокруг него за клубилась тьма, и в следующее мгновение он облачился в полные латы. Я вздрогнула. Господи, какой же он огромный. Мощный, острый, пугающий до дрожи. В воздухе рядом с ним возник легендарный клинок, и он сжал рукоять так, будто это была игрушка, а не оружие, требующее усилий двух рук.

Когда он бросился в атаку, я сделала единственное, что

подсказывал инстинкт — начала уворачиваться. Он рубил воздух с такой яростью, что казалось, будто он всерьез решил разрубить меня пополам.

— Защищайся, Аня! — прогремел его голос.

— Я стараюсь!

— Старайся лучше!

Когда я споткнулась, он не упустил случая сократить дистанцию. Удар локтем — и я уже лечу на землю. Меч выпал, а его лезвие в следующее мгновение замерло у самого моего горла.

— Мы это уже проходили. Ты не одолеешь меня, Аня. Ни сталью, ни своим пламенем. Ты понимаешь это? — Он смотрел на меня сверху вниз, как настоящий Владыка Тьмы, безжалостный и неотвратимый.

Мне хотелось просто исчезнуть, провалиться сквозь землю. Я чувствовала себя такой ничтожной перед этой живой легендой.

— Д-да... понимаю.

— Тогда отвечай, — он переступил через меня, вставая так, что я оказалась в ловушке. — Какие козни ты плела у меня за спиной? Что ты скрывала?

Я медлила. Правда была слишком опасной. Но его нетерпение перешло границы — он отстранил меч, но тут же сжал мое горло железной перчаткой, рывком поднимая на ноги. Сорвав с меня оберег, он швырнул его в сторону.

— Раз так — покажи свою силу. Ты свободна от оков. Сра-

жайся со мной!

Я вскрикнула, когда он снова замахнулся. Отступая, я почувствовала, как по рукам разливается жар — я загорелась. Паника захлестнула меня: «Бесполезная», — твердил внутренний голос.

— Прошу, подожди... — взмолилась я, но он был неумолим. Его меч скользнул по моему плечу, и я охнула от боли. На месте пореза выступила капля, похожая на расплавленный топаз, с шипением она упала на сухую землю.

Не думая, поддавшись чистому отчаянию, я выбросила руки вперед. Из ладоней вырвался рев пламени, подобный дыханию самого дракона. Черномор скрылся в густом черном дыму.

— Ого... — выдохнула я, но времени на раздумья не было.

Он вышел из дыма, как кошмар, воплощенный в железе. Его доспехи светились багровым, будто он только что вышел из самого пекла. Я попыталась залить его огнем снова, чтобы остановить, но он лишь надвигался — методично, неумолимо.

— Магия не властна надо мной, — его голос звучал как гул колокола. — Ты не причинишь мне вреда. Я — изъян в этом мире, демон, рожденный вопреки всем законам. Разрушь этот замок, и я выстрою его вновь. Я неизбежен.

— Что я сделала? Почему ты так зол? — я плакала, и капли моего пламени прожигали пыль у ног. Он был прав. Что

я могла сделать против того, кто не знает усталости?

Я бросилась к выходу, надеясь сбежать, но не успела добежать даже до половины двора. Железная рука вцепилась мне в волосы, и в следующее мгновение меня прижали к холодной каменной стене. Он навис надо мной, загромождавая весь мир.

— Куда ты собралась? От меня невозможно спрятаться, Аня. В этих пустошах я выслежу тебя — и поверь, я получу от этого истинное наслаждение.

— Черномор, пожалуйста... — я пыталась оттолкнуться, но он был неподвижен, словно скала.

Он наклонился, его голос стал вкрадчивым, пугающе тихим: — Я принимал тебя как гостью. Позволял тебе шептаться с тенями и плести интриги. Но не думай, что я не ведаю, что ты творишь.

Его рука, закованная в латы, медленно скользила по моему плечу. Я дрожала, как осиновый лист на ветру, и не только от страха. Где-то внутри, в самом сердце, шевельнулось нечто странное, опасное — чувство, которое я пыталась задушить, но которое вспыхивало от его близости.

— С оберегом или без — ты не одолеешь меня. Понимаешь? — он был так близко, что я чувствовала холод его металла.

— Д-да.

— Что именно ты понимаешь?

— Что я... я не могу победить тебя. Что мне не сбежать.

Он внезапно развернул меня. Прежде чем я успела осознать, что происходит, он подхватил меня за талию и прижал к стене, заставляя обхватить себя ногами. Его шлем растворился, сливаясь с доспехами, и его губы накрыли мои. Это был не просто поцелуй — это был захват. Владыка, привыкший подчинять миры, не знал нежности. Его натиск был ровным, почти болезненным, но мои губы, горевшие огнем, лишь сильнее тянулись к нему. Когда я попыталась отстраниться, чтобы вдохнуть, он перехватил мои запястья, прижимая их к стене.

Я издала тихий стон. Боже, что со мной происходит? Он отстранился, его дыхание опаляло мое ухо: — Я не возьму тебя силой. Я хочу, чтобы ты пришла ко мне сама, по доброй воле. Хочу, чтобы твое собственное желание поглотило тебя. Но знай, моя маленькая искра: когда это случится — ты поймешь, что именно тебя ждет.

Он снова прижал меня к себе, и этот жест отозвался во мне новой волной смущения. Он отстранился, оставив меня дрожать у стены, и небрежно бросил через плечо, удаляясь: — Я доказал тебе, что оберег лишь для твоего спокойствия, а не для моей защиты.

Он ушел, растворившись в тенях двора. Я сползла на землю, чувствуя, как ноги стали ватными. Сердце билось где-то в горле. В голове пульсировала лишь одна мысль: я только что едва не позволила ему забрать всё.

Я посмотрела на порез на руке — кровь перестала течь,

но рана требовала внимания. Нужно было идти на кухню, к Елене, слушать её бесконечные причитания о моей неуклюжести. «Боже, за что мне это всё?» — подумала я, поднимаясь и прихрамывая к дверям, пытаюсь отогнать от себя мысли о Владыке Тьмы, который только что заставил меня забыть, кто я есть на самом деле.

Владыка Черноморья, Черномор

Я совершил ошибку. Я знал это, осознавал с пугающей ясностью. Более того, я понимал, что таких ошибок было уже несколько. Но разве это могло остановить меня? Разве могло заставить свернуть с пути, который я сам для себя избрал?

Я сидел в своем кабинете, обхватив голову руками. Локти упирались в холодный стальной стол — единственный свидетель моей слабости. Всё, что я делаю, неизбежно приведет к катастрофе. Я, Владыка, фактически подталкиваю эту смертную к предательству. Я даю ей в руки ключ от темницы, позволяя объединиться с остальными, чтобы уничтожить Сердце Мироздания и вновь выпустить на волю магию Черноморья, которую я так долго держал в узде.

Я распахнул перед ней дверь и оставил на её усмотрение — войти в неё или нет. Почему? Этот вопрос жег меня изнутри, доводя до грани безумия. Возможно, Витязь Добрыня был прав. Возможно, я подсознательно решил закончить свое правление от рук этой девушки, чья сила — лишь искра, едва разгорающаяся в потемках.

Но о, боги древности... Вспоминая, как она отпрянула от меня в страхе, как блестели её глаза, похожие на два раскаленных угля... Чувство её тела, прижатого к моему, жар, исходящий от её кожи — вкус её пламени, который я ощутил, когда коснулся её губ... Когда она на мгновение покорилась, забыв о своей гордости...

Я был беспомощен. Совершенно, абсолютно беспомощен. Она может считать себя моей пленницей, но разве она понимает, кто на самом деле на поводке? То, что начиналось как попытка приструнить дерзкую девчонку, превратилось в пытку. Я был готов забыть обо всем, лишь бы остановить этот бег по лезвию ножа.

Готов ли я поставить на кон всё, ради чего жил веками, лишь ради призрачного шанса однажды увидеть её в своих покоях по доброй воле?

Да. Похоже, именно так.

Я задавался вопросом, не выжгла ли она своим пламенем мой рассудок во время нашей стычки. Почему я не могу поступить так, как требует долг? Почему не могу просто заставить её подчиниться — ведь её реакция, эта странная смесь робости и желания, была красноречивее любых слов? Или почему просто не заточить её в Сердце Мироздания к остальным, чтобы навсегда прекратить эту агонию?

Почему? Почему я веду себя как последний глупец?

Ответ был лишь один. Единственный.

Я вскочил, издав яростный рык, и опрокинул тяжелый

стальной стол. Тот с грохотом врезался в стену, оставив вмятины на камне. Ответ был невыносим, он сулил мне погибель. Он грозил крахом всему Черноморью. Это не имело смысла, это было против законов природы, против самой моей сущности. Но это было правдой, смотревшей мне прямо в лицо.

Именно из-за этого ответа я совершал одну ошибку за другой. И именно из-за него теперь мне придется прибегнуть к крайним мерам, чтобы спасти то, что я созидал вечность. Путь был лишь один. И от этой мысли мне хотелось разрываться на части всё, что попадалось на глаза.

Я должен вынудить её предать меня. Должен, чтобы потом запереть в Сердце Мироздания и наконец закончить эту игру.

Добрыня был прав. И нет ничего мучительнее для Владыки, чем признать правоту того, кого презираешь.

Я обязан это сделать. Потому что я... люблю её.

Анна

— Какого лешего этот кусок камня и спеси с тобой сотворил? Ох, милая, садись, ну же, присядь!

Я слабо улыбнулась Елене, которая, охая, суежилась вокруг, усаживая меня на табурет. Кухарка уже нашла какой-то чистый лоскут — кажется, прежде в него заворачивали сыр — и теперь окунала его в котелок с кипятком, стоявший на печи.

— Спасибо, Елена. Я в порядке. Мы... мы просто тренировались, и всё вышло из-под контроля.

— Из-под контроля? Опять? Тьфу! Владыка совсем разучился беречь того, кто слабее, — проворчала она. Я с любопытством пригляделась к кухарке. В этом мире всё было странным: её наряд казался сотканным из самой нестабильной стихии, что окружала нас. Платье Елены состояло из причудливо застывших пластин живого пламени, которые переливались, словно чешуя диковинной рыбы, только вместо блеска чешуи по подолу бежали искры, а края ткани подрагивали, как марево над раскаленным асфальтом в летний полдень.

В детстве, помню, я оставила на солнце пакет с жевательными мармеладками, и они превратились в единый, тягучий, разноцветный комок. Елена напоминала мне тот самый мармелад, только выплавленный из чистого солнечного света, закаленного в горниле, и остывших звездных углей. Её «ткань» постоянно текла и перестраивалась, словно она была не существом из плоти, а ожившим отблеском пожара, который когда-то давно, в момент сотворения мира, забыли потушить. Она была соткана из жара, который не обжигал, а лишь мягко согревал, принося покой в этот холодный замок.

Она что-то напевала себе под нос, выжимая тряпицу прямо над раковиной — её пальцы совсем не боялись жара. Я моргнула, глядя, как пар окутывает мои руки. *«Неужели я больше не могу обжечься? Даже кипятком?»* Эту тайну мне

еще предстояло раскрыть.

— Я не одобряю, что он так с тобой... — покачала головой Елена. — Мне кажется, он просто искал предлог, чтобы выплеснуть гнев, милочка.

— Предлог для чего? — я горько усмехнулась. — Чтобы превратить меня в отбивную?

— Это такой способ у некоторых мужчин выразить привязанность. Кому-то не хватает ума перерасти подобную дикость, — она аккуратно промокнула порез на моем плече. — Владыка так и не повзрослел в своих методах.

— Я знала одного парня в школе, — прошептала я, наблюдая, как на ране появляется свежая повязка. — Он так сильно дёргал меня за косы, что я была уверена — он меня ненавидит. А через пару лет мы начали встречаться.

— Вот видишь. Мужчины, — Елена по-доброму ткнула меня пальцем в нос. — Ты приглядывай за ними обоими, Аня. У них у всех свои скрытые мотивы. Помню, был тут один торговец ...

Я перестала слушать, погружившись в собственные мысли. Витязь Добрыня был добр и искренен, он верил, что спасет этот мир. Черномор был жесток и смертельно опасен, но он тоже стремился его сберечь. Но в этом ледяном Владыке было нечто, от чего моё сердце пропускало удар. Та самая тьма, что таилась в его глубине, шептала мое имя, манила, как запретная музыка. Я знала — это путь к гибели, но удержаться не могла.

— Вот и всё, к утру как на собаке заживёт, — Елена хлопала по узлу повязки. — Вы, создания с магией, лечитесь очень быстро.

— Хороший бонус, — я встала, чувствуя, как ноги едва держат. — Пойду прилягу, в голове полный хаос. Спасибо тебе, Елена. Ты мне как подруга.

Я брела по замку около часа, пока не начала прихрамывать — бедро ныло от недавних «тренировок». И вдруг в одном из дальних дворики я замерла. Ратмир стоял спиной ко мне, глядя на фонтан в форме львиной головы. Но не это заставило меня притаиться за колонной.

Над водой, в лучах факелов, мерцала женщина, сотканная из золотых искр. Ратмир протягивал к ней руку, и его лицо было таким полным боли, что я невольно задержала дыхание. Она была прекрасна, как утренний туман, с волосами, струящимися, словно вода, и полупрозрачными крыльями, напоминавшими крылья бабочки. Но стоило Ратмиру крепче сжать пальцы — и видение растаяло, осыпавшись в бассейн золотой пылью.

— Добрый вечер, Аня, — голос Ратмира был глухим, полным застарелой печали.

— Простите... я не хотела вторгаться.

— Пустое, — он вздохнул, и в этом звуке чувствовалась тяжесть веков.

Я подошла и нерешительно обняла его. Ратмир не отстранился — наоборот, его рука легла на мою спину. Я не знала,

кто была эта женщина, но понимала: не у каждой сказки бывает счастливый финал.

— Мне так жаль, — прошептала я, чувствуя себя такой маленькой рядом с этим великаном.

— Это не ваша вина, — он коснулся моих волос. — У вас своих забот хватает. Почему вы хромаете?

— Владыка, — коротко ответила я. Ратмир понимающе кивнул и сел на край фонтана.

— Оберега больше нет, — я сжала край своей кольчужной юбки.

— Он хочет доказать вам свою правоту, — заметил Ратмир.

— Он считает, что оберег был для моего удобства, а не для его защиты! Что я — лишь досадная помеха, которую он терпит.

— А вы хотите быть для него угрозой?

— Не знаю. Всё здесь кажется неправильным. Но если я уничтожу Сердце Мироздания, он просто начнёт всё сначала.

Ратмир помолчал, глядя на воду.

— Он не наслаждается этим «застоем», Аня. Просто не видит иного пути. Тот, кто всю жизнь провёл на войне, разучился верить в мир.

— Он одинок, Ратмир. Он не доверяет даже собственной тени. И мне... мне его жаль.

— И это всё? — мягко спросил рыцарь.

— Нет. Я думаю... я нравлюсь ему. И я... — я запнулась.

— Я нравлюсь ему, хотя он ведёт себя как законченный негодяй. И мне нравится быть рядом с ним.

— А как же Добрыня? Он смотрит на вас как на солнце.

— Добрыня — хороший. Добрый, весёлый. Всё то, чем не является Черномор. Но с ним... у меня не дрожит сердце.

Ратмир тихо рассмеялся, когда я призналась, что не могу противостоять тьме Владыки. А потом он заговорил о ней — о Зое, духе воздуха, заточённой в Сердце Мироздания.

— Но даже зная это... даже с моей болью... я бы не стал рушить Сердце ради её свободы. Вы не видели разрушенных городов, Аня. Вы не видели слёз матерей, обнимающих мертвых детей. Черномор спас тех, кто не мог спасти себя сам.

Я плакала, слушая его, и в этот момент всё встало на свои места. Черномор был прав. Добрыня заблуждался. Сердце Мироздания должно было остаться целым.

Ближе к полуночи я нашла Черномора в библиотеке. Он изучал карты, склонившись над старинным столом. Впервые за долгое время на нём не было доспехов, только простая, тёмная одежда.

— Не спится? — я подошла осторожно.

— Мне это неизвестно, — он провёл рукой по лицу, устало глядя на меня.

— А ты?

— Тоже. Могу я присесть?

Он кивнул на стул. Я рассказала ему всё. Про Кот Баюна, про портал, про то, как этот старый демон обманом заставил меня поверить, будто уничтожение Сердца Мироздания вернёт меня домой. Я честно призналась, что больше не хочу идти против него.

Когда я закончила, повисла тишина. Он медленно поднялся, подошёл ко мне и вложил мои пальцы в свою руку. Его глаза — бездонные, холодные, как звёздная бездна над вечными льдами — вспыхнули ярким синим пламенем, от которого у меня перехватило дыхание. В них не было привычного мрака; напротив, этот пронзительный, почти ослепляющий сапфировый свет, казалось, видел меня насквозь, выжигая из сердца всё лишнее, заставляя забыть, как дышать, и оставить в мыслях лишь его одного. Он наклонился, прижавшись лбом к моему, и тихо выдохнул: — Спасибо за правду, Аня. Это самый драгоценный дар, который я когда-либо получал.

Он отстранился, и на его теле начали проступать доспехи. Его вид стал пугающе величественным.

— Куда ты? — испуганно спросила я, чувствуя недобрый холод. Он оглянулся, и на его губах заиграла опасная, леденящая кровь улыбка. — Иду покончить с Добрыней, разумеется.

— Что? — я буквально сорвалась с места, едва не вспыхнув от нахлынувшего жара. Сердце колотилось где-то в гор-

ле, когда я бросилась в коридор, преграждая путь Владыке.
— Ты не можешь!

Черномор резко остановился. Он посмотрел на меня с той ледяной отстраненностью, которая всегда заставляла мою душу сжиматься. — Я — Владыка Черноморья, — холодно обронил он, едва приподняв бровь. — Поверь, Аня, я могу всё.

— Но ты не должен! — мой голос дрожал. Дыхание сбивалось, а стены коридора, казалось, начали сужаться, угрожая поглотить меня очередной волной паники. Я прижала ладони к лицу, пытаюсь вдохнуть хоть немного воздуха. — Ты не можешь убить его! Это нечестно, понимаешь? Это... это всё моя вина!

Он даже не замедлил шаг, просто прошел мимо, словно я была лишь легким дуновением ветра, не стоящим его внимания. — В этом мире нет справедливости, Аня. Есть только моя воля.

— Нет! — я снова бросилась за ним, и на этот раз не сдержалась: мои ладони вспыхнули ярким, обжигающим пламенем. — Стой! Прошу тебя, оставь Добрыню в покое!

Черномор остановился, и в его синих, как бездонная ледяная бездна, глазах на мгновение промелькнула тень насмешки.

— Он плел заговоры против меня. Ты предлагаешь мне оставить это без наказания?

— Это... это были лишь слова! Просто разговоры!

— Именно так и рождаются заговоры, — его губы тронула кривая, почти болезненная усмешка.

Я в отчаянии толкнула его в грудь, но он даже не шелохнулся — казалось, я пыталась сдвинуть с места саму скалу. Когда я замахнулась снова, его закованные в сталь пальцы перехватили мои запястья, притягивая к себе. Его близость обожгла сильнее любого огня, который я излучала.

— Я слишком долго терпел ненависть Добрыни, — прошептал он, и его голос, низкий и вибрирующий, отозвался в каждой клеточке моего тела. — Для него моё существование — само по себе пытка. Тысячи лет он был беззубым псом, неспособным укусить. Но теперь... с твоим появлением всё изменилось.

— Но я же сказала тебе правду! — воскликнула я, пытаюсь вырваться.

— Да. И я верю, что ты рассказала всё, что знала. Но что будет завтра? Когда он снова начнёт нашептывать тебе свои печальные сказки о «старом мире», и ты решишься уничтожить Сердце Мироздания, даже зная, что это обречено на провал? — он отпустил меня, и я невольно отступила назад, потирая запястья. — Я пытаюсь уберечь тебя от заточения в Сердце. Я защищаю тебя, глупая ты смертная.

Логика Владыки была беспощадной, выверенной, как ход небесных светил. И всё же... она была чудовищной.

Я отступила на шаг и приняла потирать запястья. Его слова — жестокие, холодные, но безупречно логичные — прон-

зали меня своей пугающей правотой. Но вопреки разуму, сердце кричало, что он ошибается.

— Неужели ты не понимаешь, почему я молю тебя пощадить его? — прошептала я.

— Понимаю, — он усмехнулся той самой улыбкой, от которой по спине бежали мурашки. — Потому что у тебя чересчур мягкое сердце. Ты ведь не провела тысячу лет, вслушиваясь в его бесконечное нытьё. Если бы ты знала, каково это, то поняла бы: его уничтожение — это милость. И для него, и для меня.

Я покачала головой, не в силах с этим смириться. В груди всё кипело от бессилия.

— Что я могу предложить взамен? О какой сделке мы можем договориться? Пожалуйста, Черномор... я просто не вынесу мысли о том, что его смерть станет моей виной.

Он положил ледяную ладонь мне на плечо. От этого прикосновения пламя, плясавшее на моих пальцах, само собой угасло. — Твоя вина? Нет. Его гибель — лишь следствие обстоятельств. А твоё появление здесь — прихоть того самого Баюна, а не твоя ошибка.

Я совсем забыла, что до сих пор объята пламенем. Пол под моими ногами начал плавиться, распространяя едкий запах гари. Собрав всю волю, я глубоко вдохнула и усилием мысли погасила огненную ауру, в которую невольно обратилась.

— Прошу тебя... — только и смогла прошептать я.

— И чего ты хочешь вместо этого? Изгнать его с Черно-

морья? Он зачахнет и погибнет, как и все обитатели Черноморья, стоит им покинуть пределы наших земель на слишком долгий срок. — Черномор сделал шаг ко мне, сокращая расстояние, и его вторая рука с острыми, как лезвие, когтями медленно скользнула по моим волосам, едва ощутимо касаясь кожи головы. По спине пробежала дрожь. — Ты хочешь, чтобы я подверг его пыткам? Сломал его разум? Вряд ли. Быстрая смерть для него — куда более достойный и почетный финал.

Я шмыгнула носом, чувствуя, как жгучие слёзы подступают к глазам. Господи, как же я ненавидела плакать.

— Что ж, будь, по-твоему. — Он оставил меня, развернувшись и зашагал прочь по коридору — в ту самую сторону, куда направлялся до того, как я дважды прервала его путь. — Если ты не желаешь видеть его мёртвым, возможно, существует иной выход.

Что он имел в виду?

Черномор остановился в тридцати шагах и обернулся, пронзая меня тяжёлым взглядом. — Ну? Ты идёшь?

«Чёрт, чёрт, чёрт», — пронеслось у меня в голове.

С тяжким вздохом, чувствуя, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия, я поплелась за ним. Другого выхода просто не было.

Владыка Черноморья, Черномор

Ратмир прав. Я больше не походил на себя. Я вел себя

как последний глупец, и причины тому были иными, нежели те, в которых меня упрекал Бронзовый рыцарь, обвиняя в слабости и пресыщенности властью.

Дело было в ней.

Я чувствовал, как внутри меня что-то надламывается, подобно льду на весенней реке под ударом палицы. Это было сродни надвигающемуся цунами — неостановимому, сокрушающему всё на своем пути. Я был захвачен этим потоком и точно знал, что утону. Я никогда прежде не ведал любви, и не мог сказать, что это чувство мне хоть сколько-нибудь по нраву. Но когда эти огненные, мерцающие глаза смотрели на меня с мольбой, умоляя о милосердии... что мне оставалось, кроме как исполнить её желание?

Добрыня выживет — в некотором смысле. Но когда я закончу с его наказанием, Анна может горько пожалеть о том, что решила противиться мне в этом вопросе. Быть может, это даже сыграет мне на руку. Моя «искорка» проявила невероятную уязвимость, открыв мне все свои тайны. Но останется ли она верна? Это был идеальный способ проверить, стоит ли ей доверять.

Она стала моей новой слабостью, но цепь, связывающая нас, всё ещё оставалась достаточно хрупкой. Если я натяну её чуть сильнее — она непременно лопнет. Что ж, именно это я и собирался проверить. Я не знал, хочу ли я, чтобы эта связь разорвалась или укрепилась. Не знал, желаю ли я любить её или жажду покончить с этим чувством навсегда.

Но я был уверен: ответы придут очень скоро.

Одним ударом ноги я распахнул дверь в покои Добрыни и ворвался внутрь. Витязь вскочил с кровати, запутался в собственных простынях и рухнул на пол. Не беда. Я помог ему встать, ухватив за волосы, и выволок прочь из комнаты.

Анна прижалась к стене, закрыв рот ладонями. Её прекрасные глаза расширились от ужаса и неподдельного страха. Вероятно, эта юная дева никогда не видела подобной жестокости в моём присутствии. Жаль, что впереди её ждёт куда больше испытаний. Где-то в глубине души шевельнулось досадное сожаление: я стал для неё тем, кто сорвал завесу и явил истинное лицо Черноморья.

Добрыня кричал, упираясь пятками в пол, пытаясь сопротивляться. Бесполезно. Сжав кулак, я нанёс короткий, тяжёлый удар ему в висок, погружая рыцаря в беспамятство. Так будет быстрее. Мне не терпелось покончить с этим. Обычно я получил бы истинное удовольствие, терзая его насмешками, но не сейчас, когда за нами наблюдала Анна.

Закинув Серебряного рыцаря на плечо, я понес его вниз, в бездну, скрытую под фундаментом замка.

— Куда мы идём? — Анна почти бежала следом, стараясь поспеть за моими широкими шагами.

— Ты просила меня даровать ему жизнь.

— Я... я просила. Но это не ответ! — она перешла на бег, пытаясь не отставать.

— Добрыня будет жить. Но, боюсь, он не скажет тебе «спа-

сибо» за это. — Я смотрел прямо перед собой. Не хотел видеть боль, отразившуюся на её лице.

— Ты всё равно не говоришь, куда мы идём и что задумал!

Я промолчал. Мы спускались всё ниже по витым коридорам, пока не оказались перед двумя массивными железными дверями, что были мне слишком хорошо знакомы. Из-под них просачивалось опалесцирующее сияние, озаряя трещины в каменном полу тысячами призрачных красок, подобно чешуе неведомой морской твари.

— Черномор? — её голос стал тише, тоньше, в нём дрожал испуг. Она начала догадываться. — Что за этими дверями?

Я едва заметно повел рукой, и тяжелые створки беззвучно отворились, являя миру ужасающее величие моего главного творения.

— Сердце Мироздания, — произнес я, глядя, как свет артефакта окрашивает моё лицо в холодные, потусторонние тона.

Анна

Я никогда не чувствовала себя такой крошечной, как в тот миг, когда перед нами бесшумно, точно призраки из ночных кошмаров, распахнулись огромные железные створки. Они должны были скрипеть, жалобно стонать, но нет — они открылись в гробовой тишине, обнажая то, что скрывалось за ними. Я никогда не видела древних храмов, о которых чита-

ла в книгах, но мне казалось, что именно так ощущается соприкосновение с чем-то настолько колоссальным и великим, что моё собственное существование превращалось в пыль.

Но увиденное за дверями лишь усилило этот трепет, переходящий в ужас.

Зал был круглым, необъятным, и в самом его центре, словно в забытом склепе, возвышалось то, от чего моё сердце пропустило удар.

В центре бассейна, наполненного жемчужным, опалесцирующим сиянием, возвышался дуб. Это было величественное древо, чья крона терялась где-то в немыслимой вышине, теряясь в мерцающей дымке. Он был прекрасен, но это была красота застывшего, безмолвного божества. Его ствол — белесый, словно выточенный из лунного камня, — уходил в гущу светящейся жидкости, а ветви, изящные и тонкие, напоминали застывшие в танце руки. На них не было листьев, лишь полупрозрачные, светящиеся цветы, лепестки которых слабо пульсировали, словно бьющееся сердце.

Но семь каменных столбов, окружавших древо, превращали эту идиллию в мучительное видение. На вершинах столбов застыли лики чудовищ, чьи глаза, казалось, следили за каждым моим движением. Из их каменных пастей тянулись тонкие, серебристые нити, подобные лунным лучам, которые впивались в нежную кору древа, стягивая его ветви в жесткий корсет.

Сердце Мироздания.

Оно пульсировало в самом центре ствола — сгусток чистого света, защищенный переплетением эфирных ветвей. По его граням медленно, словно утренняя роса, конденсировалась густая, сияющая жидкость. Она стекала по светлым ветвям и с тихим, хрустальным звоном падала в бассейн.
динь-динь.

Лишь приглядевшись, я поняла, почему бассейн светился так странно. Он был наполнен не водой, а миллиардами крошечных, мерцающих осколков — застывших слез времени, исторгнутых деревом под гнётом этих призрачных цепей.

Сердце Мироздания.

Этот дуб был не просто артефактом — он был великой клеткой. Онпил память,пил жизнь,пил само время, перерабатывая их в эти холодные, мерцающие капли, которые падали в чашу, питая вечную стагнацию Черноморья. Стоило мне взглянуть в сплетение цепей, как я слышала их.

«Так холодно... выпусти нас... мы помним солнце... мы помним тепло...»

— Взгляни на мой шедевр, — голос Черномора звучал устало, лишенный всякой гордости. Он небрежно, без тени жалости, сбросил Добрыню на край бассейна. — Разве он не прекрасен?

Это было ужасающе. Но хуже красоты был шепот.

«Спаси нас... молю... сжалься, Владыка... освободи... так холодно...»

Тысячи голосов сливались в единый стон, полный невы-

носимой тоски. Мой желудок скрутило от осознания: те, кто заточен внутри, всё чувствуют. Они знают, что с ними происходит. Они страдают. Я прижала ладони к губам, чтобы не закричать. В тот миг любая надежда на то, что я смогу просто жить дальше, видя это, испарилась. Сердце Мироздания должно быть разрушено. Я не знала как, но знала точно: иного пути нет.

Черномор небрежно поддел Добрыню носком сапога.

— Встань на колени, предатель.

Витязь в серебряных доспехах простонал, пытаясь перевернуться. Я забыла, зачем мы здесь, забыла о своем страхе перед Владыкой. Я бросилась к нему, хватая за рукав.

— Пожалуйста! О, Боже, нет!

Черномор лишь тихо, устало рассмеялся: — Либо это, либо могила. Что выберешь, моя Искорка?

Я плакала, не скрывая слёз. Я пыталась оттолкнуть его, но он был неподвижен, словно скала, высеченная из вечной мерзлоты.

— Почему ты должен быть таким?!

Его улыбка на мгновение окрасилась печалью: — Я такой, какой есть, и был таким всегда. Если бы ты знала, какую жестокость совершили те, кто заточён внутри, ты бы не презирала меня так сильно. Но ты не поймёшь. Ты ещё слишком юна.

Добрыня, приходя в себя, в ужасе уставился на Сердце Мироздания. Его когда-то загорелое лицо стало белее снега

в тундре.

— Владыка, прошу... не надо.

— Решай, Анна, — холодно бросил Черномор. — Он здесь из-за тебя. Решай сама: могила или Сердце Мироздания?

Я опустилась на колени рядом с Добрыней и обняла его.

— Простите меня, Добрыня... я не знала, что так выйдет.

Он обнял меня в ответ, его движения были слабыми.

— Делайте что хотите, Владыка, но молю вас, пощадите её, если в той ледяной пустоте, что заменяет вам сердце, осталась хоть искра милосердия!

— Я не собираюсь отправлять её к тебе, если только она не пойдет по твоему пути предательства, — Черномор наблюдал за нами с бесстрастием статуи.

— Простите меня, — шептала я, прижимаясь к Добрыне.

— Это не ваша вина, — прошептал он мне на ухо. — У меня есть вера, что вы найдете способ освободить нас всех. Идите, Аня. Вы здесь бессильны.

Я поднялась на подкашивающихся ногах. Владыка поднял руку, сжав пальцы в кулак. Воздух в зале внезапно уплотнился, уши заложило от невыносимого давления. То, что произошло дальше, навсегда отпечаталось в моей памяти кровавым клеймом.

Душа Добрыни словно была вытянута из тела. Его красота увядала на глазах: щеки впали, глаза превратились в пустые глазницы, губы потрескались. За считанные мгновения

он превратился в иссохшую мумию, которая тут же рассыпалась прахом, а из праха поднялось призрачное сияние, втянутое в Сердце Мироздания, как вода в водоворот.

Всё моё естество охватило пламя — внезапный приступ паники. Мир поплыл перед глазами, и я начала падать в бездну. Последнее, что я помнила — металлические, холодные руки, подхватившие мои плечи, и далекий, едва слышный шепот, тонущий в торжествующем вопле Сердца.

Мир померк.

Глава 9

Владыка Черноморья, Черномор

Я бережно, почти невесомо, подхватил Анну на руки. Бедняжка... этот тяжелый урок оказался ей не под силу. Что ж, я не удивлен. Едва завидев участь Добрыни, она вспыхнула, как сухая трава в степи под лучами летнего солнца, забыла, как дышать, и без чувств обмякла в моих объятиях. К счастью, её стихийное пламя погасло вместе с сознанием. Не то чтобы меня заботил ущерб, но её постель вряд ли пережила бы подобное испытание.

Я поднялся по витым ступеням из склепа, где покоилось Сердце Мироздания. Игнорируя недоуменные взгляды стражи, я отнес девушку в её покои и уложил в постель, укрыв тяжелым расшитым одеялом. На краю кровати, нахохлившись, сидел Вихрь. Пёс прижал уши, его большие, полные немой тревоги глаза неотрывно следили за каждым моим движением.

— Охраняй её. Утешь, — тихо приказал я, коснувшись его головы.

Зверь не раздумывая запрыгнул на кровать и свернулся клубком рядом с Аней, положив тяжелую морду ей на ноги. Вихрь всегда был упрям, когда дело касалось послушания, но в своей верности и любви он не знал равных.

Чего нельзя было сказать обо мне. Я люблю Аню — и по-

смотрите, во что я превратил её мир. Скрипнув зубами, я вышел из комнаты, стараясь не нарушить тишину. В планах было утопить эту горечь в крепком вине. И терзало меня во-все не заточение Добрыни. И даже не слезы Ани.

Меня грызло осознание того, что я должен сделать даль-ше, чтобы окончательно убедиться в её верности. Мне пред-стояло испытать её. И, поступая так... я боялся зайти слиш-ком далеко.

Наполнив бокал до краев, я тяжело опустился в кресло у камина и одним жестом развеял свои доспехи, позволив прохладе коснуться кожи. Я успел сделать лишь глоток, ко-гда у дверного косяка послышался стук.

— Чего тебе? — мой голос прозвучал резче, чем я хотел. У меня не было настроения для бесед.

— Слухи разлетаются быстрее ветра, Владыка, — в две-рях стоял Ратмир. Конечно. Кто ещё осмелился бы бросить мне вызов после того, как я расправился с Добрыней? Уж точно не кто-то из малодушных.

— Он заслужил это, — я прижал пальцы к вискам, закрыв глаза. Чувствую, к вечеру у меня будет невыносимая голов-ная боль. — Он пытался склонить Аню к предательству.

— Понимаю, — Ратмир замолчал на мгновение. — И она... она сейчас?

— Отдыхает. Зрелище «преображения» Добрыни оказа-лось для неё слишком жестоким.

Я почувствовал, как внутри закипает глухое раздражение

от самой мысли, что кто-то мог заподозрить меня в желании отправить Анну вслед за витязем. Хотя, если рассуждать логически, такой вывод напрашивался сам собой.

— Признаться, я удивлен, что ты не казнил его на месте, — спокойно заметил Ратмир.

— У меня было такое намерение. Юная дева воспротивилась.

Ратмир подошел ближе к камину, протянув ладони к огню. Он был высоким, нескладным, и на стене позади него всегда плясали странные, изломанные тени.

— Это может подтолкнуть её на безрассудство, — заметил он.

— Да. Полагаю, так и есть.

Выражение лица «Золотого витязя» помрачнело, когда он сложил всё воедино. Он повернулся ко мне: — Скажите, что вы шутите, мой Владыка. Зачем подталкивать её к борьбе против вас? Чего вы хотите добиться?

— Я хочу видеть, на что она способна. Хочу знать, истинная ли она союзница, или лишь ещё одна вынужденная слуга.

Я пронзил его взглядом. Я так и не смог до конца простить своих витязей за их давнее предательство. Я никому не верил до конца, и, пожалуй, никогда не смогу. Но из всех них ближе всего к доверию подобрался тот, кто стоял сейчас передо мной.

Ратмир вздохнул и закрыл глаза, качая головой в явном разочаровании. — Вы сами пишете пророчество, которому

суждено сбыться, и толкаете всех вокруг к...

— К чему, Ратмир? К измене? К попытке убить меня во сне? У меня когда-то были верные друзья, или я так считал. Пока вы, орава предателей, не доказали обратное, — я поморщился. — Ступай. Уходи. Я не желаю больше тебя слушать. Мои решения — это только моя ноша.

Ратмир еще мгновение смотрел на меня, затем склонил голову и безмолвно вышел из покоев.

Я осушил бокал одним махом. В этот раз я потянулся за всей бутылкой, намереваясь допить её до рассвета. Может, тогда придет забвение.

Но, боюсь, вряд ли.

Анна

Я проснулась от того, что кто-то настойчиво лизал мне щеку. К счастью, это был всего лишь Вихрь. Я мягко отстранила пса, хотя сдержать улыбку было невозможно: он прижался к моему боку, требуя внимания, словно был не свирепым зверем Черноморья, а обычным щенком с нашей дачи под Хабаровском.

— Тихо, тихо... доброе утро, проказник, — я рассмеялась, когда он, по-пластунски подполз ближе. — Поняла, поняла, утро, и тебе нужно на волю.

При слове «гулять» Вихрь вскочил, замахал хвостом и замер у двери, ожидая меня. На секунду его собачья непосредственность заставила меня забыть о Добрыне. Но стоило

осознанию вернуться, как на плечи лег невыносимый груз. Сердце сжалось от боли, но я знала: я не имею права на слабость.

Накинув плащ, я вышла в коридор. Я не знала, куда идти, с кем говорить, чувствовала себя беспомощной, как птица с подрезанными крыльями.

Добрыня...

Я должна спасти его. Должна разрушить это проклятое Сердце Мироздания. Но как? Черномор никогда не подпустит меня к нему. Любая попытка прокрасться в подземелья — и я сама стану частью этой вечной мумии.

Мне нужен был план. Нужно было выманить Владыку из замка или сделать так, чтобы он не мог мне помешать. Проходя мимо его кабинета, я заглянула внутрь. Он сидел в кресле, глядя на догорающий камин, а у его ног валялась пустая бутылка из темного стекла. Он выглядел... бесконечно несчастным.

Хорошо. Так ему и надо.

— Опять не спишь? — тихо спросила я, замирая в дверном проеме.

Он едва заметно повел плечом, не оборачиваясь: — Нет. А ты?

— Вихрю нужно было выйти.

Он ответил коротким глухим рыком. По крайней мере, мы еще могли разговаривать. Я задержалась на мгновение, изучая его профиль, в котором сквозила такая глубокая, почти

ледяная тоска, что на миг мне стало жутко. Но я отогнала это чувство и пошла вслед за псом.

Во дворе Вихрь, уже сделав все свои дела, носился от одного стражника к другому, выпрашивая игру. Я свистнула, и он примчался ко мне, как ветер. После небольшой игры с палкой ко мне пришла мысль. Безумная, отчаянная, но... других вариантов у меня всё равно не было.

— Пойдем к Елене, — позвала я пса. — Может, у неё найдется что-нибудь вкусное.

Услышав о еде, Вихрь мгновенно забыл о палке и понесся в сторону кухни. Я шла следом, чувствуя, как радость, которую дарил мне этот верный зверь, каждый раз сменяется холодом отчаяния.

На кухне Елена, как всегда, отчитывала пса, но в её голосе слышалась лишь добрая воркотня. Заметив меня, она вытерла руки о фартук, и лицо её дрогнуло.

— Анечка... не принимай близко к сердцу, но выглядишь ты, милая, совсем изможденной.

— Я не спала, — я присела на табурет, чувствуя, как стены кухни давят на меня. — Всё это... это моя вина.

— Глупости, — отрезала Елена, наливая мне ароматный травяной чай. — Виноват этот бесчувственный Владыка. У него в голове пустоты больше, чем в моих горшках.

Я сжала чашку в руках.

— Если бы я промолчала, Добрыня был бы на свободе.

— Если бы ты промолчала, ты бы сейчас сама пылилась

в том подземелье, — Елена поставила передо мной блюдо с пряниками, которыми я тайком поделилась с Вихрем. — Тот витязь всегда искал смерти, это у него в крови.

Я выждала паузу, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Елена... у тебя не найдется чего-нибудь, чтобы крепко уснуть? Я знаю, Черномор мучается бессонницей, наверняка у тебя есть настои?

Она внимательно посмотрела на меня, прищурилась, но вздохнула и полезла на верхнюю полку к заветным мешочкам.

— Есть, но немного. Только чтобы навеять дрему, не больше.

— Это не опасно? — спросила я, принимая маленький полотняный сверток.

— Не то чтобы... но эксперименты с этим я бы не советовала.

Я смотрела на этот скудный мешочек и понимала: этого до обидного мало. Елена права — это лишь слабая дымка, не способная одолеть волю Владыки, если он сам не пожелает поддаться сну. Чтобы усыпить того, кто не знает покоя тысячи лет, нужно нечто куда более могущественное. Истинная сила, заключенная в концентрированном составе, способном погрузить в забытие даже самого Черномора.

Где-то здесь, в его покоях, наверняка хранился запас по-сильнее — тот самый, которым он, должно быть, пользовался сам в свои редкие часы изнеможения. Но как отыскать

его, не вызвав подозрений у стражи? Как проникнуть в сокровенные уголки его личной обители, куда даже тени бояться заглядывать?

Мысль о том, что мне придется искать этот опасный эликсир в самом логове Владыки, вызывала дрожь. Но отступить было поздно. Я понимала: если я найду то, что мне нужно, я получу ключ к его уязвимости. Оставалось лишь решить, готова ли я сделать этот шаг — шаг, который сделает мой план не просто рискованным, а смертельно опасным.

Если я потерплю неудачу, если меня поймают на попытке выкрасть его сокровенное «средство для сна» — последствия будут ужасающими. Но другого пути нет. Сердце Мироздания пульсировало в моей памяти, требуя освобождения, и я была готова пойти на всё, чтобы подчинить себе время, пусть даже ценой собственного спокойствия.

Если только... у меня не будет веского повода оказаться в его спальне.

Был один способ проникнуть в покои Владыки. От этой мысли в животе всё скрутилось в тугой узел. Я спрятала маленький мешочек с сонной пылью в голенище сапога. Обдумывая остальное, когда перестану краснеть до кончиков ушей от одной лишь мысли о задуманном.

— Елена, спасибо тебе, — я тепло улыбнулась кухарке. Если я сумею подорвать Сердце Мироздания, что станет с его ожившими доспехами? Надеюсь, они не развеются прахом... я очень на это надеюсь.

Прихватив с собой пару пряников, я покинула кухню. Сонная пыль — лишь часть уравнения. Мне нужно, чтобы Черномор был выведен из игры хотя бы на час. Значит, мне потребуется подсыпать порошок в его еду или питье. Главное — чтобы он не почувал горечь.

Первый шаг — решиться на отчаянный поступок — требовал железной воли. Второй — подготовить сосуд для «отравленного» угощения — я могла начать уже сейчас.

Ведь был один способ, гарантирующий мне вход в его покои.

Воспоминание о том, как его губы касались моих во время нашей последней тренировки, заставило сердце пропустить удар. Ночь в его спальне... наши занятия уже дали мне понять, что ждет меня там. Живот скрутило от предвкушения, в котором страха было меньше, чем... чего-то иного. На секунду я усомнилась в собственном рассудке.

Но я знала: я хочу его. И это влечение было взаимным, я видела это в его глазах. Мы стояли на пороге чего-то большего. Но теперь выбора не осталось: либо я навсегда стану пленницей Сердца, либо уничтожу его. Третьего не дано. И если путь к свободе лежит через предательство моих чувств... пусть будет так.

Когда я вернулась в кабинет, Черномор всё так же сидел в кресле, глядя на огонь. Я подошла и протянула ему пряник.

— Заешь горечь, Владыка. Чтобы голова не раскалялась от вина.

Он взглянул на меня, и в уголках его губ дрогнула тень усмешки. Он взял угощение и послушно откусил кусочек.

— Я пил и побольше, и всегда оставался в здравом уме.

— Охотно верю.

Я опустилась в кресло напротив, в отблески камина. Нам нужно было поговорить, что бы ни случилось дальше.

— Спасибо за заботу, — тихо сказал он. — Я думал, у тебя не осталось ко мне ни капли сочувствия.

— Оно есть у меня для всех, — я покачала головой, видя, как он поморщился. — Я не одобряю то, что ты сделал. Но я понимаю, почему ты считал это необходимым. Просто видеть это... для меня было слишком тяжело.

Он прикрыл глаза. В этот миг он выглядел не как всемогущий демон, а как глубокий старик, на чьи плечи легла тяжесть всех веков Черноморья.

— Спасибо, Аня.

— У меня есть просьба, — произнесла я, поднимаясь с кресла. Взяв лист бумаги и уголёк, я принялась набрасывать контуры того, что мне было нужно. — Раз уж ты можешь повелевать металлом...

Он подошел ближе, движимый любопытством.

— Что это?

— Форма для кексов. У Елены есть свежая черника, а мне ужасно хочется выпечки, — я нарисовала двенадцать ячеек. — Размер примерно такой, — я развела руками.

Он вскинул бровь: — Ты только что видела смерть рыца-

ря, и теперь хочешь готовить?

— Это мой способ справляться с тревогой. Лучше, чем заливать горе вином, — я кивнула на пустую бутылку у его ног.

Он хотел возразить, но промолчал и лишь пожал плечами.

— Как пожелаешь. Чугунная?

— Да, пожалуйста.

Я с замиранием сердца наблюдала, как он протянул руки, и между его пальцами, послушное воле мага, начало расти холодное железо. Настоящая магия. Пусть я сама умею вспыхивать лишь пламенем, но к его силе я никогда не смогу привыкнуть. Через мгновение в его руках была идеальная форма.

— Не понимаю твоей страсти к кулинарии, но — пусть будет так, — он протянул её мне.

— Спасибо, — я улыбнулась. — Обещаю принести тебе кексы, как только они будут готовы.

— Буду ждать, — его взгляд, полный нежности и надежды, на миг пронзил моё сердце острой болью.

Если бы он только знал.

Но очень скоро он узнает — если мой план удастся. Я вышла из кабинета, боясь, что голос предательски дрогнет. Осталось дожидаться ночи. Я вернулась в свою комнату, мечтая лишь провалиться в сон до самых сумерек. Вихрь устроился рядом, свернувшись клубком, и я зарылась лицом в его теплую шерсть.

Один вопрос эхом отдавался в моей голове: *Смогу ли я это сделать?*

Я металась по своей комнате, собираясь с духом. Ужин давно завершился, витязи, должно быть, уже погрузились в сон. А Владыка... если мне улыбнется удача, он сейчас в своих покоях.

Если нет — придется ждать следующей ночи. Но я не была уверена, что смогу решиться на это снова. То, что я замышляла, казалось предательством, грехом, мерзостью. Я чувствовала себя так, будто пускаю в ход всё самое злое, что было во мне, чтобы обмануть его. Но остановить его было необходимо. Сердце Мироздания должно пасть.

Если бы я его ненавидела, было бы проще. Но проблема была в том, что... я тянулась к Черномору. Я искренне заботилась о нем, видела в нем не только тирана, но и одинокую душу, запертую в железных оковах бессмертия. Если бы наши миры были другими, если бы не было этого проклятого долга, я могла бы представить нас вместе. Эта мысль — о том, как я пытаюсь устроить пикник для этого угрюмого повелителя тьмы — вызвала у меня невольную улыбку. Но это будущее никогда не настанет.

Я должна предать его, чтобы спасти Черноморье. Чтобы спасти те тысячи душ, что томятся в Сердце Мироздания. Глубоко вздохнув, я надела свое самое красивое платье, накинула на плечи легкую шаль и, погладив Вихря, велела ему

оставаться на месте. Последнее, что мне было нужно — чтобы преданный пес помешал мне в этот... личный момент.

Было за полночь, когда я подошла к дверям Владыки. Стражники по обе стороны от входа замерли, словно изваяния, лишь их взгляды проследили за мной. Я старалась держать голову высоко, хотя чувствовала, как щеки заливают жар.

— Нужно ли мне объяснять причину моего прихода? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Стражники лишь переглянулись и отвели глаза. Стало ясно: останавливать меня они не станут. Тихонько отворив дверь, я шагнула внутрь и заперла её за собой. Покои были огромными, напоминая зал дворца из старых сказок. Стены украшали искусные росписи, изображавшие битвы былых времен, а в камине, освещая комнату призрачным светом, металось пламя.

Черномор сидел в глубоком кресле, подперев голову рукой, и неотрывно смотрел на огонь. Он не обернулся, когда я вошла. Я могла бы просто подсыпать сонный порошок и улизнуть, но стража непременно донесла бы ему, что я не задержалась у него ни на миг.

Я сбросила туфли и босиком, по ковру, подошла к нему. На миг я замерла, любуясь его профилем. Владыка был подобен статуе, высеченной из металла и самого времени — мощные плечи, волевой подбородок, холодная, пугающая грация.

Он почувствовал моё присутствие и едва заметно повернул голову. Я робко коснулась его волос, пропуская пряди сквозь пальцы. Он резко перехватил мою руку, его пальцы — холодные, твердые — сжались на моем запястье.

Я вздрогнула. В его синих глазах, вспыхнула ярость, которая тут же сменилась глубоким замешательством. Я не стала вырываться. Я просто смотрела на него в мерцающем свете камина. Он медленно отпустил мою руку, словно не веря, что я действительно здесь.

Я осторожно опустилась на его колени, обнимая за шею. Его взгляд, пронзительный и встревоженный, искал ответ в моих глазах, и в этой глубине я видела не только жажду, но и немой вопрос.

Мы не произнесли ни слова. Слова были не нужны. Я прильнула к нему, и этот поцелуй был сначала робким, почти вопрошающим, но он ответил на него с той неистовой силой, на которую способен лишь тот, кто истосковался по теплу за тысячи лет одиночества. Его рука легла мне на затылок, притягивая ближе, и в этот момент весь мир перестал существовать. Не было ни предательства, ни Сердца Мироздания, ни моей миссии — только мы двое в тишине этой ночи.

Он бережно, почти благоговейно, коснулся шнуровки моего платья. Я чувствовала, как дрожат его руки, несмотря на всю его демоническую мощь. Когда ткань соскользнула, открывая плечи, он на секунду замер, словно боясь коснуться чего-то настолько хрупкого. В его глазах отразилось нечто

такое, что заставило моё сердце сжаться: нежность, которую он, вероятно, не позволял себе чувствовать целую вечность.

Я отдалась этому моменту целиком, утопая в его близости. Когда он поднял меня и перенес к кровати, я чувствовала себя так, будто мы оба — скитальцы, нашедшие друг друга посреди вечной зимы. В его объятиях я чувствовала себя свободной от всего, даже от собственной лжи.

После того как буря страсти утихла, оставив нас в тишине полумрака, он притянул меня к себе, укрывая тяжелым одеялом. Он положил голову мне на грудь, и я гладила его по темным волосам, чувствуя, как его дыхание становится ровным.

Я знала, что он почти не спит. Но я надеялась, что сегодня его сон будет глубоким.

Я лежала, прислушиваясь к каждому звуку, чувствуя тяжесть его руки на своей талии. Когда я убедилась, что Владыка забылся коротким, тяжелым сном, я прикрыла глаза. Слеза, горячая и горькая, скатилась по моей щеке.

Смогу ли я когда-нибудь простить себя за то, что сделаю завтра? Ведь прямо сейчас, в тишине его покоев, я поняла страшную вещь: я любила его. Но я знала — завтра я всё равно нанесу удар. Потому что в Черноморье нет места для любви, когда на кону судьбы тысяч душ.

Глава 10

Анна

Я ждала часами — казалось, целую вечность, — лежа неподвижно и прислушиваясь к каждому вздоху Владыки. Черномор спал чутко, как хищник, и лишь когда он наконец тяжело перевернулся на спину, я решилась пошевелиться. Стараясь не издать ни звука, я выскользнула из-под тяжелого покрывала.

Мои ноги ныли от непривычной усталости. Ночь с ним... она была подобна сну, в котором нет места теням, но сейчас реальность обрушилась на меня с удвоенной силой. Я могла бы прямо сейчас бежать к Сердцу Мироздания, попытаться уничтожить его, пока он в забытии, но я не знала, почувствует ли он магический удар по своему творению. Мне нужно было время. Много времени, которое могла дать лишь эта сонная пыль.

подавив в себе вспышку стыда, я принялась обыскивать комоды. Руки дрожали, но я заставила себя двигаться методично. Наконец в одном из ящичков, среди свитков и печатей, я нашла то, что искала: кожаный мешочек, в точности такой же, как у Елены. Достав свой из сапога, я сравнила их. В обоих была пудра, напоминающая сахар, с едва уловимым лазурным отливом. Это была она. Я пересыпала львиную долю его порошка в свой сверток, плотно затянула шнурок и вер-

нула его на место, постаравшись придать всему первозданный вид.

Вернувшись в постель, я легла на самый край, стараясь не разбудить его. Но Черномор, не просыпаясь, крепко обнял меня, притягивая к своей груди, словно защищая от всего мира. Его тело было твердым, как скала, и теплым — в этот момент он казался не демоническим владыкой, а живым человеком. Я прижалась щекой к его плечу, закрыла глаза, стараясь запомнить этот миг — стук его сердца, который я скоро, возможно, обреку на вечную тишину.

Мысли кружились в голове, как метель над Хабаровском, но в конце концов усталость взяла свое. Я уснула в его объятиях.

Я знала: после этого дня всё изменится. И я понимала, что эта ночь — последняя, когда я могу позволить себе быть слабой. Больше такой возможности у меня не будет никогда.

Владыка Черноморья, Черномор

Я проснулся от непривычного ощущения тепла, разлитого по моим покоям. В моих объятиях спала Аня. Её пепельные волосы рассыпались по подушке, словно тончайший шёлк, в котором при каждом движении оживали блики холодного, призрачно-голубого пламени. Она лежала ко мне спиной, прижавшись так доверчиво и беззащитно. Невероятно тёплая. Настоящая. Моя маленькая «Искорка», дитя стихий, чья суть противоречит моей ледяной природе.

Я долго смотрел на неё, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть этот сон. Неужели она действительно пришла ко мне сама? Преодолела страх и... выбрала меня? В моей груди, там, где веками была лишь холодная сталь, отозвалось странное, почти болезненное эхо.

Я любил её. Это было пугающее, всепоглощающее чувство, лишаящее меня привычной невозмутимости.

Когда она заворочалась и, приоткрыв глаза, сонно позвала меня по имени, я не сдержался, увлекая её в новый, полный нежности поцелуй. В утренних лучах, пробивающихся сквозь витражи, каждое её движение — этот мягкий блеск пепельных прядей, этот танец голубых искорок в её волосах — казалось мне драгоценным даром. Она была подобна вулкану, спящему под слоем льда, и я — впервые за многие века — позволил себе роскошь быть терпеливым, наслаждаясь каждым мгновением нашего единения. В этом было столько жизни, столько света, что я готов был остановить само время, лишь бы этот миг длился вечно.

Мы дышали в унисон, утопая в тишине и в том редком блаженстве, которое доступно лишь тем, кто обрел покой в объятиях друг друга.

— Пойду за завтраком? — прошептала она, когда дыхание наконец выровнялось. — Приготовлю кексов. Может, придется задержаться.

Я лишь одобрительно кивнул, не в силах разомкнуть губы и разрушить эту магию голосом. Я лежал, заложив руки за

голову, и смотрел, как она одевается. Она двигалась немного неуверенно, походка её была подрагивающей — зрелище, которое наполнило меня чувством гордости, почти собственническим, но бесконечно теплым.

— Жду, — наконец отозвался я, когда она уже была у двери.

Она рассмеялась, обернувшись на пороге, и вышла.

Я остался лежать, глядя в высокий потолок с довольной, почти блаженной улыбкой, на которую, как я был уверен, не был способен. Впервые за тысячелетия я не думал о государственных делах, о неугомонном Ратмире или о том, как удержать баланс в Черноморье.

Может быть, будущее — это не только лед и камни. Может, в моей судьбе, как в старой сказке, еще найдется место для чего-то, что не превращается в пыль.

Анна

Я принялась за дело, но вскоре столкнулась с досадной истиной: привычных мне пекарских хитростей в этом мире не существовало. Ни разрыхлителя, ни соды. Понадобилось несколько попыток, чтобы приспособиться к местным продуктам. Моя последняя партия — те самые кексы с добавлением сонного порошка — вышла на удивление ладной. Внешне они почти не отличались от тех, что пекла мама, разве что текстура была чуть плотнее.

Разложив выпечку в корзину, я бережно заметила тот

самый кекс, предназначенный для Владыки. Сердце колотилось в горле. Лишь бы не перепутать! Лишь бы никто другой случайно не отведал угощения и не уснул посреди коридора.

Внутри всё сжималось от противоречий. Мы только что провели ночь вместе, и я чувствовала, как между нами прорастает нечто хрупкое, почти неземное. Но стоило закрыть глаза, как перед взором вставал Добрыня, поглощаемый холодным сиянием Сердца Мироздания. Это видение придавало мне сил.

Я нашла Черномора в одном из его кабинетов. Он склонился над столом, освещенный резким светом свечей, и задумчиво постукивал пером по виску. Даже в такой момент он казался пугающе величественным. Подойдя ближе, я достала кекс и положила на край стола.

— Они хороши, пока теплые, — голос прозвучал тише, чем хотелось бы.

Он одарил меня улыбкой, в которой сквозила редкая, почти детская радость — подарок, которого он явно не ожидал. Этот взгляд полоснул по душе острее клинка.

— Теперь я понимаю, для чего была нужна та странная чугунная форма, — заметил он, изучая выпечку.

— Именно. У нас не принято использовать бумажные вкладыши, если печь в настоящем чугуне, — я отломил кусочек своего кекса, чувствуя, как дрожат пальцы.

Он откусил угощение. Я затаила дыхание. Сколько времени нужно порошку? Действительно ли я взяла то, что нужно?

— Изумительно, Аня. Тебе нравится стряпать?

— Очень. Может, я освобожу Елену от кухонных забот пару раз в неделю? Приготовлю что-нибудь этакое... по-флотски, например.

Я тараторила без умолку, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Владыка доел кекс и довольно смахнул крошки с ладоней.

— Не знаю, что такое «по-флотски», но предвкушаю знакомство с этим блюдом. Спасибо, Аня. Это было чудесно.

— Ты мне льстишь, — выдохнула я.

— Едва ли, — он притянул меня к себе, обнимая за талию. — Если бы я хотел польстить, я нашел бы слова куда более витиеватые. Я... — он внезапно замолчал, моргнув, и потер глаза рукой.

Подействовало. Я попятилась.

— Ты выглядишь изнуренным. Может, тебе стоит отдохнуть?

— Я... — он глухо прорычал и смежил веки. Его подозрительность была легендарной, и он слишком быстро сложил всё в единую картину. — Аня... что ты натворила?

— Прости меня, — я сделала ещё шаг назад. — Мне правда очень жаль.

Он попытался встать, но колени подвели его. Он тяжело осел, опираясь на стол. Я ожидала ярости, но он вдруг тихо засмеялся.

— Сонное зелье. Хитро, Аня. Очень хитро. Взяла с моего

столика? Хорошая игра. Я не думал, что ты... — он застыл, — решишься на предательство так скоро. И всё же... мне почти отрадно. Я ненавижу, когда мои надежды рушатся слишком быстро.

Он попытался сделать шаг ко мне, но пошатнулся, едва удержавшись за стул. Его веки тяжелели.

— Я не хотела. Правда не хотела. Но я не могу иначе. Прости.

Он не договорил. Тяжело рухнув на пол, Черномор затих, погрузившись в глубокое забытие.

Я сжала губы, чувствуя себя последним человеком на земле. Соорудив из подручных подушек и пледа подобие постели, я бережно укрыла его. «Прости», — прошептала я, зная, что он не слышит.

Я уже хотела уйти, но чья-то рука молниеносно сомкнулась на моей лодыжке. Я вскрикнула, отпрянув в сторону, и увидела, как его глаза в полубреду закатились, прежде чем он снова провалился в сон.

— Черт! — я выждала момент, но он больше не шевельнулся.

— Должен признать, это было эффектно.

Я подпрыгнула от неожиданности. На столе, сердито виляя хвостом, сидел Кот Баюн.

— Перестань меня пугать! У меня и так нервы на пределе! — я выдохнула, пытаюсь успокоиться. — Но раз ты здесь... води.

Мы пробирались по коридорам, прячась от стражи. Вскоре путь преградили два доспеха, замерших у входа в подземелье.

— Я... э-э... мне нужно вниз, — выдавила я, чувствуя, как нелепо это звучит.

Они синхронно скрестили алебарды, перекрывая проход. Баюн лишь презрительно фыркнул. Я глубоко вздохнула.

— Я иду уничтожить Сердце Мироздания. Владыка спит, он не будет винить вас. Я не хочу причинять вам вред, — я подняла руку, и в ней вспыхнуло пламя, — но, если придется — я это сделаю.

Они помедлили, переглянулись, и их оружие опустилось. Надежда, маленькая и робкая, ожила в моей груди. Может, у меня получится? Может, я вернусь домой?

Мы спустились в мрачные глубины, пока не оказались перед массивными железными воротами без ручек.

Я подошла к ним и выдохнула. Никаких ручек. Владыка просто делал жест рукой, и они послушно отворялись. В этом был его стиль. Попытавшись нащупать хоть какую-то зацепку, чтобы сдвинуть их с места, я лишь бессильно охнула — ни с места.

— Придётся расплавить их, глупая, — проворчал Баюн, усевшись в паре метров от меня, обернув хвост вокруг лап.

— Я знаю, но решила, что стоит хотя бы попробовать, — я вздохнула. — Не важно. Почему ты всегда такой невыносимый?

— Я невыносим по натуре. Смирись.

— Надеюсь, мне не придется терпеть это долго, — я сбросила плащ и стянула сапоги. Не хотелось сжечь их в пылу битвы. Встав перед дверью, я размяла плечи, словно готовясь к марафонскому забегу. — Ты ведь сдержишь свое слово? Отправишь меня домой, как только с этим будет покончено?

— Да.

Я сверкнула на него глазами.

— Я сказал «да», чего тебе еще? — он фыркнул. — Давай уже, действуй.

Ворча, я размяла шею и зажмурилась. Пламя окутало меня, словно теплое одеяло. Я хихикнула: до сих пор это казалось чем-то невероятным. Посмотрев на свои ладони, я увидела, как они полыхают — нет, как они сами *стали* огнем. Сосредоточившись, я направила на металл те же потоки пламени, что исходили от меня во время схватки с Черномором.

Огонь ударил в двери, зазмеившись по их поверхности.

— Горячее, Аня, — голос Баюна прозвучал с ноткой беспокойства. — Нужно жечь сильнее.

— Я не знаю... Ой! — я вскрикнула и отскочила. Этот паршивец укусил меня за лодыжку! — Не вынуждай меня пинать тебя, ты...

— Смотри.

Мое пламя больше не было светло-голубым. Оно стало ослепительно-голубым, с чистым холодным отливом. Надо же. Сработало. «Все равно я тебя ненавижу», — подумала

я, снова поворачиваясь к дверям. Нельзя было терять ни секунды. В этот раз, направив жар, я увидела, как металл начал плавиться. Я сосредоточилась изо всех сил, заставляя пламя пылать ярче. Я заставила себя вспомнить всё: как падала с небес, как очнулась в кратере, как страдала, как лгала... как видела муки Добрыни.

Цвет пламени сменился снова, перейдя в неистовый изумрудный оттенок. Двери начали плавиться, медленно превращаясь в лужи раскаленного металла, стекающие на пол.

Не знаю, сколько прошло времени, но, когда проход был наконец свободен, в ушах звенело от усталости. Я выдохнула и согнулась пополам, уперевшись руками в колени.

— Ну вот и всё, — прохрипела я.

— Надеюсь, у тебя еще остались силы. Это было лишь началом, — Баюн уже проскользнул вперед, перепрыгнув через лужи застывающего железа в жутковато светящийся зал.

— Слушай, я знаю, что ты прав, но обязательно быть таким язвительным? — я поплелась следом, едва дыша.

— Да, — он уже сидел у края бассейна с магическими осколками, глядя на огромное Сердце Мироздания. — Приступай, Аня. У нас мало времени.

Я подошла к краю, разминая плечи. Это напомнило мне физкультуру в школе, когда нужно было бежать марафон. Я ненавидела тот урок. И тогда я не справилась. Но сейчас это было неважно.

Хрустнув пальцами, я направила ладони на Сердце и вы-

свободила силу. Я пыталась сосредоточиться, гореть жарче, сильнее. Я должна была расплавить этот артефакт.

Должна.

Я должна.

Иначе — поражение. А поражение означало смерть или вечное заточение. Победа означала свободу для всех, кто был заперт внутри. Для Добрыни. Для возвращения красоты и магии в Черноморье. Мои глаза жгло от пота, дыхание стало коротким и рваным. Мне не хватало воздуха.

Но я не могла проиграть!

Баюн что-то кричал, но я не слышала его из-за гула в голове. Этот звон заглушал всё, даже рев огня, вырывавшегося из моих рук.

Мир вокруг поплыл.

Нет, нет, нет!

Я вложила в пламя всё, что у меня было. Зажмурилась, вскрикнув от напряжения, заставляя свою волю сокрушить Сердце Мироздания.

Мои колени подогнулись. Я рухнула на пол, ударившись ладонями о холодный камень. Огонь погас.

Баюн молчал.

Я приподнялась на коленях, глядя вперед. Может, получилось? Может...

Сердце Мироздания висело на прежнем месте.

Целое.

Дуб оставался незыблем. Ни один лепесток не опал, ни од-

но звено цепи не дрогнуло от моего пламени. Он был совершен в своем безмолвии, в своей вечности, поглощающей время и память. Его ствол, белесый, словно выточенный из самого лунного камня, казался изваянием неземной красоты. Ветви — тонкие, изящные, как руки, застывшие в вечном танце — тянулись вверх, теряясь в мерцающей дымке. На них не было привычной листвы, лишь полупрозрачные цветы, лепестки которых слабо пульсировали, словно бьющиеся сердца тысяч плененных душ. И поверх этой пугающей грации, опутывая ствол и каждую ветвь, намертво врезались в кору тяжелые, древние железные цепи.

Слезы обожгли глаза.

— Мне нужно лишь мгновение, чтобы попробовать снова. Дай мне перевести дух. Я...

Кто-то позади меня начал аплодировать. Медленно. Издевательски.

Мое сердце ушло в пятки.

— Боюсь, этого недостаточно, моя Искорка.

Я вскочила на ноги так быстро, что едва не рухнула снова. В проеме дверей, тяжело опираясь на оплавленные остатки железа, стоял Владыка Черномор. Жар остывающего металла, казалось, вовсе не тревожил его. Он выглядел изможденным, бледным, но в его глазах, отражавших холод далеких звезд, читалось страшное осознание.

Я замерла, понимая: мой план обернулся прахом.

— Никаких оправданий, Аня, — его голос, тихий и лишенный эмоций, прозвучал как приговор. — Ты хотела освободить Добрыню и всех остальных. Ты посчитала мою власть тиранией, которую пора пресечь. — Он горько усмехнулся, потирая лицо рукой, всё ещё отяжелевшей от действия дурмана. — Если бы ты только понимала, какой хаос ты пытаешься выпустить на волю.

— Это не имеет значения, — я дрожала, как лист на ветру. — Я потерпела крах. Теперь ты убьешь меня? Заточишь в Сердце Мироздания вместе с ними?

Он поморщился, словно от невыносимой боли.

— Мне следовало бы сделать это. Владыки Древних миров были бы беспощадны. — Гнев внезапно прорвался сквозь его сдержанность. Он с силой ударил кулаком по остаткам врат, и металл прогнулся под его мощью. — Почему ты не слушала меня?! Почему ты не вняла моим предостережениям?!

Я вскрикнула и попятилась, но он оказался рядом с пугающей скоростью. Ещё шаг назад — и я могла бы сорваться в бассейн, где среди жемчужного сияния возвышался древний дуб. Владыка схватил меня за плечи, притягивая к себе.

Слёзы хлынули из глаз, оставляя дорожки на щеках.

— Мы могли бы... всё могло быть иначе, — прошептал он, и в его голосе прозвучало нечто, похожее на отчаяние. — Скажи мне, Аня, это была ложь? Ты чувствовала хоть что-то?

— Нет! Я просто... прости меня. Мне больно от того, что я причинила тебе боль. Я не хотела предавать, но не могла поступить иначе. Сердце Мироздания должно было пасть, это казалось правильным. Пожалуйста, сделай то, что должен. Покончи с этим.

Он посмотрел на меня с холодной, жестокой усмешкой.

— Ты хочешь увидеть, чем было Черноморье до моего правления? Что ж, Аня, я исполню твое желание.

Он сжал кулак, направленный на дуб-артефакт. Зал содрогнулся, будто от землетрясения. Раздался оглушительный треск — как будто рушились льды вечности. В центре Сердца Мироздания, прямо посередине могучего ствола, пролегла глубокая черная трещина, из которой хлынул ослепительный, опалесцирующий свет.

— Я восстановлю этот мир, — процедил он, притягивая меня к себе. — Душа за душой. Стихия за стихией. Но сначала... я дам тебе фору. Смотри на тот ужас, который ты породила. И моли всех богов, чтобы, когда я найду тебя — а я найду, — моя милость была быстрой.

Он отшвырнул меня прочь, в сторону коридора.

— Беги!

Цепи, удерживавшие дуб, с грохотом лопнули. Молнии вырвались из трещины, круша всё на своем пути. Владыка вскинул плащ, который в мгновение ока превратился в непробиваемый стальной щит, отражая магические разряды. Он стоял, воплощая собой ярость трех миров.

— Беги, моя Искорка!

Я бросилась прочь, не разбирая дороги. Коридоры оглашались гулом рушащихся сводов. Я неслась по лестницам, мимо стражи, чьи лица застыли в немом изумлении, пока не вылетела на балкон, нависающий над бездной.

Позади из окон замка хлынул поток того самого радужного, сводящего с ума света. Земля под ногами заходила ходуном. Взрыва не было — было лишь некое искажение реальности. Мир внутри замка будто сжался, а затем рванул наружу невидимой волной, сметая стены и превращая камень в пыль.

Меня подхватило этим неистовым потоком. Я видела, как рушатся башни Черноморья, как обломки падают в море, бушующий далеко внизу. Меня швырнуло о землю, воздух вокруг исказился, как в жаркий полдень. Я успела лишь вскинуть руки, пытаясь защититься, как на пути возник острый утес.

Удар в висок — и всё погрузилось во тьму.

Владыка Черноморья, Черномор

Я стоял среди обломков того, что еще мгновение назад было моим величием, моим безупречным мирозданием. Сердце Мироздания, опора трех миров, рассыпалось в прах, превратившись в груду безжизненных осколков. Многие из них стерлись в порошок при обрушении сводов, высвобождая заключенную внутри магию, словно ядовитый туман, стелю-

щийся по полу.

Я медленно опустился на колени и поднял один из всё ещё мерцающих осколков. Его свет, холодный и опалесцирующий, напоминал мне о тех временах, когда время не имело власти над моим разумом. Я восстановлю его. Теперь, когда я познал глубину предательства, это не составит труда. Но была проблема посерьёзнее: стихии, доселе томившиеся в неволе, теперь были свободны. И они будут жаждать моей крови. Магия, порожденная моей волей, не могла причинить мне вреда, но человечество... человечество знает тысячи способов умертвить даже того, кто зовет себя Владыкой, если этот способ — сталь, пронзающая плоть.

Я был вечен, но не бессмертен.

Анна. При одном упоминании этого имени в моих мыслях что-то болезненно сжалось. Я должен был уничтожить её сразу, как только она переступила порог моих покоев. Должен был заточить её в темницу, где тьма поглощает даже надежду. Но я позволил себе слабость. Риск, который стоил мне целого мира. Я считал, что мое сердце давно превратилось в холодный гранит, но теперь оно лежало в руинах, вторя разбитому артефакту.

Оставив осколки, я направился к выходу. Мои стражи, ошеломленные, поднимались с пола. Многие из них были искалечены, а некогда роскошный замок превратился в скелет из камня и пыли. Восстановление потребует десятилетий, но у меня не было времени на скорбь.

Я вышел к конюшням, где в испуге сжался Вихрь. Мой верный пес, поджав хвост и прижав уши, смотрел на меня с немим укором. Даже в его зверином сердце нашлось место для этой смертной.

— Иди, — бросил я, указывая в сторону леса. — Она не могла уйти далеко.

Вихрь вильнул хвостом, но в его глазах читалась осторожность. Я едва сдержал гнев. Мне хотелось кричать на него, но животное не поймет всей тяжести содеянного, да и не заслужило оно моих проклятий. Боль от того, что даже мой пес предпочел мне девчонку из человеческого мира, оказалась острее любого клинка.

— Убирайся, — отрезал я, не в силах больше видеть его преданность, направленную не на меня.

Я вернулся в тронный зал, где меня ждали двое оставшихся рыцарей. Ратмир и Пересвет замерли в полном боевом облачении, обмениваясь тревожными взглядами.

— Мой Владыка? — Ратмир выступил вперед, его голос дрожал. — Что произошло?

— Сердце Мироздания разрушено. Стихии свободны, — я призвал свой верный клинок, и он завис в воздухе, источая холодную сталь. — Хаос вернулся в этот мир.

— И... что нам делать? — спросил Пересвет, опасаясь услышать ответ.

Я оглядел полуразрушенный зал, где когда-то царил порядок, и на губах моих заиграла холодная, хищная усмешка.

— Мы делаем то, что у нас получается лучше всего. Мы начинаем войну.

Глава 11

Владыка Черноморья, Черномор

Я скользил высоко над изломанными кронами черного леса на спине своего дракона, отрешенно наблюдая за тем, как волна ослепительного света — морозного, безжалостного, начисто лишённого всякого земного тепла — разливается далеко внизу. Блеклые, увядающие краски мгновенно сменялись неестественным, колдовским сиянием.

Черноморье не было похоже ни на один мир из тех, что мне довелось покорить или удерживать в узде. Это место обладало хрупкой, почти болезненной красотой.

До тех пор, пока его вновь не разрывали на части войны и безумие.

Эта зыбкая тишина и призрачное величие продлятся лишь до тех пор, пока мятежные стихии не переведут дыхание, чтобы снова броситься в братоубийственную резню. Я нанесу удар первым. Прежде чем они успеют опомниться, прежде чем старые обиды и прогнившие союзы вновь поднимут головы из пепла.

Огромный чешуйчатый зверь лениво описал плавный круг, уходя выше по восходящим потокам воздуха. В застывших вечностью владениях внезапно шевельнулось чуждое, нежеланное тепло.

Я отпустил Аню. Я не удостоил своих стражей ответа, ко-

гда они посмели допытываться, почему та, что совершила дерзкое предательство, всё ещё дышит. Причина была чиста и прозрачна, как горный лед. Но произносить её вслух не было ни малейшего желания. Я даже перед самым страшился облекать это в слова.

Я любил её.

И обречь её на гибель — или запечатать в холодном Сердце Мироздания — значило бы уничтожить ту последнюю трещину в груди, где ещё теплилось нечто похожее на душу. Её измена обожгла меня сильнее любого клинка. Но видеть, как она сгорает в пожаре этого мира... Это стало бы моим собственным концом.

К счастью, теперь мои мысли были заняты другим. У меня появилась забота куда важнее, чем капризы дерзкой смертной девчки.

Где-то там, в изнанке миров, пробудилось древнее зло. Существо, способное обратить в пепел все живое, вырвалось на свободу, и его необходимо было остановить любой ценой. Огнедышащий демон, Царь Пепла, вновь бродил по земле. Куда именно бежал этот монстр, мне еще предстояло узнать. Но я знал одно: истинное чудовище на свободе.

Царя Пепла нужно было отыскать и сокрушить. Иначе этот мир сгорит дотла еще до того, как я успею спасти его во второй раз.

Оставалось лишь надеяться, что Аня окажется достаточно разумна и не столкнется с этим исчадием хаоса. Сама мысль

об этом заставляла мои пальцы сжиматься до боли в суставах, а челюсти — сводить судорогой.

Царь Пепла будет найден. И лишь после этого я позволю себе обратить взор на все остальное.

Мне придется на время отложить расплату с Аней. Но вопрос о том, как поступить с этой девчонкой, неизбежно встал бы вновь.

Я мог бы попытаться запереть её рядом с собой, как и планировал с самого начала. Превратить её в пленницу собственного замка. На этот раз — без права на пощаду, в тяжёлых оковах из вороненой стали.

Она уже однажды швырнула мою заботу мне в лицо, наотрез отказавшись верить, что я способен удержать рассыпающееся мироздание. Она упорно желала видеть во мне того безжалостного тирана, о котором слагали черные легенды.

Я горько и холодно усмехнулся. Что ж. Если ей так хотелось, чтобы я играл роль жестокого владыки, я с легкостью исполню её желание. Где-то на самом дне остывающего сердца я знал: я все равно сделаю то, чего потребует она. Даже если это разрушит нас обоих.

Я — Владыка Черномор, скованный железной волей Демон трех миров.

И Сердце Мироздания вновь зажжется в моих руках.

Беги Аня.

Беги так далеко и долго, как только хватит твоих смертных сил.

Потому что, когда я настигну тебя...
Ты будешь принадлежать только мне.

Анна

Просто невероятно. Настоящая злая шутка судьбы, сошедшая со страниц волшебных сказаний.

Ещё недели две назад — если не меньше — я сидела на даче под Хабаровском, на старой скрипучей лавочке, и жаловалась своему вредному коту на то, как мне опостылела эта серая, унылая жизнь. Я бы всё тогда отдала за хоть какое-нибудь приключение, за шанс увидеть хоть что-то за пределами того забора. И вот дождалась. Желания имеют свойство сбываться самым жестоким образом.

Поднимаясь с холодной земли, я глухо застонала от боли. Как же мне осточертело приходить в себя в каких-то канавах и незнакомых местах. Обычно после того, как моя жизнь трещит по швам. Логично, впрочем, люди редко просыпаются в грязи оттого, что провели вечер слишком весело.

Понадобилась целая вечность, чтобы восстановить в памяти события этой безумной ночи. Владыка Черномор уничтожил Сердце Мироздания в вспышке слепой ярости. Я бросилась в чашу. Ослепительная волна чудовищной силы, удар — и вот результат. Тело ныло так, будто меня пропустили через жернова. Взрывная волна швыряла меня о стволы вековых деревьев, словно случайную щепку, пока я окончательно не впечаталась плечом в замшелый валун.

Шатаясь, я поднялась на ноги и прижалась ладонью к шершавой коре гигантского дуба, чтобы не рухнуть снова. Осторожно коснувшись виска, я поморщилась от резкой боли.

— Мы можем прекратить использовать меня в качестве боксерской груши? — пробормотала я в пустоту. — Было бы неплохо. Очень даже мило с вашей стороны.

Кому я жаловалась? Окружающим теням? Да мне уже было все равно.

Мимолетный порыв ветра разогнал серую завесу туч, и ослепительный, почти неестественный солнечный луч пробился сквозь густую листву, вмиг ослепив меня. Я прикрыла глаза ладонью, пытаясь проморгаться и сфокусировать зрение.

И тут же задохнулась от изумления.

Мир вокруг неузнаваемо преобразился. Черноморье было совсем не таким, каким я видела его всего пару часов назад. словно чья-то невидимая рука резко выкрутила настройки яркости и насыщенности на максимум, оживив каждую травинку. Лес больше не казался мертвым и угрюмым, усыпанным прелой листвой. Он расцвел в полный голос, погрузившись в буйную, торжествующую весну.

Воздух был густым, медовым, напоенным ароматами диких цветов и озона. Где-то в вышине звонко и беззаботно заливались птицы, а кроны деревьев пестрели всеми оттенками изумрудного. Некоторые ветви ломились под тяжестью розовых и лиловых соцветий, и нежные лепестки кружились

в воздухе, падая на землю мягким, благоуханным снегом.

Трава, еще недавно казавшаяся сухой и безжизненной, теперь упругим ковром зеленела под ногами, лаская слух шелестом.

Я стояла с приоткрытым ртом, ошеломленно озираясь по сторонам. Над головой пролетали диковинные птицы с оперением экзотических цветов, переливавшихся на солнце всеми радужными оттенками. От этой первозданной красоты захватывало дух.

Неужели таким Черноморье задумывалось изначально? Неужели именно это величие все эти века удерживал в ледяной узде Черномор?

Это казалось не просто красивым — это был настоящий земной рай, сошедший с полотен древних сказок.

Я осторожно ступила вглубь леса, замороженная каждым мгновением. Глаза разбегались от изобилия: нежные орхидеи соседствовали с диковинными цветами, а в воздухе порхали крошечные, сверкающие насекомые, похожие на сказочных колибри.

Я замерла, наблюдая, как одно из таких существ приблизилось к странному шаровидному кусту с мясистыми, сочными листьями.

В ту же секунду из густой зелени с сухим щелкающим звуком молниеносно выметнулся длинный розовый язык и прямо в воздухе схватил блестящую букашку. Звук напоминал лягушачье кваканье, только в стократ громче. Я моргнула.

Язык был огромным — добрых полметра в длину. Поддавшись чистому детскому любопытству, я сделала пару шагов вперед, наклоняясь ближе, чтобы разглядеть таинственного обитателя зарослей.

И только когда моя тень упала на растение, меня прошиб ледяной пот. Никакого зверя внутри не было. Куст *и был* зверем.

Каждый толстый листик на этом удивительном создании внезапно зашевелился, разворачиваясь и являя миру сотни ярко-зеленых выпуклых глаз на тонких стебельках.

Издав тонкий писк от неожиданности, я рухнула на задницу прямо в траву. Глазастый куст смотрел на меня со всех сторон, синхронно и хаотично моргая. Каждое мгновение, когда веки смыкались, растение искусно маскировалось под обычную листву, а в следующее — вновь распахивало жутковатый веер зорких зрачков.

Он походил на диковинного морского ежа, усыпанного глазами на ножках.

И это чудо во все глаза рассматривало меня.

Я сглотнула подступивший к горлу ком, медленно поднимая руки ладонями вперед в успокаивающем желанном жесте.

— Эй, дружок... Тихо. Прости, я не хотела вторгаться в твое личное пространство. Мы же друзья, правда? Мир?

Стебельки задрожали, веки стали медленно опускаться, пока куст вновь не принял безобидный, хотя и подозритель-

но округлый вид. Опасаясь поворачиваться к нему спиной, я на ватных ногах отступила назад, а затем поспешила уйти прочь, стараясь больше не испытывать судьбу. Лес жил своей удивительной, непостижимой жизнью, и мне оставалось только смириться с этим.

Вскоре тропинка привела меня к зеркальной глади лесного озера. Затаив дыхание, я присела на корточки у самой кромки воды и уставилась на то, как под поверхностью проносятся огромные, мерцающие силуэты. Похожие на рыб, они были слишком велики для этого крошечного водоема, но казалось, их это ничуть не заботило. Более того — время от времени они буквально растворялись в воздухе на секунду, чтобы появиться в другом конце пруда.

Телепортирующиеся волшебные рыбы.

До чего же абсурдно и прекрасно.

Я долго сидела на прогретом солнцем берегу, зачарованно наблюдая за этими подводными искрами, пока не поняла, что засиделась. Нельзя же вечно прятаться в чаще. Нужно двигаться дальше, искать какой-то выход, хоть какое-то подобие цивилизации.

И от этой простой мысли мои мысли тут же, предательски и неотвратимо, свернули к Владыке Черномору.

Сердце пропустило удар и заняло глухой, тянущей болью. Я обхватила себя руками за плечи, растерянно глядя в сторону его недоступного замка, возвышающегося над кронами.

Правильно ли я поступила? Или мой отчаянный поступок

навсегда обрек этот хрупкий мир на новую войну? А может, я действительно подарила Черноморью второй шанс? Ответ на этот вопрос мог дать только безжалостный бег времени.

Но в одном я была уверена абсолютно. Как бы безумно это ни звучит, сейчас я бы всё отдала за то, чтобы оказаться рядом с ним. Услышать его холодный, обволакивающий голос, попросить совета. Он всегда знал, как поступить. Он всегда держал все нити этого мира в своих железных руках.

Жаль только, что после всего случившегося мы вряд ли сможем поговорить по душам. И я вовсе не винила его за это. Я предала его доверие, обманула, подсыпала порошок в кекс...

Если подумать, сейчас он наверняка жаждет разорвать меня на части собственными руками. Или запереть в таких темницах, о которых не смеют слагать легенды. Хотя что может быть хуже ледяного плена в Черноморье? Наверняка он придумал бы что-то поистине изощренное.

Тяжело вздохнув, я отвернулась от блестящей глади озера и зашагала в противоположную сторону. Прочь от его крепости. Прочь от навороченного мной хаоса. Прочь от человека, чье холодное сердце я умудрилась растревожить своей нелепой смертной любовью.

Внезапно ветки над головой зашуршали. Я резко замерла, поднимая голову.

На толстой ветке устроилась крупная ящерица размером с добрую игуану, но отливающая пронзительным бирюзовым

цветом, словно драгоценный камень. Вдоль её спины шел гребень из острых серебристых шипов, которые в следующее мгновение воинственно поднялись дыбом, а затем опали — видимо, предупреждая меня о нарушении границ. Раздвоенный черный язык на миг высунулся из пасти, пробуя воздух на вкус.

Я невольно улыбнулась, чувствуя странное тепло в груди.

— Приветствую тебя, страж лесной. Хотя «малышом» тебя назвать язык не повернется.

Ящерица склонила голову набок, разглядывая меня огромным фиалковым глазом — умным, настороженным, почти человеческим.

— Ты забавный, — тихонько усмехнулась я.

В ту же секунду ящерка бесшумно шмыгнула в листву, растворившись в чаще. И меня накрыло. Одиночество ударило под дых с силой скорого поезда.

Вдруг мне до безумия захотелось рассказать Черномору об этой удивительной ящерице и глазастом кусте. Захотелось, чтобы он взял меня за руку и показал все тайные тропы Черноморья — такого, каким оно должно быть. Настоящего, живого, цветущего.

Таким, каким оно было до того, как он разрушил его... или до того, как спас. Черт побери, в этой бесконечной сказке правда черта с два разберешься, кто здесь герой, а кто демон.

— Эх... — я тяжело вздохнула. — Интересно, сколько

ещё топать до хоть какой-нибудь живой души? Надеюсь, местные окажутся гостеприимными. Или это слишком роскошный запрос для человека, провалившегося сквозь изнанку миров?

Ответ не заставил себя долго ждать. Пройдя с добрую сотню шагов по петляющей лесной тропинке, я наконец услышала хруст веток за спиной.

Ну, почти.

— Ты куда это собралась, неугомонная? — раздался за спиной знакомый, но до жути ворчливый баритон.

Я резко обернулась и удивленно моргнула. Голос я узнала мгновенно, но мужчина, стоявший передо мной, не имел ничего общего с тем вредным котом с одним слепым глазом, к которому я успела привыкнуть. Передо мной стоял крепкий мужик ростом под метр девяносто. Его кожа была покрыта глубокой сеткой морщин и характерным загаром — точно так же выглядели пожилые деревенские мужики на моей родине, отпахавшие не один десяток лет под палящим солнцем и ветрами. Седая борода с черной проседью торчала в разные стороны, а левую сторону лица уронил длинный, безобразный шрам. Глаз под ним был подернут молочной белизной и явно ничего не видел.

Вид у него был настолько пропито-красноречивый и злой, будто он только что простоял три часа в очереди за пенсией и теперь готов был разнести этот мир в щепки.

Мать честная.

Я опешила, уставившись на него во все глаза.

— Кот Баюн? Это... ты? Да ладно!

— А кто же еще, по-твоему? — он закатил свой единственный уцелевший глаз с таким выражением, что сразу стало понятно: перед нами все тот же невыносимый характер.

— В смысле? — растерянно забормотала я, судорожно пытаюсь сообразить, что к чему. — Я думала... — Честно говоря, после всех этих кульбитов с пространством я даже не проверила, осталась ли во мне хоть капля той дикой магии. Бросив быстрый взгляд на прядь волос, упавших на плечо, я поняла — да, искра на месте. Просто от видов этого безумного, проснувшегося после спячки мира голова шла кругом, и мне было не до того. — Погоди-ка. Разве всё это заклинание не должно было вернуть тебе твой кошачий облик? Почему ты вдруг застрял в теле человека?

Судя по тому, как перекосилось его и без того суровое лицо, план явно пошел по самому худшему сценарию. Мои плечи виновато опустились.

Кот Баюн — или кто бы он теперь ни был — скривился, как от зубной боли: — Хватит болтать. У нас уйма работы, некогда языками чесать.

Он развернулся и решительно зашагал прочь по тропинке.

— Эй, погоди! Куда мы вообще направляемся? — я пошла следом, стараясь не отставать.

— Неважно.

— Но хоть убей, объясни, что мы здесь делаем?

— Неважно, я сказал.

Я резко остановилась посреди тропы, скрестив руки на груди и уставившись на его широкую спину.

— Послушай, я между прочим ради тебя разрушила Сердце Мироздания! Мне кажется, я имею право хотя бы на пару объяснений, а не на это твое партизанское молчание.

Он издал такой тяжелый, надрывный вздох, от которого, казалось, завяли ближайшие ландыши, и нехотя повернулся ко мне лицом.

— Во-первых, ты ничего не разрушала, героиня недобитая. Сердце Мироздания разнес Владыка Черномор в порыве чистейшей ярости. А во-вторых, ты спасала не меня, ты спасала своего ненаглядного Витязя Добрыню! — Имя местного рыцаря он выплюнул с таким избыточным драматизмом и в то же время с такой нескрываемой тошнотой, что мне почти стало совестно. Почти.

— И с места не сдвинусь, пока ты мне толково не растолкуешь, что здесь творится и какого черта происходит!

Кот Баюн, то есть мужчина, закатил глаза к небесам, беззвучно моля всех космических богов о терпении.

— Я могу рассказать тебе всё по дороге? Мы теряем драгоценное время! Если мы сейчас же застрянем здесь на месте, нас в два счета поймает Черномор со своими чопорными стражниками, и тогда мало не покажется.

Звучало, увы, чертовски убедительно. Я вздохнула: —

Ладно, уговорил.

— Прекрасно. — Он резко повернулся и вновь зашагал в чащу. — А теперь заткнись и просто следуй за мной.

Господи, как же я ненавидела этого кота. То есть... человека. Короче говоря, это исчадие вредности в человеческом обличье.

— Слушай, а можно чуть помягче? Хотя бы каплю вежливости для дамы, застрявшей в лесной глуши? Пожалуйста?

— Нет.

Что ж. По крайней мере, это точно был он. В этом упрямом «нет» угадывался весь его неповторимый шарм. По крайней мере, в одном можно было не сомневаться: скучать в его компании мне точно не придется.

Витязь Добрыня

Я и сам не понял, сколько времени блуждал в беспмятстве, прежде чем ко мне впервые вернулось осознание собственного я. В давние дни, когда я ещё носил смертную плоть, под моим началом служил один солдат — бедняга страдал лунатизмом и вечно норовил куда-то уйти во сне. Тогда меня забавляло это странное свойство человеческой природы, и тайком разбирало любопытство: каково это — двигаться вперед, не ведая ни целей, ни преград?

Теперь я знал ответ на этот вопрос.

Я шел по узкой, заросшей сочной травой тропинке, петлявшей сквозь залитую светом лесную чащу. На мгновение

замерев, я запрокинул голову к небесам, наблюдая, как золотистые лучи мягко струятся сквозь изумрудную шапку ветвей. Тихонько рассмеявшись от переполнявшего меня суеверного неверия, я яростно протер глаза ладонью. Неужели всё ещё сон? Неужели долгие века заточения в проклятом Сердце Мироздания окончательно лишили меня рассудка?

Окружавший меня мир казался поистине сказочным — ослепительно прекрасным, до щемящей боли в груди. От этого великолепия захватывало дух, заставляя легкие работать на пределе. Хотелось плакать — то ли от бешеной радости, то ли от наконец-то обретенного облегчения. Вселенная исцелилась, залечила свои вековые раны... или же всё это было лишь плодом моего больного, сошедшего с ума воображения? Честно говоря, сейчас мне было абсолютно всё равно.

Если это безумие — пускай. Я охотно приму его взамен того кошмара, что мне довелось пережить.

Меня вновь передернуло от жутких воспоминаний: леденящая душу пустота, абсолютный, звенящий мороз. Звуки, некогда бывшие лишь тихими шепотками, в лоне артефакта превратились в оглушающие, сходящие с ума крики других узников — тех, кто застрял рядом, но навеки остался чужим и отрезанным от мира. Толпа несчастных, окруженная со всех сторон безмолвием, и при этом чудовищно, невыносимо одинокая.

Неужели хрупкая Аня и вправду преуспела? Или я провел

в этой ледяной ловушке тысячелетия, дожидаясь гибели самого Владыки Черномора?

Время потеряло всякий смысл. Память сохранила лишь ощущение разрываемой наотмашь плоти, адский холод и бесконечный, надрывный вой. Судорожно втянув воздух, я дрожащими пальцами опустил ладонь к груди — туда, где под кожей зловеще пульсировал осколок артефакта, и...

Я замер. Резко отдернув воротник рубашки, я опустил взгляд вниз.

— Исчезло, — прошептал я едва слышно, а в следующее мгновение сорвался на безумный, исступленный смех. — Исчезло!

Я свободен! Наконец-то свободен! Проклятое железо, с помощью которого Владыка Черномор некогда связал мою волю и обратил в безмолвное орудие, сгнуло бесследно. На груди остался лишь рваный, багровый шрам — память о пережитых муках, но сейчас это волновало меня меньше всего на свете.

Вскинув руки, я призвал древнюю силу. Воздух вокруг заискрился, и в следующее мгновение мое тело укрыли тяжелые, ослепительно сияющие серебром латы. Я по-прежнему оставался бессмертным воином стихий. И я был свободен.

Знакомый, отвратительно резкий звук разорвал тишину небес. Инстинктивно я метнулся в сторону, укрываясь под раскидистыми ветвями исполинского дуба. Так и есть: над верхушками деревьев, заслоняя собой солнце, пронесся ис-

полинский дракон — жуткое порождение Черномора, патрулирующее лесные владения.

Это зрелище мгновенно поставило всё на свои места.

Владыка Черномор всё ещё жив. А значит, юная Аня почти наверняка мертва — она принесла себя в жертву, чтобы сокрушить Сердце Мироздания. Моему разуму претила сама мысль о том, что этот жестокий демон мог пощадить смертную девчонку.

Моим следующим шагом должно было стать обретение верного скакуна. Сосредоточившись, я позволил внутренней энергии влиться в землю, с наслаждением ощущая, как податлив стал этот обновленный мир. Воздух сгустился, серебристые потоки закружились вихрем, принимая форму величественного коня. Металлический зверь тряхнул точеной головой, ударив оземь сверкающим копытом так, что из-под него брызнули искры.

Одним плавным прыжком взлетев в седло, я молча сжал коленями бока верного творения. Мне требовалось найти ближайшее людное селение. Нужны были вести, нужны были надежные союзники. Только так я смог бы понять, в какой точке Черноморья я нахожусь, и отыскать других бессмертных воинов, способных разделить со мной мой новый крестовый поход.

Аня погибла. Сердце Мироздания разрушено. А Владыка Черномор всё ещё ходит по этой земле.

Но ненадолго.

Я легко тронул коня за упряжь, заставляя зверя сорваться с места в стремительный галоп. Справедливость наконец восторжествует.

Владыка Черномор падет.

Анна

Я плелась следом за этим невыносимым ворчуном, который ещё совсем недавно был всего лишь вредным котом с одним глазом. На меня он даже не оборачивался. Не удостоил ни единым словом, тупо уставившись куда-то вперед сквозь переплетение ветвей.

Мы шли в молчании минут десять, пока внутри меня окончательно не закипело.

— Ладно. Куда мы вообще направляемся? И какого черта мы тут делаем?

— Моя сила пропала, — Баюн скривился так, будто проглотил лимон целиком, и без того свирепый вид стал еще омерзительнее. — Идем возвращать то, что принадлежит мне по праву.

— Значит... мы застряли?

— Да.

— А я вот вовсе не горю желанием застревать в компании вредного старикашки, — я с вызовом уставилась на него. — Знаешь, что? Ты мне ужасно не нравишься.

— Взаимно, девчонка. А если ты наконец заткнешься и позволишь мне подумать, возможно, я даже соображу, как

распутать эту чертову заварушку. — Он оскалился, демонстрируя потрепанные в боях зубы.

— Может, Владыка Черномор знает, как...

— Ты и впрямь круглая дура, да? — он раздраженно мотнул головой. — Серьезно думаешь, что он станет нам помогать? Да нас сожрут живьем в тот же миг, как мы сунемся обратно к человеку, которого ты только что предала!

— Пф, да пошел ты. — Я надулась. Настоящий хамоватый хам, чтоб его. — Раз уж мы застряли на неопределенный срок, объясни толком: куда мы держим путь? Каким образом вообще выбираться из этой дыры?

Небеса над Черноморьем сияли чистой, бездонной синевой. Весна и мягкое солнце вернулись, и казалось, каждая травинка, каждый куст в этом зачарованном лесу вышли отпраздновать долгожданную свободу. По крайней мере, пейзаж вокруг радовал глаз — в отличие от моего спутника, чей характер был хуже горькой редьки.

— Куда мы идем? — переспросила я, послушно семена за его широкой спиной.

— Недалеко отсюда есть селение. Возьмем всё необходимое для дальней дороги, а то, что останется — спалишь дотла, — бросил он через плечо с таким ледяным спокойствием, будто велел сбегать за хлебом в соседний ларек.

— Погоди-ка, стоп! — я подбежала к нему, преграждая дорогу. — Ты сейчас пропустил шагов восемь! Что мы вообще задумали? Где мы окажемся в итоге? Я не сделаю ни

единого шага, пока ты всё мне не растолкуешь!

Он со стоном закрыл лицо ладонями, забормотав себе под нос что-то трехэтажное и явно непечатное на древнем коша-чем наречье.

— Если хочешь когда-нибудь вернуться к своему разбитому корыту в человеческий мир, будешь помогать мне, хочешь ты того или нет.

— А если я решу, что мне вовсе не хочется возвращаться? — я гордо задрала подбородок. Конечно, я безумно тосковала по родителям и по своему дому. Но Черноморье... Дикое, опасное, переполненное подлинной магией Черноморье манило меня своей грандиозностью. Здесь у меня впервые в жизни появился шанс стать кем-то большим, чем просто уставшей от рутины девчонкой.

Он резко развернулся, надвигаясь на меня с пугающей свирепостью, пытаясь задавить авторитетом.

— И каков же твой гениальный план, смертная?

— Просто поверну налево и пойду куда глаза глядят. Раз уж мы связаны одной цепью, хочешь ты этого или нет, но твоя судьба теперь зависит от моих решений. Витязь Добрыня наверняка где-то бродит неподалеку. Может, найду себе нормальных союзников покрепче тебя.

— Включи мозги, глупая девчонка! — взревел он. — Без меня ты здесь никто. Ты понятия не имеешь, где находишься, куда идти и кто тебе друг, а кто враг. Любой первый встречный бессмертный дух порвет тебя на лоскуты за пару

секунд. Они терпеть не могут таких, как ты.

— С чего бы это? Я вообще-то та самая героиня, что освободила их всех из заточения!

— Ты совершенно не понимаешь устройство этого мира, — он отмахнулся от меня, снова зашагав по тропинке в чащу. — С меня хватит этого балагана. Я иду туда. И знай: чем дальше мы будем удаляться друг от друга, тем сильнее тебя начнет ломать от боли, пока ты не ослепнешь. Мой болевой порог всяко выше твоего, так что выбор за тобой.

Я скривилась. Перспектива так себе.

— Мог бы начать с этого предупреждения.

— По наивности своей я думал, что у тебя в голове есть хоть капля здравого смысла.

Я тяжело вздохнула. Идти в одиночку — верная смерть. Тащиться за этим вредным человеко-котом — сплошное мучение.

— И как ты собираешься все это исправлять? — догнав его, я поплелась рядом. Ладно, пока побуду с ним, а там придумаю что-нибудь понадежнее. — Куда мы двинем после деревни?

— В горы. Там живет старый отшельник-колдун, если этот безумный старый пень еще не окочурился. Может, у него хватит ума нас разъединить, — проворчал он.

— Колдун? Настоящий маг? Прямо как...

— Понятия не имею! — рывкнул он, прерывая меня на полуслове. — И перестань уже спрашивать, каждый ли встреч-

ный бомж — это легендарный маг!

— Тьфу ты. — Я вздохнула во второй раз. А так хотелось верить, что где-то здесь бродит настоящий мудрец из сказок. Ну да ладно. — Значит, надежда только на местного знахаря?

— У меня нет других идей. И поверь, я сам не в восторге от перспективы таскать тебя за собой в качестве бесплатного приложения. — Он снова оскалил зубы с хищным блеском. — И уж тем более я не собираюсь возвращаться в то проклятое Сердце Мироздания. Ни за что на свете.

Я нахмурилась. Положение было хуже некуда. Идей у меня тоже не наблюдалось. К Владыке Черномору путь заказан. Одной в лесу не выжить. Бросить этого хама нельзя — иначе начнется такая костоломная боль, что мало не покажется. Просто прекрасно. Чудесно просто.

Настроение упало ниже плинтуса, что выглядело жутчайшим контрастом на фоне буйствующей вокруг весенней красоты. Мы перепрыгнули через прозрачный ручеек, в котором резвились те самые диковинные, переливающиеся всеми цветами радуги рыбы.

Черноморье и правда было похоже на рай. От которого мне безумно хотелось взвыть во весь голос.

Спустя какое-то время мы вышли на широкую заброшенную дорогу. Идти по твердому грунту босыми ногами было гораздо приятнее, чем месить лесную грязь. Стражники на своих драконах вряд ли патрулировали эту глушь пешком,

так что риск наткнуться на погоню был минимальным. Выбора у нас всё равно не было — не ломиться же сквозь бурулем до самой старости.

— Эй... — начала было я.

— Мне плевать, что ты хочешь сказать, — не оборачиваясь, бросил он.

Я злобно зыркнула ему в затылок, мысленно пытаюсь поджечь его шевелюру силой взгляда. Увы, искра не слушалась. Ненавижу здесь абсолютно всё!

В этот момент из-за поворота донесся знакомый радостный лай.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё замирает, а сердце делает кульбит от неожиданности.

— Вихрь? Вихрь, милый!

Огромный пес пронёсся по пыльной дороге на всех парах, высунув длинный язык и радостно виляя хвостом. Не успела я опомниться, как он с разбегу врезался в меня передними лапами, едва не сбив с ног, и принялся вовсю вылизывать мне лицо.

— Тьфу ты, напасть какая, — недовольно проворчал Баян, брезгливо морщась. — Опять эта блохастая псина.

Вихрь тут же оскалил зубы, прижав уши к голове и грозно рыча на моего спутника.

— Тихо, малыш, тише, всё хорошо, — я засмеялась, обнимая пса за шею и зарываясь пальцами в его густую шерсть. — Не бойся, он просто вредный. То есть... он всегда такой.

Пес продолжал утробно урчать, явно не доверяя подозрительному мужику со шрамом. Но стоило мне ласково погладить его по холке и заверить, что этот сердитый дядька нам не угрожает, как Вихрь понемногу успокоился, хотя глаз с него не сводил.

— Я его тоже терпеть не могу, так что мы квиты, — улыбнулась я псу. — Знаю, он страшный и вредный, но что поделать — природа обделила манерами. Ну, или воспитанием.

— Очень смешно, — саркастично отозвался мой конвоир, шагая дальше.

— Послушай, ты ведь даже не пытаешься скрывать, как сильно меня ненавидишь, — процедил сквозь зубы Баюн, косоглянув на меня единственным глазом. — Так с чего бы мне быть с тобой любезным? Имею полное право хамить в ответ, раз уж ты сама вечно смотришь волком. Это исключительно честно.

Я только хмыкнула в ответ на его упреки.

— До селения уже недалеко, — буркнул он, отворачиваясь и ускоряя шаг.

— И что мы будем делать, когда доберемся?

— Я уже говорил. Соберем припасами, спалим эту дыру дотла и двинемся дальше.

— А просто попросить о помощи мы не пробовали? — идея воровать, а тем более устраивать поджоги, мне претила. Вихрь трусил рядом, гордо зажав в зубах какую-то корягу, и уже совершенно забыл о присутствии опасного попутчика.

— Нет.

Я тяжело вздохнула.

Когда мы наконец добрались до окраины городка, солнце как раз клонилось к закату, раскрашивая небеса в роскошные багряные, золотые и лиловые тона. Черноморье было поистине ослепительным. Я невольно улыбнулась, наслаждаясь царившим вокруг умиротворением.

Ровно до того момента, пока нас кто-то не заметил.

Навстречу шла местная жительница — молодая девица с длинными, переливающимися всеми цветами радуги волосами, которые, если мне не изменяло зрение, состояли из настоящих павлиньих перьев. От неожиданности она выронила тяжелую корзину с овощами, и спелые плоды со стуком раскатились по дороге. Глаза девушки округлились до размера блюдца, после чего она с диким визгом бросилась обратно вглубь улиц.

— Стража! Спасите, стража!

— Ну просто великолепно, — я со стоном приложила ладонь ко лбу.

Баюн взбесился окончательно и воинственно оскалился на пустую улицу: — Да! Бегите в ужасе, ничтожные черви! Трепещите перед истинными хозяевами этого мира, ибо мы вернулись, чтобы вернуть свое!

Я закрыла лицо обеими руками, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы от всего этого сюрреалистического цирка.

— Твою ж налево.

Глава 12

Владыка Черноморья, Черномор

Я приземлился с оглушительным, закладывающим уши грохотом, всколыхнувшим саму ткань пространства.

Трава на поляне согнулась до самой земли под мощнейшим ураганным потоком от крыл моего дракона. «Крошка» — теперь так звали эту чешуйчатую громадину, к лучшему или к худшему. Скорее всего, к неизбежному худшему. Только одна безумная на свете особа могла наградить моего великого и ужасного зверя столь издевательским прозвищем.

С тихим, ледяющим душу вздохом я окинул взглядом открывшийся пейзаж. Черноморье расцвело во всей своей первозданной, ослепительной красе: изумрудная зелень сочных лугов утопала в море разноцветных бутонов, а птицы заливались беззаботными весенними трелями, празднуя возвращение долгожданных времен года. Переведя взгляд, я направился к скрытой за раскидистыми ветвями поляне, где, по моим расчетам, должна была находиться нужная мне стихийная дева.

Зрелище было поистине захватывающим. И в то же время оно несло в себе предзнаменование неизбежного хаоса, новой кровопролитной войны и смерти.

Совсем скоро жаждущие власти мятежные духи вновь начнут свою бесконечную борьбу за превосходство, не забо-

таясь о сожженных селениях и тысячах невинных жизней. Но в этот миг меня волновало совсем другое. Где-то там, затерявшись в лабиринтах островов, скрывался демон, известный как Царь Пепла.

Отыскать и остановить его — вот моя первостепенная задача. Всё остальное могло подождать.

Это давало мне благовидный предлог позволить остальным стихийным сущностям самим выбрать свой дальнейший путь. Снова бросятся ли они в братоубийственную войну? Объединятся ли перед лицом общей угрозы? Или же выберут мудрый мир, пытаясь собрать по осколкам свои разбитые жизни и наслаждаясь дарованной мной свободой после сокрушения Сердца Мироздания?

Хотя, если быть до конца честным, это решение не было тщательно спланированным ходом. Я уничтожил артефакт в слепом порыве ярости и невыносимой боли. Но раз уж свершилось непоправимое и древняя магия вырвалась на свободу, с моей стороны было бы бесчестно тут же пытаться загнать её обратно в ледяную тюрьму.

Нет, я должен дать им шанс. Шанс доказать обретенную мудрость — или же швырнуть эту милость мне в лицо, избрав путь войны.

Кровопролитие начнется точно не по моей воле.

Пусть мне было бесконечно далеко до легендарного благородства князя Владимира, Владыка Черномор вовсе не был тем безжалостным тираном, каким меня привыкли рисовать

в черных сказках.

Хотя переубеждать кого-то из них — пустая трата времени.

Я соскользнул со спины дракона, успокаивающе похлопав чешуйчатого зверя по мощной шее. Я точно знал: владычица этой поляны не причинит мне вреда. Пусть она и славилась скорее миролюбием и искусной дипломатией, чем воинским пылом, сама суть моих неразрушимых лат делала меня неуязвимым для её чар. Ни один дух стихии не мог навредить мне в этом неестественном, скованном железом состоянии. Именно эта моя инородность веками питала их слепую ненависть и недоверие ко мне.

Шагнув в тихую прохладу поляны, я мысленно вернулся к главной цели. Хозяйка этих мест пользовалась всеобщим уважением и почтительным трепетом, хотя внешне казалась хрупкой и беззащитной. Врываться в её обитель вот так, сразу после её пробуждения, было сущим святотатством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.